

Е.М.ШИЛЛИНГ

НАРОДЫ КАВКАЗА

Малые народы Дагестана

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАРОДЫ КАВКАЗА

Е.М.ШИЛЛИНГ

МАЛЫЕ НАРОДЫ ДАГЕСТАНА

Москва 1993

Главные редакторы: Ю.Б.Симченко, В.А.Тишков
Зам.главного редактора - А.И.Кузнецов
Ответственный секретарь - Л.И.Миссонова
Редакционная группа: Ерунов И.А., Квашнин Ю.Н., Крюкова С.С.,
Носова Г.А., Павлова Н.В.

Составление и научное редактирование Н.Г.Волковой,
Г.А.Сергеевой
Автор вступительной статьи Ю.Д.Анчабадзе.

Рисунки - Г.В.Вороновой
Рецензент - кандидат исторических наук О.А.Габуева

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (код 93-06-10474)

© 1993 г. Координационно - методический центр по подготовке
серии "Народы и культуры" Института этнологии и антропологии
РАН

Евгений Михайлович Шаллине (1892-1953)	7
Анцелины	23
Ботлихины	74
Каратины	96
Годоберинцы	129
Багулалы	147
Ахвахцы	201
Белитины и хунзалы	216
Арчинцы	228
Кайтаки	239
Кубачинцы	248
Приложение: -Динамика численности малых народов Дагестана	270
Указатель этнических названий	271
Список иллюстраций	276
Список сокращений	277

Альманах "Российские этнографы" является изданием широкого профиля. Помимо академических работ в нем публикуются этнографические очерки, путевые заметки и другие материалы, представляющие интерес для этнологической дисциплины. Издатели разделяют не все высказываемые авторами альманаха положения.

Предлагаемая читателю книга продолжает начатый Координационно-методическим центром Института этнологии и антропологии им. Мислухо-Маклая РАН выпуск Материалов к серии "Народы и культуры", издание которой намечается в текущем десятилетии.

Настоящее издание посвящено т.н. малым народам Дагестана. Проживая в высокогорье, по соседству и в окружении крупных многочисленных этносов, эти народы долгое время почти не привлекали внимание исследователей, вследствие чего библиографии специальных работ по их быту и культуре насчитывала едва ли полтора десятка наименований.

Между тем еще в 1940-е гг. малые народы Дагестана целенаправленно изучал известный московский кавказовед Е.М.Шиллинг. Многолетние этнографические экспедиции позволили ему собрать ценнейший, уникальный историко-этнографический материал. Однако, осев в архиве, эти исследования так и остались неопубликованными.

Настоящим изданием работы Е.М.Шиллинга по малым народам Дагестана вводятся в научный оборот. Представляя собой по существу монографические очерки, они охватывают практически все стороны этнографического бытия этих народов: хозяйство, поселение, жилище, одежда, пища, духовная культура, обрядность. Закрывая лакуну в кавказоведении, работы Е.М.Шиллинга вносят существенный вклад в наши знания, углубляют и детализируют научные представления об этнокультурном разнообразии Дагестана.

Русское кавказоведение, оставаясь частью отечественной этнографической науки, прошло в XX столетии значительный и во многом самостоятельный путь развития. Его главные итоги воплощены, прежде всего, в книгах, концепциях, идеях, преемственно продолжающих высокие интеллектуальные традиции кавказоведческих исследований дореволюционного периода. Однако, не менее ценен и поучителен субъективный аспект истории нашего знания. Науку создает люди. Обаяние личности ее творцов и подвижников незыблемо присутствует на страницах истории, одухотворяя безликую тотальность самосознания науки. Отраженный свет человеческой индивидуальности проследивается в преимущественном интересе ученого к конкретной проблеме, которая по прошествии лет навсегда остается сопряженной с именем и трудами своего исследователя, в узнаваемой манере вторского письма, в самой судьбе ученого — творческой, профессиональной, которая, как в фокусе, преломляет этапы развития науки, трагические противоречия эпохи, которую нам всем было суждено пережить.

В истории русского кавказоведения немало замечательных имен. Е.М.Шиллингу принадлежит одно из самых почетных мест в когорте исследователей, чья деятельность протекала в первой половине текущего столетия. Недалгий жизненный путь Е.М.Шиллинга был наполнен самоотверженным трудом и самозабвенным служением любимой науке, которой он никогда не изменял. Его творческое наследие выдержало испытание временем. Оно осталось в ряду самых ценных приобретений отечественного кавказоведения, во многом определив последующие направления исследовательской работы по изучению быта и культуры народов Кавказа.

Евгений Михайлович Шиллинг родился 7 октября 1892 г. в

Москве¹. За год до потрясших Россию революционных переворотов он завершил историко-филологическое образование в стенах Московского университета и тогда же в 1916 г. по заданию университетского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии совершил свою первую этнографическую экспедицию, маршруты которой пролегли еще очень далеко от впоследствии столь полюбившегося ему Кавказа — по деревням Вологодчины. Трудовую деятельность Е.М.Шиллинг начал учителем, затем недолгое время работал в системе Главполитпросвета. В 1920—1922 гг. состоял сотрудником Наркомата национальностей, являясь ученым секретарем его этнографического бюро и инструктором отдела национальностей.

Именно в этот период состоялось первое знакомство Е.М.Шиллинга с Кавказом. С августа 1920 по январь 1921 г. в составе экспедиции, которую возглавлял молодой, но к тому времени уже достаточно известный кавказовед Н.Ф.Яковлев, Е.М.Шиллинг находился в Кабарде, Ингушетии и у терских казаков. Был собран обширнейший этнографо-лингвистический материал, дополнявшийся последующими экспедиционными выездами на Кавказ, в которых Е.М.Шиллинг принимал самое деятельное участие.

Собранный экспедиционный материал хранился сначала в Институте востоковедения им. Нарманова, где был подраздел исследований северокавказских языков, но впоследствии был поднят вопрос о создании специальной научно-исследовательской структуры кавказоведческого профиля. 1 апреля 1924 г. Главнаукой был учрежден Комитет по изучению языков и этнических культур народов Кавказа или, как его часто называли, Северокавказский комитет. Е.М.Шиллинг стал его сотрудником и впоследствии и ученым секретарем, причем на работу в Ко-

---

¹ Биографические сведения о Е.М.Шиллинге см.: Шиллинг Евгений Михайлович // Этнография. 1926. № 1-2; Никольская З.А. Евгений Михайлович Шиллинг (1892-1953) // Сб. 1954. № 2. С.177-178; Страницы отечественного кавказоведения. М. 1992. С.164.

митет он был принят по ходатайству Н.Я.Марра, который в мае писал в Главнауку, что рассчитывает воспользоваться услугами молодого ученого "в рамках экспедиций Комитета этим же летом на Северный Кавказ"². Очень скоро Комитет расширил географические рамки своей деятельности, вследствие чего 11 сентября 1924 г. был преобразован в Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР, а затем — 24 июня 1925 г. — стал научно-исследовательским институтом этнических и национальных культур народов Востока СССР, в штате которого Е.М.Шиллинг в должности "научного сотрудника I разряда" состоял до 1930 г.³.

Чрезвычайно насыщенный и плодотворный период научной деятельности Е.М.Шиллинга связан с работой в Центральном музее народоведения (Центральный музей народов СССР). ЦМН был открыт в июне 1924 г. (с 1930 г. — ЦМ народов СССР). Его учреждение в столице было не случайно, а преследовало вполне определенные практические цели, направленные на идеологическое обеспечение официальной национальной политики советской власти. Широко рекламировавшийся расцвет всех наций и народностей Союза СССР, их "успехи" в деле строительства новой жизни на рельсах социализма нуждались в соответствующей витрине, своеобразной выставке достижений. Именно эти функции во многом должен был выполнять новый музей.

Однако ЦМН/ЦМ народов СССР не стал филиалом Агитпрома. Высококласные специалисты, пришедшие на работу в Музей, а среди них были Б.М.Соколов (председатель организационной

² ЦГА РФ. Ф.2307. Оп. 9. Д.226. Переписка с Комитетом по изучению этнических культур Северного Кавказа. Л.117.

³ Позднее Е.М.Шиллинг не без гордости (и по праву) отмечал свою личную причастность к начальным этапам организационного строительства советской кавказоведной и востоковедной науки. Вспоминая свою первую экспедицию на Кавказ, он писал, что она послужила "вместе с последующими экспедиционными работами группы московских ученых поводом для учреждения Главнаукой в 1924 г. т.н. Северо-Кавказского комитета (позднее НИИ народов Востока)". — См., Шиллинг Е.М. Культ Тушולי у ингушей // Изв. Ингушского НИИ. Т.IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934.

комиссии по созданию Музея и впоследствии его директор), Б.В.Миллер, В.В.Богданов, Б.С.Жуков, В.Ю.Крутянская и др. были весьма далеки от примитивных установок на "пропаганду и агитацию". Основным смыслом своей деятельности они видели в осуществлении счастливой возможности воссоздания в столице многонационального государства музея культур всех населяющих его народов. Недолгая, но интенсивная собирательская, экспозиционная, научная работа коллектива сотрудников позволила ЦМН/ЦМ народов СССР стать одним из богатейших этнографических собраний мира, крупнейшим этнологическим исследовательским центром в довоенном СССР.

Е.М.Шиллинг по праву считается одним из основателей Музея. С первых же дней он являлся сотрудником отдела Кавказа, где работали также Н.Ф.Яковлев (он был заведующим; Е.М.Шиллинг его заместителем) и Н.В.Маркова. Специфика экспозиционно-выставочной деятельности Е.М.Шиллингу была уже знакома. В 1923 г. ему довелось быть одним из организаторов и устроителей этнографического отдела на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, экспонаты которой, наряду с этнографическими коллекциями Румянцевского музея, составили основу фондов ЦМН. Кроме того, в Музее Е.М.Шиллинг вел научно-исследовательскую, фондовую, научно-просветительскую, а также организационную работу, долгие годы находясь в должности ученого секретаря. Особо значительна была роль Е.М.Шиллинга в деле комплектования музейных фондов. Его практически ежегодные, многомесячные экспедиционные выезды в различные районы Кавказа обогащали коллекции ЦМН/ЦМ народов СССР ценнейшими, уникальными экспонатами. Публикации и архивные документы позволяют представить характер этих поступлений. Так, из экспедиции в Чечню в 1926 г. было доставлено 120 предметов "по домашнему обиходу, ткачеству, средствам передвижения, земледельческим, музыкальным инструментам"⁴.

---

⁴ Шиллинг Е.М. Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1927. № 1. С.209.

Экспедиция 1928 г. в Грузию исполнила коллекцию 362 экспонатами, 300 негативами, 40 рисунками и чертежами⁵.

В это же время началась преподавательская деятельность Е.М.Шиллинга. Широко используя фонды ЦМН/ИМ народов СССР, он вел со студентами МГУ и Института национальных и этнических культур народов Востока семинары по музейному делу. В 1939 г. Е.М.Шиллинг стал доцентом кафедры этнографии МГУ. Здесь он читал курсы по этнографии народов Кавказа, истории материальной культуры в первобытном обществе, спецкурсы по жилищу народов Кавказа, руководил полевой и дипломной практикой студентов.

Не прерывая преподавательской деятельности в МГУ, в 1943 г. Е.М.Шиллинг становится научным сотрудником Института этнографии АН СССР. Работая в институте, Е.М.Шиллинг был участником всех крупных исследовательских проектов, над которыми работали сотрудники, в частности является одним из авторов разделов по народам Кавказа в известной многотомной серии "Народы мира".⁶

Параллельно Е.М.Шиллинг продолжал интенсивную экспедиционную деятельность, которую начал еще в далекие 1920-е гг. Практически ежегодно он отправлялся в длительные, многомесячные экспедиции на Кавказ, совершая порой их дважды за один полевой сезон. Так, свою первую экспедицию Е.М.Шиллинг завершил в январе 1921 г., но уже осенью того же года он снова на Кавказе, в горной Ингушетии, где собирает материал по традиционным верованиям местного населения; зимой 1925 г. он работает в Чечне, летом и осенью — в Карачаево-Черкессии и Абхазии. И это не было исключением в экспедиционной практике исследователя, сумевшего до конца жизни сохранить страстную увлеченность молодости и задор первооткрывателя. В этом

⁵ ИГА РФ. Ф. 3207. Оп. 13. Д. 45 Годовой отчет ЦМН за 1927/28 год. Л.6, 11.

⁶ Общие сведения /соавт. Г.Ф.Дебел, Г.А.Нерсисов/; Даргинцы /соавт. А.А.Алиев, З.А.Никольская/.

отношении Е.М.Шиллинг являл собой пример ныне повсеместно исчезающего у нас типа этнографа-полевика, для которого непосредственное пребывание в среде изучаемого народа было второй жизненной ипостасью, настоящей внутренней потребностью, лучшими минутами земного существования.

В поле Е.М.Шиллинг обладал феноменальной работоспособностью. Дорожа каждой отпущенной минутой, он принимался за дело засветло, а завершал рабочий день уже в густых сумерках, редко отвлекаясь на что-либо постороннее, побочное и уж совсем решительно не допуская праздного безделья и незаслуженного отдыха. Долговатый полевой опыт и прекрасное знание конкретной этнографии помогали ему легко ориентироваться в любых ситуациях, видеть перед собой главное, фиксировать наиболее интересное, важное, уникальное. В течение долгих лет возглавляя студенческие экспедиции МГУ, Е.М.Шиллинг умело руководил своими учениками, нацеливая каждого на конкретный объект и объем работы. Но сам стремился охватить как можно больше. В его экспедиционных материалах, помимо записей бесед с информаторами, можно встретить тщательно скопированные планы жилищ, подробные обмеры одежды, многочисленные описания и зарисовки других предметов материального быта. Интересно, что выработанная индивидуальная система фиксации позволяла Е.М.Шиллингу запечатлеть последовательность движений групп участников различных общественных действий: игр, молений и т.д.

Скупые строки краткого отчета о результатах работы экспедиции Комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока в Карачаево-Черкессии в июне-сентябре 1925 г. дают некоторое представление об объеме и направленности исследовательских интересов Е.М.Шиллинга. В частности, за время экспедиции "исследованы: Кабардинские и Абазинские аулы предгорной полосы (Исаевский, Бисерловский и другие); обследовано до 40 усадеб, описаны организации лесозаготовительных артелей и праздник окончания сдвига леса, описаны: обработка шерсти, шерсто-ткацкое и шерсто-валяльное производство, обработка кожи, плетение галуна, золотое шитье, старин-

ный женский костюм, старинные способы земледелия и скотоводства. Обследованы в Карачае: старинный тип жилища "буу" - в ауле и на летних кошках, шерсто-валяльное производство (шляпы, бурки), золотое шитье, плетение шнуров и тесмы, старинные каменистые постройки (склепы, башни); собраны предания о происхождении карачаевцев и о родовом быте"⁷. Или же теми, по которым Е.М.Шиллинг собирал сведения в 1925 г. во время работы в Сванетии Закавказской экспедиции ЦМН: "жилище, орнаментика, средства передвижения, народный календарь и религиозные пережитки, занятия (земледелие, скотоводство, ткачество, кузнечное дело, охота и др.)"⁸.

Как это часто бывает, регион изучения становится для этнографа второй родиной, которую он любит и лелеет, которой неизменно гордится. Е.М.Шиллинг всегда тянулся к Кавказу, не мыслил своего существования без его гор, аулов, добрых и отзывчивых людей. Его информаторы становились впоследствии друзьями, всегда готовы были бесконечно помогать московскому ученому, хотя, возможно, так до конца и не понимая, чем их повседневная, привычная жизнь может интересовать приезжего друга. На Кавказе Е.М.Шиллинга хорошо знали, ожидали его ежегодных приездов и само имя Евгения Михайловича было окружено неизменным уважением и шлететом. "Профессор Шиллинг приехал". - быстро распространялась весть по всей округе, где работал экспедиционный отряд.

Кавказ и его ментальность оказались столь близкими сердцу и душе Е.М.Шиллинга, что многие черты горского быта стали неотъемлемыми качествами его человеческого естества. Он хорошо усвоил этикетные нормы и строгие правила традиционного поведения, что давало возможность безошибочно ориентироваться в хитросплетениях всевозможных жизненных ситуаций, не попадая невольным впросак. В редкие минуты экспедиционно-

⁷ ЦГА РФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 258 Отчеты экспедиций ЦМН. Л. 10 об.

⁸ ЦГА РФ. Ф. 2307. Оп. 13. Д. 45 Годовой отчет ЦМН за 1927/28 год. Л. 34.

го отдыха он любил верховные прогулки, ловко принимая в седле позу молодцоватого джигита. На многих photographиях Е.М.Шиллинг запечатлен одетым в "кавказскую" рубаху — очень популярный элемент мужской одежды на Кавказе 1920—1950-х гг.

Экспедиции Е.М.Шиллинга охватывали весь Кавказ. В материалах личного дела сохранилась его собственноручная записка, в которой перечисляются обследованные регионы: Абхазия, Шапсугия, Черкесия, Адыгея, Кабарда, Ингушетия, Чечня, Гурния, Караногай, Дагестан, Сванетия, Мегрелия, Имеретия, Лечхуми, Аджария, Месхети, Карталиния, Кахетия, Хевсуретия, Ишанги, города Армении, Азербайджана, Грузии⁹. Однако чаще всего Е.М.Шиллинг бывал в Дагестане. Этот край манил разнообразием культур населявших его народов, удивительной вариативностью форм их бытового уклада, от села к селу менявшимся обликом материального окружения, духовной жизни. Е.М.Шиллинг преклонялся перед художественным гением дагестанских народов, восхищался выдающимися образцами народного искусства златокузнецов Кубачей и Унцукуля, гончаров Балхара и Сулейкента, ковровщиц Кизного Дагестана.

Народное искусство интересовало Е.М.Шиллинга и как научная проблема. Без сомнения, он был крупнейшим знатоком этой сферы духовной культуры народов Дагестана, изучением которой исследователь занимался на протяжении всей творческой жизни. Характерно, что первая печатная работа Е.М.Шиллинга была посвящена описанию дагестанских кустарных промыслов¹⁰, одна из последних — фундаментальное монографическое исследование культуры кубачинцев, также содержит большой раздел по искусству местных мастеров-ювелиров¹¹.

Народное искусство рассматривалось Е.М.Шиллингом в трех исследовательских аспектах. Так, оно было представлено

⁹ Архив ИЭА РАН. Личное дело Е.М.Шиллинга. Л.18.

¹⁰ Дагестанские кустари. М., 1926.

¹¹ Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949.

им как сумма технологических приемов конкретного художественного производства, причем особенно ярко этот подход проявился при анализе исследователем дагестанской металлообработки. Описание Е.М.Шиллингом соответствующих процессов — это скрупулезная фиксация действий мастера в последовательности сотворения артефакта. Сам технологический процесс охвачен Е.М.Шиллингом во всей его полноте — от приемов первичной обработки материала до завершающих тончайших операций по украшению изделий методами гранировки, чернения, насечки, филигранны и др. Е.М.Шиллинг подробно описал подручный арсенал мастера, его орудия труда, их разнообразие, предназначение, способы применения. При этом важно подчеркнуть, что технологию производства Е.М.Шиллинг рассматривал не в обычном для подобного рода описаний контексте хозяйственного быта, но как составную часть художественной культуры народа, а изобретенные, виртуозные приемы работы дагестанских мастеров как одно из воплощений традиционного искусства.

Второй аспект исследовательского подхода Е.М.Шиллинга к изучению народного искусства выразился в его интересе к творчеству отдельных мастеров. Для Е.М.Шиллинга народное искусство не было безличным. Даже старинные предметы художественного творчества, сохранившиеся в музейных коллекциях и высокогорных дагестанских аулах, не не сохранившие имена своих создателей, несли для внимательного взгляда ученого печать индивидуального мастерства. Тем большее внимание Е.М.Шиллинг проявлял к творчеству современных ему мастеров-художников, вдумчиво и глубоко анализируя специфические особенности их авторских работ¹². Для Е.М.Шиллинга появление в современных изделиях новаций, их закрепление либо отторжение системой образного строя народного искусства было свидетельством живого процесса его саморазвития, извечного созидания усилиями и творческим озарением художников-мастеров.

¹² См., например, его статью: Кубачинская серебряная доска с выгравированным текстом // СЭ. 1936. № 4-5; раздел "Творчество отдельных мастеров" в монографии "Кубачинцы и их культура".

В то же время мастера работали в рамках достаточно жесткого художественного канона. Изучение последнего было еще одним аспектом исследований Е.М.Шиллингом искусства народов Дагестана. В его работах даны, пожалуй, наиболее полные описания характерных элементов декорирования дагестанских художественных изделий, прослежены этапы их эволюции, проанализированы место и функции в системе художественной образности. Исследования ученого подтвердили высказанную ранее А.С.Башкировым мысль о существовании в Дагестане двух разновидностей орнаментальных узоров, причем зафиксированный Е.М.Шиллингом их ареал также совпадает в основном с зонами, выделенными в свое время А.С.Башкировым. Так, по Е.М.Шиллингу, один слой, условно названный им "слоем развитого искусства", отличается пыльным растительным декором, и проявляется в художественных традициях Кубачей и Казикумуха. Другой характерен для изолированных в прошлом областей Внутреннего Дагестана и характеризуется более сдержанным орнаментальным началом. Характерные признаки обоих слоев традиционного дагестанского орнамента прослежены Е.М.Шиллингом в златокузнечестве, вышивке, медночеканном производстве, короткачестве, керамике, резьбе по камню и дереву и других отраслях народного искусства.

Важное место в научном наследии Е.М.Шиллинга занимает исследование социального строя и общественного быта народов Дагестана. Основные наблюдения и выводы по этой теме обобщены ученым в его монографии, посвященной кубачинцам. В историографической литературе уже давались оценки соответствующих работ Е.М.Шиллинга. В частности, Я.С.Смирнова отметила ценность выявленных исследователем пережитков патриархата в быту кубачинцев, указав, что на основе личных наблюдений, сообщений информаторов и фольклорных данных Е.М.Шиллинг "привлекает внимание к остаткам женских вольностей, матриархическим традициям, реликтам возрастных женских сообществ и, что особенно важно, отдаленным реминисценциям оргиастическим"

13 Изобразительное искусство народов горного Дагестана // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ.М., 1950. № 9.

ческих нападений на посторонних мужчин во время женских полевых работ (в форме пленения таких мужчин)" ¹⁴. В то же время Е.М.Шиллинг обратил внимание и на сохранявшиеся в кубачинском быту пережиточные осколки общественной организации "батирте" и "чине", генетически восходящие, по его предположению, к мужским союзам и тайным обществам эпохи разложения первичной формации. К этому же пережиточному кругу относятся и реконструированный Е.М.Шиллингом военизированный игровой цикл "гулала - аку - букон", в котором была задействована неженатая молодежь.

Много внимания Е.М.Шиллинг уделял изучению такой сферы духовной культуры, как религиозные верования. Его перу принадлежат чрезвычайно интересные и информативные очерки традиционных представлений ряда народов Кавказа. Эти работы ¹⁵ носят, прежде всего, справочно-энциклопедический характер, однако, несмотря на краткость, порой конспективность изложения, в них содержится немало ценных наблюдений над существенными характеристиками традиционной системы религиозных верований.

Е.М.Шиллинг видел многослойность традиционных верований, сложность их генезиса и эволюции. Так, в одной из своих статей ¹⁶ он дал описание зафиксированного им в аварском ауле Чох праздничного обряда, центральным моментом которого было поклонение мечу, связываемому в народном сознании с арабским полководцем VII в. Абу-Муслимом. Однако за исламизированной оболочкой обряда автор увидел более архаичный пласт, который он связал с языческой матией плодородия.

Интересны и ценны наблюдения Е.М.Шиллинга над переднеазиатскими истоками культа богини Тушоли у ингушей. Причем,

¹⁴ Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. IIО-III.

¹⁵ Абхазы. Ингуши и чеченцы. Сваны. Черкесы // Религиозные верования народов СССР. Т.2. М.-Л., 1931.

¹⁶ Из истории одного земледельческого культа // Краткие сообщения Института этнографии. 1964. Вып. I.

если А.А.Захаров, первым указавший на ряд параллелей между культом Тушоли и религиозными культами древнего населения Передней Азии, связал это с возможностью "проникновения на Кавказ и даже далее к северу обрядов и верований Передней Азии" ¹⁷, то Е.М.Шиллинг, со всей определенностью утверждает, что "корни ингушского культа Тушоли, характерного для земледельческого обихода, следует искать не на Северном Кавказе, а в кругу старой земледельческой культуры, связанной с весенним праздником возрождения природы, божествами плодородия и фаллическими обрядами" ¹⁸.

Была еще одна исследовательская проблема, которая глубоко интересовала Е.М.Шиллинга и которой, судя по всему, он хотел серьезно заниматься, — это этногенез. Докторская диссертация по аvaro-андо-дедзейским народам, которую он готовил, но не успел завершить, должна была включать большой раздел по этногенезу этих малых этносов Дагестана. Кроме того, Е.М.Шиллинг планировал написание большого монографического труда "Проблемы этногенеза народов Северо-Восточного Кавказа (Дагестан и Северный Азербайджан)", а с известным специалистом по этнографии Поволжья В.Н.Балингер сделал заявку на написание совместной работы по культурно-историческим связям народов Кавказа и Поволжья ¹⁹. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Ранняя, безвременная смерть прервала научную деятельность Е.М.Шиллинга.

Е.М.Шиллинг любил свою науку и имел возможность много работать как за письменным столом, так и в поле во время своих многочисленных экспедиций на Кавказ. В этом отношении его творческая судьба сложилась счастливо и удачно. Однако Е.М.Шиллингу довелось пережить жесточайшее разочарование, которое может постигнуть ученого — невозможность опубликовать

---

¹⁷ Захаров А. Ингушская богиня Тушоли и *Dea Sivia* Лукиана // Известия Ингушского НИИ. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934. С.126.

¹⁸ Культ Тушоли у ингушей. С.115.

¹⁹ Архив РАН. Д.323 Отчет о научно-исследовательской работе Института этнографии АН СССР за 1950. Л.22.

свои исследования, своевременно вынести их на суд читателей, коллег, специалистов. Увиденные свет работы составляют едва ли половину научного наследия Е.М.Шиллинга. Многое осталось в рукописях. Десятилетия работы, самоотверженный труд, плоды многолетних раздумий оказались несправедливо невостребованными, были обречены на пребывание втуне, одиноко и "тайно" храня русские мысли, исследовательские догадки, наблюдения.

Трудно сказать, что заставило Е.М.Шиллинга держать в столе свои законченные исследования. При знакомстве с ними, действительно, бросается в глаза высокая степень их, так сказать, "издательской готовности". Это не сырые, наспех склеенные авторские полуфабрикаты, не логичные в своей исследовательской концепции, строго выверенные по архитектонике, литературно выглаженные опыты, которые, казалось бы немедленно могли быть отделаны в наборный цех. (В таких случаях наш брат, ученый, обычно не медлит, с ходу пытается "пристроить" свое детище в какой-либо журнал или печатный сборник). Е.М.Шиллинг же, как видно, не спешил. Сам ли и по собственной воле определил он своим написанным работам такую жестокую участь, сыграло ли роковую роль стечение неких превосходящих обстоятельств, были ли иные причины столь сурового отношения автора к своим работам — в любом случае вызывает сожаление, что долгие годы творческое наследие Е.М.Шиллинга во всей полноте не было известно научному кавказоведению.

В настоящем сборнике представлена лишь часть работ Е.М.Шиллинга, хранившаяся до сих пор в архиве Института этнологии и антропологии РАН. С введением в научный оборот этих материалов наши знания о многих проблемах культуры и быта народов Дагестана будут точнее, глубже, объемнее, равно как и представление о многоаспектном характере профессиональной деятельности Е.М.Шиллинга и его реальном месте в истории русского кавказоведения.

Н.Д.Анчабадзе

Для настоящего издания отобраны хранившиеся в архиве Института этнологии и антропологии РАН неопубликованные работы Е.М.Шиллинга, посвященные быту и культуре т.н. малых (малочисленных) народов Дагестана. Серия по андо-цезской группе малых народов включает статьи "Андишцы", "Ботлишцы", "Каратини", "Багулалы", "Ахвахи", "Безгини и хунзалы" (есть сведения, что Е.М.Шиллингом были подготовлены также статьи "Дидойцы", "Гиндалы" и "Аварини", однако местонахождение этих рукописей выявить пока не удалось); другая группа малочисленных народов Дагестана — даргинская — представлена статьями "Кайтаглы" и "Кубачинцы". На рукописях статей, подписанных автором, стоят две даты — 1949 и 1950 гг. Хронологически это первые в мировой этнографии специальные исследования данной группы народов, полностью или почти полностью основанные на полевых этнографических материалах, собранных исследователем в 1940-х гг.

Статьи готовились Е.М.Шиллингом для тома "Народы Кавказа" в издававшейся Институт этнографии АН СССР многотомной серии "Народы мира". Однако в последний момент, видимо, было решено статьи в печать не пускать. Это решение не было случайным. Оно отражало распространившийся (не без сильного административного нажима) в советской историографии тех лет точку зрения о якобы активно идущих в Дагестане процессах консолидации наций и народностей, которые прежде всего охватили малые народы, сливающиеся с соседствующими крупными этносами. Андо-цезскую группу малых народов объявляли слившейся с аварцами, кубачинцев и кайтагцев — с даргинцами. Соответствующие этнонимы исчезли из материалов Всесоюзных переписей, количество народов Дагестана уменьшилось, что в конечном итоге "подверстывало" общесоюзные этнодемографические подсчеты под официально названную цифру в 100 народов, проживающих в СССР.

В результате реальные процессы, протекавшие в среде дагестанских народов, были замаскированы механической схемой,

а исследования, выходявшие за рамки официальной концепции, не имели возможности быть опубликованными. Между тем, работы Е.М.Шиллинга, в частности, публикуемые в настоящем издании, наглядно демонстрируют поспешность выводов о результатах консолидационных процессов в Дагестане. Это должно нацелить исследователей на более критическое восприятие некоторых расхожих "научных" теорий, интенсифицировать исследования малочисленных, но равно великих членов семьи народов нашей Земли.

При подготовке рукописи к печати была сохранена авторская стилистика, литературный язык, написание терминов, географических и этнических названий (например, кайтаки вместо ^{то} принятого в настоящее время кайтаги, Телав - вместо грузинской Телави). В случае некоторых расхождений в транскрипции терминов от редакторов в скобках дана форма, принятая в современной кавказоведческой лингвистике.

Считаем уместным привести историографическую справку по малым народам Дагестана, которая со времени их изучения Е.М.Шиллингом пополнилась немалочисленными, но весьма ценными исследованиями.

1. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.:Л., 1949.
2. Сергеева Г.А. Народная одежда арчинцев // КСИЭ. I. М., 1963. Вып. 38.
3. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
4. Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967.
5. Сергеева Г.А. Этнографические наблюдения у хваршин // НЭАИ. 1975.
6. Сергеева Г.А. Об одежде аварской группы народов Дагестана (по полевым материалам экспедиций 1959-1960 гг.) // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX - XX вв. Вып. I. М., 1971.
7. Сергеева Г.А. Основные типы женской верхней наплечной одежды у аварской группы народов Дагестана (вторая половина XIX - XX вв.) // ПЛИЭ. 1975. М., 1977.
8. Сергеева Г.А. Женские головные уборы народов аварской группы Дагестана // ПЛИЭ. 1977. М., 1979.

9. Сергеева Г.А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX — начала XX в. // КЭС. 1980. Вып. 7.

10. Карпов Ю.Ю. Общинный зимний праздник у цезов // СЭ. 1983. №3.

11. Карпов Ю.Ю. Персонажи шаптинского праздника итси: атрибуты костюмов и общественные функции // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СМАЭ. Т.43.1989 г.

12. Мусаева М.К. "Институт временного брака" у хваршин // КСДПЧ (СК). 1990-1991. Санкт-Петербург, 1992.

13. Ризаханова М.Ш. К проблеме традиций и инноваций в современной свадебной обрядности гунзибцев // Там же.

Из малых народов Западного Дагестана андийцы наиболее крупный. Вследствие этого, по-видимому, в лингвистической классификации их этноним оказался принятым для наименования целой восьмичленной подгруппы.

Андийцы занимают едва ли не половину Ботлихского района ДАССР, располагаясь сплошной полосой от его северных границ (Андийский хребет) до южных (река Андийское Койсу). Эта монолитная территория по дореволюционному делению называлась Андийским участком Дагестанской области. Она находится в восточной части Ботлихского района; географически определяется левобережьем среднего течения р. Андийское Койсу, точнее бассейном "Андийской речки", текущей с севера и впадающей в Андийское Койсу около Муни. Здесь имеются следующие 8 селений андийцев¹: Чохсур (Чанко), Гьвану (Анди), Гьунка (Гунко), Гьагьуль (Гагатль), РикIкIуна (Риквани), Ашолу (Ашали), Зилур (Зило), Бонор (Муни). Девятое селение Квохидол (Конхидатль) в феврале 1944 г. было переведено в новый район (в о. Чечню)².

Большая часть земли андийцев представляет собой нагорную зону, расположенную значительно выше Ботлихской котловины и состоящую из крупных массивов, прорезанных "Андийской речкой" и ее истоками³. На образованных массивами склонах и плато лежат аулы, выше других Риквани, ниже (у берега) Анди. Кое-где имеются леса (лесные дачи Анди и Гагатль). Довольно богаты летние пастбища. Климат

¹ Общеупотребительные в литературе названия даны в скобках.

² После депортации чеченцев и ингушей территория Чечено-Ингушетии интенсивно заселялась (ред.)

³ Речная артерия образуется несколькими истоками, обозначившимися по именам соответствующих селений: "Андийская речка" (у сел. Анди), "Гагатлинская речка" (у сел. Гагатль), "Ашалинская речка" или "Рикванская речка" (у селений Ашали и Риквани). Ниже слияния истоков река называется "Андийской" или "Теплой". Около сел. Зило она вступает в узкое ущелье, заканчивающееся у сел. Муни.

умеренно холодный. В более высоких местах зиме длится с октября почти до мая. Садн в большинстве случаев не разводятся. Только южная часть территории (сел. Муни, находящиеся в низине, в двух-трех километрах от Андийского Койсу) пользуется этими природными условиями, приближенными к субтропическим. В целом "андийский участок" геостратегически очень замкнут. Ключом к нему в прошлом, по-видимому, было лишь узкое ущелье речки, близ устья которой на холме возвышается, как страж, прекрасно сохранившаяся башня аула Муни.

Соседями андийцев являются: на юге ботлихцы (с. Ботлих); на востоке аварские селения Гумбетовского района и (до февраля 1944 г.) аварский аул Кимани (в Ботлихском районе); на западе (до февраля 1944 г.) соседями были аварцы селений Тандо и Тасута в Ботлихском районе, на севере за Андийским хребтом — бывшая чеченская территория.

Численность андийцев по переписи 1926 г. — 7.953 чел. По цифрам районного инспектора ЦСУ Госплана СССР демографические данные на 1-е августа 1946 г. могут быть представлены следующей таблицей:

Таблица I.

Название селения	Число хоз-в	Число жителей
Чанко	110	410
Анди (вместе с с. Гунхо и хутором Цефельта)	615	1862
Гагатль	335	1149
Риквани	187	680
Ашали	72	237
Зило	201	673
Муни (с хутором Рудуха)	281	902
Итого:	1801	5913

Убыль численности андийцев в Ботлихском районе (за время с 1942 г.⁴ по 1946 г.) к I-му августа 1946 г. (против показаний 1926 г.) на 2000 чел. с лишним относится, главным образом, к уменьшению за время Отечественной войны населения двух крупнейших пунктов — сел. Анди и сел. Гагатыль⁵, а также связана с тем, что сел. Конхидатыль (имевшее в 1943 г. около 650 жителей) в феврале 1944 г. было отсюда перенесено.

Самоназвание — гъванал в форме множ. числа (запись в сел. Чанко), гъванал (мн.ч.), гъванав (ед.ч.) — запись в сел. Анди, гъванал (запись в форме мн.ч. в сел. Зило).

Наименования ближайших народов по записи в сел. Амали (в форме мн.ч.) (см. табл. 2).

Материалы для выяснения исторического прошлого и происхождения андийцев, даваемые местными преданиями, безусловно заслуживают внимания⁶, несмотря на их специфические (присущие устным версиям) свойства.

1. Прежде всего, из рассмотрения, записанных во всех восьми пунктах, наименований тухумов выясняется существование наряду с языковой общностью андийских селений и некоторой их этногенетической общности. Определенная группа тухумов (Шамхаладул, Херчилал, Абечол и Дадил) связана с определенной группой селений (Анди, Гунхо, Чанко, Гагатыль, Риквани, Мунн). Только в Амали и Зило⁷ отсутствуют тухумы, совпадающие с тухумами остальных селений.

2. Анди. В известной мере "метрополией" рассматриваемой области можно считать ее самое крупное селение, имя которого совпадает с самоназванием народа. Легенды рас-

⁴ Итоговые цифры районного инспектора ЦСУ на 1942 г. приблизительно сходятся с цифрами переписи 1926 г.

⁵ Частично, не вернувшихся с фронта, частично, переселившихся в другие места.

⁶ За отсутствием надежных письменных источников, в которых были бы сконцентрированы более или менее полные сведения.

⁷ Зило, однако, имеет предания, целиком включающие этот аул в андийский комплекс.

Таблица 2.

№ п/п	Н а р о д	Наименование на андийском языке
1.	Аварцы (обл., где преобл. фрукты)	хьындзало (т.е. живущие на теп- лом месте)
2.	Аварцы (обл., где нет фруктов)	быхьомьом (т.е. "горцы")
3.	Ботлихы	буьтыдырал
4.	Годоберинцы	гьодобердырал
5.	Багуалы	багвалом
6.	Чамалалы	ч'и'чамалом
7.	Тиндзеты	т'имидидирал
8.	Каратинцы	к'и'карарудирал
9.	Ахвахцы	ахьвахьыдырал
10.	Хваршицы	хьзаршынидирал
11.	Цезы	дыдовыдырал
12.	Бежтинцы	быхьыдырал
13.	Хунзалы	хунзалом
14.	Чеченцы	буьтурул
15.	Общее название жи- телей Пунтийского, Цумадинского и Ах- вахского районов (т.е. народы, ука- занные в п.п. 5-13 включит.)	ц'и'цунадирал (т.е. "пунтийцы")

сказывают, что на месте аула Анли был большой лес. В дуп-
ло дерева, сердцевина которого внизу сгнила, загнали
по несколько баранов и заткнули отверстие буркой. Однако,
сперва тут никто не жил. Однажды в лес пришли охотники и
увидели оленя самку, только что родившую детеныша. Вбли-
зи был родник. На этом счастливом месте ⁸ (в теперешнем

⁸ По поверьям, олень и лисица предвещают удачу, куро-
патка и заяц — неудачу.

Веднем квартале, возле мечети), начали селиться, сказав "здесь можно поставить чалахы"⁹, и основали селение Анди. Имена скотоводов: Шамхал и Шамхин. Они, как водится, "пришли из Шама". В образованном ими поселке стали обосновываться соседние гавры с урочища Гумарлу (к юго-востоку от Анди, близ ныне переселенного аварского селения Кижани); находящегося около границы Гумбетовского района. Лучшее тукум Анди — Шамхаладул и его ветвь Мирзалам связывают (по некоторым версиям) свое происхождение именно с этим урочищем. Далее, в тот же населенный пункт стали стекаться армяне, евреи, люди из соседних местностей и аварцы из более отдаленных — с юга и востока (Тляротинский и Чардинский районы). В числе упомянутых "соседних местностей" называют Зумсу в Чечне (тукум Абачол и Дядил), Нахашы в Чечне (тукум Херчирил), Снут в аварском обществе Бактли (Гумбетовский район). Следует думать, что ветви упомянутого "местного" и "лучшего" тукума селения Анди, — Шамхаладул, наряду с местным слоем имели вклад из Хунзахы, восходящий к концу XVI века, ибо современные их потомки (подразделение Доргалал) ведут двенадцатичленную генеалогию, первый номер которой (Дорганунал) относится к имени человека (хунзахца), похороненного в Хунзахе¹⁰. Характерно, что в этой ветви доселе употребительны такие чисто "хунзахские" имена, как Нуцалхан, Умахан, Баху и то, что прадед нашего информатора (представителя ветви Доргалал) для умиротворения вражды с братом пользовался посредничеством родственного человека, хунзахца, приезжавшего по этому делу в Анди.

⁹ Чалахы, или чадир — шатер, — временное жилище чабанов из войлока, шерсти, земли и т.п.

¹⁰ Указанная дата устанавливается на основании рассмотрения генеалогии при расчете 20-30 лет на поколение.

В составе населения аула Анди видную роль играют грузины. Из трех здешних кварталов один по-аварски называется Гуржи-авал ("Грузинский квартал") — по-андийски СатЧалал реххон (т.е. "квартал СатЧал" — по имени собственному). В этом квартале, кроме местных тухумных групп жили пленные грузины и их потомки, исключенные, однако, в состав того или иного андийского тухума. Пленные из Грузии захватывались в результате набегов на Кахетию с отдаленных времен до введения в Дагестане русских порядков во второй половине XIX века. Старики именят людей, говоривших по-грузински. Таков, например, некто Заза (пленник — лагъ, из тухума Харчилаа, владевший грузинским языком лучше, чем андийским, женившийся на андийке из слоя лагъол тухума Мирзалал и умерший в конце XIX века), или Иса (лагъ из тухума Харчилаа, бывший женатым на равной ему по общественному положению женщине из того же тухума), реальные сведения о котором тоже восходят к концу XIX века.

Жители сел. Анди известны воинственностью. Кроме набегов на Грузию и близких войн (с Тандо, Гататием, Ботлихом и др.) они воевали с чеченцами Хорооча, Ганоя, Дарго. Они принимали участие в движении Шамиля. В качестве доказательства высокой оценки именем их воинской доблести, рассказывают, что Шамиль сказал своему другу после того как в 1859 г. проехал по железной дороге из Москвы в Санкт-Петербург: "О, Хаджаму! Почему только мы не построили такую дорогу от Гинчи до Анди?".

Из приведенных материалов, записанных в Анди, можно сделать следующий вывод: жители этого аула при местной старой подоснове с данной пори включали в свой состав ближайшие (Бактли) и более отдаленные (хунзахские и, может быть, чародинско-тиростытские) аварские элементы, а также восточно-чеченские вклады, с одной стороны, и грузинские, с другой. К вопросу о азербайджанских, армянских и "шамских" элементах мы обратимся ниже.

3. Чанко и Гунхо. Предания о происхождении этих небольших андийских селений связываются с легендами селения

Анди. Гунхо - отсенок Анди (с тухумом Шахмаладул), а Чанко основал некто Чохъу из тухума Херчилал, пришедший из того же Анди. С ботлихцами жители Чанко не воевали. Предпологаем, что в их среде, кроме выходцев из Анди, были ботлихские элементы и, может быть, пришельцы из более отдаленных мест (тухум Туркол).

4. Гагатль и Риквани. Места, расположенные ближе к северо-востоку окраине "участка", где пограничный хребет имеет перевал Буцуртль к^{II}ол в сторону аварского общества Бактли, особенно твердо хранят одно, весьма популярное у андийцев, сказание, повествующее о событиях эпохи Тимура (конец XIV в.). Это, главным образом, Гагатль, а также Риквани. По гагатльнской версии основателем аула был Елук¹², родинчальник не встречающегося в других аулах тухума Елукилал. Тогда кругом расстилался густой лес. Елук охотился и нашел дикую свинью, которая только что околела. Тут на счастливом месте он ударил киркой по земле и построил первый дом. Ныне это площадка, которую показывают в Верхнем квартале Гагатля. Елук и его родня далее овладели пространством вплоть до Буцуртль к^{II}ол. Про этот перевал рассказывают много чудес. Там, на верхушке узкой скалы было каменное корыто с чистой водой, которая, несмотря на отсутствие родника, никогда не убывала (даже когда из него шли многочисленные войска Шамаля). Там же в скалах есть узкая расщелина для испытания правды: хороший человек пройдет, а дурной застрянет. На перевале Елук построил стену с большими воротами и замкнул проход. Когда ворота открывали, раздавался скрип, пугавший лошадей на чеченской границе. По ту сторону наступал Асак Темир (Тимур), но Елук его не пускал через ворота. Наступавший заклинал: "Пусть в тухуме Елука никогда не будет больше 40 дворов". Война долго продолжалась. Под конец Асак Темир переоделся

^{II} к^{II}ол - рот; распространенное название этого перевала - "Андицкие ворота".

¹² Елук был - коргу, т.е. неверный или христианин.

вишим, выведял другую дорогу через Седу-бил ("Передняя гора"), внезапно напал, завоевал Гагатль и убил Елука. По другому варианту Асак Темир, обладавший малым ростом, сел на плечи женщины, которая понесла его тройой в обход, открыл изнутри ворота и выпустил свои войска на Гагатль. Победитель заставил жителей принять ислам, людей же из тухума Елука собрал на площади и велел растоптать конями, сказав: "От волков родятся волки". В башне спряталась дочь Елука Арушка с сестрой. Только они и спаслись. Им в Гагатле принадлежало место Ошкон хур — "брючный (т.е. узкий, как брюки) пехотный участок", про который говорилось: "Кто владеет этим местом, голодать не будет". От дочерей Елука возобновился тухум, принявший название Вагъамадул (что соответствует значению "побежденные"). Рассказчица (сама от них родом, но вышедшая замуж в сел.Ашали) закончила речь следующими словами: "Заклятие Асак Темира сбылось. Ведь после Елука наш тухум шесть раз оскудевал почти до одного двора". В настоящее время о Вагъамадуле, признающимся слабым и не очень уважаемым, отзываются: "они хоть древние, но потомки пораженцев и бывшие гяуры".

Чрезвычайно интересно то, что версия об Елуке и Асак Темире имеется не только в окружающих селениях, но и на крайнем юге, в отдаленном от Гагатля и от Бугуртлы южном селении Муни. Мунийцы рассказывают, что Елук был послан из Муни на север держать охрану у "Андийских ворот" и отражать натиск Тимура с правом выбрать любое место для жительства, что он и сделал, дав начало Гагатлю.

Совсем рядом с Гагатлем есть урочище Бичионнал с остатками старого поселения (пострадавшего когда-то от эпидемии) и современным колхозным хуторским хозяйством. Говорится, что то поселение возникло одновременно с поселком Елука. Его след в самом Гагатле представлен малкой тухумной подгруппой того же наименования, не считающейся из "лучших". Рассказы о происхождении бичионналцев неясны. То их называют пленниками или рабами (лагъол), то признают, что они некогда соперничали с Гагатлем, и этот последний,

в противовес, принужден был признать поселенцев из Анди. Некоторые предания гагатлинских тухумов принимают второе толкование и утверждают, что из Анди на "помощь против бичи-оннад" был прислан представитель "лучшего" тамошнего тухума Шамхаладул накто Мамади с двумя сыновьями — Хъачи и Гъажигу, являвшиеся родоначальниками "лучших" (поныне существующих) тухумов Гагатля — Хъагилал и Гъажигулал; время переселения связывают все с той же эпохой Елука и Асак Телара.

Было бы гагатлинские тухумы Хърчилал и Абичом тоже возводит свои корни от одноименных тухумов сел. Анди. Важно подчеркнуть, что они же, как и тухум Шамхаладул, есть в соседнем сел. Риквани, являем с Гагатлем значительную общность. Но вместе с тем в том же Риквани (наряду, следовательно, с "аидо-гагатле-рикванским" родственным слоем) в наличии слой, подобный "елуковскому" в Гагатле. Он представлен узко рикванскими тухумами Салалал и Ордешиал, предки которых "закопили первое дома", а первое поселение было на близком урочище, где "вместе снега падала с неба мука", но "леды скоробили бога, подтирая лепешками детей, и поселок замерз и превратился в камни".

Сведения с примитивных элементов в Гагатле пополняются версиями некоторых ветвей здешних же тухумов, выводящих своих предков из Чечни (с запада и севера), Салатании и Ногай (с севера), Ахваха (с юга).

Все изложенное заставляет предполагать, что население Гагатля составилось из первоначальных "авлуко-бичи-оннадских" аборигенов (соответствие к ним мы только что отметили и для Риквани), к которым присоединились сильные родственные группы из сел. Анди (потеснившие общественное значение первых)¹³ и затем из добавления к этой среде отдельных элементов извне, главным образом с севера, кумыкско-ногайских, чеченских и северно-аварских. Известный

---

¹³ Аналогичные явления произошли в с.Риквани.

Рис 1. Андийка в традиционном костюме

след, по-видимому, оставила эпоха монгольского нашествия, воспоминания о котором сохранились достаточно явственно далеко не в одном Дагестане.

5. Ашали. Из всех андийских аулов это единственный, происхождение которого предания ставят как-то особняком. Приведем рассказ ашалинцев. Вначале на этом месте рос лес, и реку можно было перемахнуть ¹⁴. Из кумынского сел. Ишкарты (в Буйнакском районе) пришли два брата и основали Ашали. От них происходят родственные друг другу два тухума Гукучилал (с ветвью Хьашиалал) и Мачутлалал. Однако, первый считается "более авторитетным". Абу Мушым шейх, пришедший из Мекки, имел двух двоюродных братьев, шейхов. Одного прислал в Ашали, другого в Анди ¹⁵ распространять ислам. Оба носили имя Муса. Ашалинцы плохо подчинялись и здешний Муса шейх заклил — "пусть из вашего поколения никогда не будет более 40 дворов". Человек из тухума Гукучилал ночью выстрелил из лука и убил стрелой молившегося Мусу. На том месте устроена могила шейха, которую почитают. Его лет двадцать пять тому назад попортил человек из того же тухума Гукучилал. Андийский шейх Муса погребен у кумыков в Эндери. "Наш аул небольшой, народу было мало, и мы не делали военных наступлений. Платили дань селению Анди зерном и овцами. Другие аулы нас ругают: "вы ишкартинцы".

Нам представляется, что ашалинское предание может иметь за собой реальную почву и считаться одним из примеров проникновения кумыкских элементов во внутренний нагорный Дагестан.

6. Зило. Жители этого пункта, расположенного ближе других к Муни, передают о своем происхождении рассказ, не лишенный интереса.

---

¹⁴ Не раз зафиксированный в Аварии легендарный мотив: река и ущелье раньше будто-бы были гораздо уже (в рассказах о происхождении отдельных аулов).

¹⁵ Это предание имеется и в с. Анди.

Было три брата "из армян". Старший основался в Анди, средний - в Гагатле, младший - в Зило. На месте Зило раньше произрастал лес. Считали "где слень родится, там хорошо жить". Здесь был найден новорожденный слень (на месте Верхнего квартала) и потому создавался аул. "Зило и Анди возвали друг с другом. Анди большой аул, Зило маленький. Те хотели нас завоевать и переселить к себе. Собрали войско и взяли мешки для далажа добычи. В Зило были построены три башни для защиты против Анди. Наши люди засели в башнях и стреляли из духов в наступающих врагов. Многих убили. Андийцы подобрали тела убитых и отступили. Потом состоялось кровное разбирательство и селение Зило отдало им, как цену за кровь, место Зарту (пастбище и покос) и место [андиарачи] (пахота и покос). После 1917 года эти участки были переданы нам обратно".

Из двух тухумов Зило - Балталал и Хъазилал - первый считается местным, второй пришлым. Люди раньше жили кругом разбросанно "по хуторам", а потом сошлись воедино. В Грузию ходили и приводили пленных. Потому в обоих тухумах были лагьол.

Материалы Зило вскрывают ту же картину наличия слоя, родственного другим андийским селениям, хотя бы и называемого "армянским" и слоя пришлого (в отношении которого, впрочем, конкретно называют только грузин).

7. Муне. Эта окраина территории описываемого народа ¹⁶ оказывается одним из узловых пунктов "андийского комплекса", и именно здесь в результате изысканий в дальнейшем возможны разгадки и открытия. Самое местоположение аула (мимо домов которого "Андийская речка" несет воды, собранные от Гагатля, Анди, Риквани, Ашали и Зило) примечательно: перед нами дверь у входа в корридор ¹⁷, вводящий в недра

¹⁶ Селение, лежащее близ большой автомобильной трассы на низком открытом, легко доступном месте, очень недалеко от берега Андийского Койсу.

¹⁷ Узкое ущелье "Андийской речки", оканчивающееся с другой стороны около сел. Зило.

"Андийского участка".

Мунийские предания, несмотря на склонность придать доминирующее значение именно своему родному аулу, носят более обобщенный характер. Они значительно расширяют рамки старой андийской области, именуемой ими "мунийской", как бы уничтожая два соседних аварских "клена" (на западе Тасута, Гандо и на востоке Кизани, Итчала) и, сверх того, прирезая с востока почти целиком пространство аварского общества Бакти. Про территорию такого именно объема, без малого соответствующую теперешнему Батлихскому и Гумбетовскому районам, говорят: "Эта земля, — налево от Андийского Койсу, — была наша мунийская, а по ту сторону реки (Хунзахский район) суракатовская" ¹⁸. Старики рассказывают также следующее: "Люди жили разбросанно, но стали сходиться в Муни, потому что это удобное и плодородное место. Муни, Корода и Чикла ¹⁹ самые старые аулы Дагестана. Муни носило арабское название Бун, т.е. долина. Здесь самый старый местный тухум Гьомомангьел, их предки были евреи. Другие тухумы пришли из разных мест, тухум Таймазоли из Таймазолу гьарчи около Тлоха ²¹; также и из рядом лежащих местностей, — так в 2,5 км от Муни на восток есть урочище Иманли с остатками поселения, другое такое же в 4-х км — Гьелокли. Муни было сильным селением и могло составлять 300 человек на серых конях и 300 человек на воронях. На горе около аула стояло два башни. Одна из них сохранилась. В башнях жили два брата евреи и враждовали между собой. Они владели всей "мунийской областью" и отсюда посылали охранников на север, чтобы те там выбрали место, жили и не пускали врагов. Им был послан Едук на Буцурлы и Гол, который основал Гьаталь и воевал с Асак

¹⁸ Суракат — легендарный владетель Центральной Аварии времен арабского нашествия, живший в Тануси.

¹⁹ Корода — аварское селение Гумбетовского района; Чикла, очевидно, Чир-арт в Кумторкалинском районе.

²⁰ Гьарчи — площадка; аварское селение Тлох к востоку от Муни в Батлихском районе.

Темир-ом. Им же также были посланы для охраны люди, которые основали Анди. Этим двум братьям Зило платило дань медными деньгами "по весу" за пользование землей. От одной башни шел крытый ход вниз, чтобы можно было безопасно ходить за водой. Один брат убил другого, забрал его людей, а башню разрушил. "Когда пришел в Муни Абу-Муслим шейх он заставил людей принять ислам, распределил землю, установил аулы и удалился в Хунзах".

В ряде рассказов сообщаются сведения о походах мунийцев в Грузию (вследствие чего в тухумах имеются потомки лагов), о военных столкновениях с Ботликом, Инхело, Конхидатлем, Зило, Анди. Как плату за кровь, мунийцам приходилось уступать некоторые земельные участки соседям (Зило, Анди).

Верхняя часть аула считается старейшей. Она имела в качестве оборонительного сооружения крытую улицу с дозорными отверстиями и воротами. Вода подводилась к селению с запада по глиняным трубам, протяжением в 3 км. Теперь этого водопровода нет, и современные жители жалуются: "нам приходится пользоваться водой, собранной нечистоты со всех андийских горных аулов".

Особенность изложенных мунийских версий заключается в следующем: а) предания относятся не только к самому селению, но связывают последнее со всеми землями андийцев; б) названные земли понимаются как пространство в два-три раза превосходящее область, являющуюся собственно андийской в настоящее время; в) руководящая роль в этом комплексе приписывается селению Муни; г) происхождение части его жителей, если не всех, и людей будто-бы от них вышедших в другие места области, считается еврейским.

Наряду с указанными особенностями те же версии имеют сходство с преданиями большинства андийских аулов, ибо тоже говорят о старом "местном" племени населения (хотя бы и называемого еврейским) и андийцев объединяют (правда, косвенно, но зато широко по охвату) с соседними племенами.

В преданиях много неясности и отрывочности. По тем,

например, нельзя судить, шло ли первоначально расселение андийцев с юга (от Муми) или этот южный пункт не играл такой исключительной роли, и образование поселений происходило иным путем.

8. Конхидатль 21. О происхождении этого, ныне переведенного в новый район, андийского селения, лежащего к юго-востоку от Муми, конхидатлины рассказывает следующее: "Сюда пришли два брата. Они были охотниками. Увидели озеро и хотели пить, но оно оказалось соленым. Братья остались на этом месте и основали аул. Они были из Турции".

Покалькулярный просмотр местных данных этногенетического содержания показывает, что вопрос о происхождении описываемого народа весьма сложен. Становится очевидным, что современных андийцев нельзя рассматривать, как однородную этническую группу. В ее составе усматривается ряд перемещавшихся в разное время и спаявшихся в одно целое элементов, главным образом, собственно, "андийских" и соседних "аварских".

Именно, андийско-аварская общность кажется нам наиболее ясно выраженной и представляющей собой основной слой аборигенов. Из аварских элементов этого комплекса надо назвать следующие: 1) ближайшие аварцы Ботлихского района, входившие в состав общества Технучал 22; 2) аварцы общества Накбак или Салатау (примыкающие к Бактли с севера); 3) аварцы общества Бактли или Гумбат (восточные соседи); 4) аварцы Хунзахского племени (соседящие с юго-востока); 5) в меньшей степени — более отдаленные группы аварцев на юге и востоке. Возможно, что некоторые из перечисленных аварских элементов или потеснили андийцев на запад, или сами суть обаварившиеся андийцы.

---

21 Часть жителей этого аула переселилась в Агвали и там ассимилировалась чамалалами (XIX в.).

22 Старое аварское наименование сборной (не однородной) западно-дагестанской группы, к которой, кроме местных аварцев, относились ботлихи, годоберинцы, южные андийцы и северные каратинцы.

Далее, нельзя не указать на процесс инфильтрации. Суммируя приведенные выше показания, мы получим проникновение с севера, северо-запада и северо-востока (чеченцы, кумыки и, может быть, монголы, а позднее ногайцы), с юга (отдельные малкие вкрапления со стороны Ахваха, а также Карата, Ботлиха и др.) и, наконец, что имеет особенно ясные следы, из Восточной Грузии.

Особого пояснения требует вопрос об элементах еврейских, армянских и "арабских".

Этнографические наблюдения показывают, что так называемые горские евреи, говорящие на татском языке ²³, живущие помимо городов разбросанно в разных, преимущественно предгорных местах восточной части республики ²⁴, когда-то, по-видимому, были более многочисленным народом, обитавшим и в чисто нагорных зонах западной половины республики. В Аварии, например, достаточно популярные и твердые предания говорят о еврейских элементах или о еврейском происхождении ряда населенных пунктов, среди которых назовем с.Араканы (общество Хиндалал) ²⁵, квартал Шототла в Хунзахе, селения Ругуджа, Корода и Салта (общество Андалал) ²⁶.

Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться, что совокупность перечисленных точек отнюдь не создает впечатления чего-либо случайного и беспорядочно разбросанного. Она как бы намечает полосу еврейских элементов, некогда врезавшуюся (в направлении с востока на запад) с прибрежной равнины и предгорных мест в глубину нагорий, пересекавшую пространство Восточной и Центральной Аварии и имевшую последним своим звеном на западе с.Муни.

В свете такого сопоставления становится понятным мунжские, а также обще-адинские сказания о еврейском про-

²³ Наиболее видная в Дагестане их сельская группа имеется в с.Маджалис Кайтагского района.

²⁴ По данным конца XIX в. на территории современных районов Буйнакского, Кумторкалинского, Карабудахкентского, Кайтагского и Дербентского; самой северной точкой их распространения являлся Чир-юрт, наиболее северный из аварских аулов.

²⁵ Унцукульский район.

²⁶ Гунцобский район.

исхождении аула и о проникновении еврейских элементов из Муни на север вплоть до Анди.

Представление мундипов о трех старейших селениях Дагестана ²⁷, два из коих (Мун и Корода) оказываются частями намечаемого нами "еврейского клена" могут говорить лишь о давности процесса, когда этот "клен" был поглощен (ассимилирован) окружавшей его аваро-андийской средой ²⁸.

Менее выясняющимся кажется вопрос об армянских элементах в этногенезе списываемого народа. Наблюдения, относящиеся к более обширной территории, тоже говорят, что в пределах аваро-андийской области некогда могли действительно существовать отдельные поселения армян, преимущественно в крупных населенных пунктах, таких, как само Анди или Хунзах и Чох ²⁹. В частности, в этом последнем имеются фамильные наименования, объясняющиеся из армянского.

Остается сказать несколько слов об индифференции, связанной с ранней экспансией ислама. По этому поводу в андийских преданиях ³⁰ отдельные "знатные" тукумы обычно выводят своих предков "от арабов", "из Шама", "из Мекки", "из Турции" и т.д. Для отдаленной андийской области подобные легенды имеют меньше данных для признания за ними реальной основы более или менее значительного удаленного веса, чем в отношении некоторых других местностей нагорного Дагестана.

Общий вывод по этногенезу андийцев в краткой формулировке, неизбежно схематичной и не отражающей многообразия конкретной действительности, мы сводим, во-первых, к признанию (в качестве основы и наиболее раннего проопундающегося слоя) местной андийско-аварской базы (с частичной

²⁷ Интересно, что это же показание было записано нами в Хунзахе в 1944 году.

²⁸ Примечательно, что один из мундипских вариантов восточной границей "области Муни" считает Короду.

²⁹ Предания об армянах в Хунзахе и Чохе были нами записаны в 1944 и в 1945 годах из местных.

³⁰ Как и в преданиях других народов Дагестана.

ассимилицией андийских элементов определенными, преимущественно соседними, аварскими); во-вторых, к признанию существования, наряду с этим слоем, весьма древних горско-еврейских элементов, первоначально на южном краю области, затем распространенныхся отсюда к северу и впоследствии ассимилированных; в-третьих, к признанию наличия разновременных инфильтраций как из соседних местностей, так и из более отдаленных (Билбчан иго-восточный Дагестан и Восточное Закавказье вместе с Кавказией).

Не достигнув стадии развития феодальных отношений и представляя собой, как называемые, горские вольные общества (а именно, общество Анди и часть общества Технучал), андийцы издавна имели все же зависимость от хунзахских владетелей ³¹ (дань натурой ³², поставка воинских отрядов, оказывание "уважения"). На вопросе о социальном строе андийцев мы остановимся ниже. В первой половине XIX века, когда третий имам султан Хунзахом и уничтожил там ханский режим, андийцы присоединились к шамилевскому движению, а после 1859 г., наряду с прочими областями Дагестана, были присоединены к России. Со второй половины XIX века в их среде началось складываться и расти капиталистическое расслоение. С периода Октябрьской Революции эта окраина Дагестана, вместе с другими братскими народами "страны гор", прочно вступила на путь строительства социализма.

Основой экономики "андийского участка" (без Муни) истаро было животноводство (овцы, козы, крупный скот, лошади) ³³. Известна порода так называемой андийской овцы, обладающей черной, длинной, мелковолосистой шерстью. Местные жители также говорят об особой породе андийских лошадей. Животноводство является ведущей отраслью и в современных колхозах. Его эволюция прослеживается довольно ясно.

³¹ В период раннего средневековья нучалы Тануси, позднее — ханы Аварские.

³² Мелкий скот, зерно, бурьян.

³³ Ишаков меньше, чем в ³⁴ южной части Ботлихского района.

Наиболее старый вид, восходящий ко времени "до Николая" ³⁴ представлял пастбищно-пастушескую систему, замкнутую в горах. Зимние и летние пастбища находились вокруг аулов и близ хуторов в 8-10-15 км и далее. Зимой в хорошие дни пользовались для выпаса преимущественно солнечными склонами; при плохой погоде чабаны загоняли скот в кошары ³⁵. Имелась загостовка кормов. От октября до мая скотине жилось плохо. Осенью резали овец, так как за зиму они сильно худели, и вялили мясо. Рост поголовья в таких условиях постоянно ограничивался (записано в Анди, Чанко, Риквани, Ашали).

Ступенью развития, в известной мере зависившей от природных условий того или иного аула, был кратковременный сезонный выход на плоскость (по окончании зимы в апреле и мае), где раньше появлялась трава. Здесь овцы давали приплод, и ягнята пользовались свежим подножным кормом. Остальные времена года стада проводили в горах на обычных летних и зимних пастбищах (записано в Анди, Гагатле, Зило).

Наконец, с развитием производительных сил последовало более широкое использование плоскостных районов, большей частью далеко отстоящих от гор, так называемых кутанов, где скот пребывал с конца сентября до середины мая, а затем возвращался с пастухами в аулы и с июня до сентября переводился на летние горные луга. В этой форме пастбищно-пастушеская система переставала быть замкнутой; поголовье имело возможность увеличиваться (записано в Анди).

Следует отметить, что вышеназванные виды животноводства до революции можно было здесь встретить одновременно (разумеется, в разных местах и у разных групп населения), несмотря на то, что они представляли собой различные ступени развития.

---

³⁴ Обычное выражение для обозначения дшамилевского периода и далее в глубь времен.

³⁵ Легкие сезонные помещения для овец на хуторах; хутора были разбросаны, их местоположение было связано с необходимостью проживания ближе к угодьям (покосам, пастбищам).

Крупные овцеводы имели отдельные стада, мелкие — объединяли скот и образовывали общие стада. На одного овечьего пастуха приходилось стадо в 400 голов; на двух пастухов крупного молочного скота — стадо в 400 голов. Стада быков объединялись по кварталам аула с расчетом на 6 пастухов 500 голов (записано в Анди). Овец доят преимущественно на летних пастбищах. Этим делом занимаются пастухи. При доении пастух держит овец левой рукой, а правой доит. Своеобразным подойником служит большой кожаный мешок, подвешенный к правой руке доильщика ³⁶.

Вынужденные в большей или меньшей степени пользоваться кутанами на чужих землях, андийцы зависели в этом отношении от владельцев, прибегали к аренде или покупке.

После Октябрьской революции система животноводства в колхозах приняла иные формы, окончательно утратив остатки замкнуто-горного типа и ставши на прочную базу. "Дуторское" сменилось централизованной хозяйством. Андийцы получили постоянные кутаны в Бабаюртовском районе ДАССР. На кутанах развернуто подсобное земледельческое хозяйство (пшеница, кукуруза, бобы, горох), сооружены постройки, имеется специальное оборудование. Правильному передвижению андийских стад на кутаны и обратно районное руководство уделяет максимальное внимание. Животноводческий колхоз сел. Риквани (наиболее высоко расположенного в горах) стоит на первом месте в районе.

Наряду с животноводством в хозяйстве андийцев важную, но не ведущую роль играло и играет земледелие ³⁷. Возделывается пшеница (большая часть, яровая), ячмень, кукуруза, лен, картофель; в меньшей степени овес и рожь. В сел. Зило, кроме того, имеются бобовые, просо, курага, груши, яблоны, грецкий орех. Колхозы активно развивают полеводство, вводят озими, применяют технику обработки земли, стремясь, по возможности, обеспечить эту часть

---

³⁶ Общераспространенный в Дагестане способ.

³⁷ Несколько больше оно развито в Зило и Риквани.

района своим хлебом, которого индийцам всегда нехватало и за которым они раньше ездили в Чачню. Среди сельскохозяйственных орудий в колхозах имеются обратные плуги, конные молотилки, фабричные бороны ³⁸. Но вместе с тем в самом широком употреблении старый инвентарь: рабру (пахотное орудие с "ушами" на пяте, — тот же аварский пуруц, годобаринский репц и т.д.); салимом (двойные молотильные доски с кремешами, количество которых на каждый половине достигаает 150 штук); льябтал (деревянные грабли с вращающимися зубьями, — конструкция, предохраняющая от поломки о камни); кьонкьа (деревянные трезубые вилы, сделанные из палки с естественными развилками, на которые насажены законечники из козьего рога); горная коса и серп в форме небольшой горбуши.

Особенным стоящее хозяйство мундических индийцев является, в основном, садоводческим. Сады пользуются искусственным орошением. В них произрастают абрикосы, персики, курага, сливы, груши, яблоки, грецкий орех, виноград. Из зерновых культур возделывается пшеница, кукуруза, род проса (магар), ячмень, овес. На огородах — лук, капуста, огурцы, помидоры и др. Имеются овцы, мушкет, вшаки и лошади. Однако, земных пастищ нет ³⁹, и стада круглый год остаются в той же низине. Колхоз сел. Мунд по своей специализации занимает в районе первое место (посреду с животноводческим Рикрвани).

Что касается перемещенного селения Бонхадатль, то здесь издавна главным занятием была солеразработка. До 1944 года этим делом занимался конжидеттинский колхоз, а раньше отдельные хозяева, владевшие песчаными участками у соленосных родников. Родниковую воду при солнечной погоде лили на песок, повторяя это многократно. Вода испарялась, а на песке образовывался белый налет. Обогащенный песок

³⁸ Боронование раньше не применялось.

³⁹ В связи с тем, что колхоз сел. Мунд не животноводческий.

сыпали в деревянный "чан" с небольшим отверстием на дне, под которым был помещен, вбитый в землю, другой "чан". Затем в верхний "чан" лили воду из того же соленозного родника; концентрат стекал через отверстие вниз. Им наполняли потом кожаные мешки (бурки) и отвозили в аул. В ауле концентратом наполняли особые железные корытца, вымывавшие в печь, и кипятили жидкость до полного выпаривания и осаждения чистой соли. Описанный способ в настоящее время применяется в колхозе соседнего каратинского селения Инхало. Кроме добычи соли, конхидатинцы занимались садоводством, полеводством и скотоводством. Надо отметить, что соль Конхидатин имела когда-то большое значение для андийцев и их соседей, ибо в значительной мере снимала с них "соляную проблему", связанную с необходимостью привозить этот продукт с далекой прикаспийской низменности.

Не обладая разнообразием местных домашних и кустарных производств "андийский участок" с давней поры славился лишь одним, но зато очень широким по охвату. Речь идет об изготовлении бурок, которые не только в Дагестане, но и вообще на Кавказе известны под наименованием андийских и считаются наилучшими по качеству. До революции бурки изготовлялись женщинами на дому (для нужд семьи, а также по заказам и для продажи приезжим или на базарах) большей частью из своего материала. Покупатели приезжали даже из Азербайджана и Грузии. Сами андийцы сбывали бурки в Чечне и в разных местах Дагестана. После революции этот традиционный домашний промысел остался таковым, но, вместе с тем, были организованы женские бурочные артели, существовавшие до 1942 г. в селениях Анди и Тагатыль; в них работало около 700 женщин.

Лучшим считается руно (мышь) молодого барашка осенней стрижки. Раньше стрижки только мужчины, теперь это правило не соблюдается. На хорошую бурку идет шерсть нескольких баранов. Стриженная шерсть поступает в руки женщин, которые ее моют на ручье, сушат и разминают руками. Затем происходит расчесывание на треугольной чесалке

(глоську), имеющей острые железные иглы ⁴⁰. В результате расчесываемый материал образует три сорта: тларга (с длинными волокнами), клема (с волокнами короче), хурши (низший сорт). После чесания следует разбивка струной. Женщина, имея перед собой кучку шерсти, берет в левую руку цизву (особое лукообразное орудие) ⁴¹. Держая тетиву пальцами правой руки, она подвергает кучку ударам струны. Шерсть разбивается и становится равномерно пушистой. Теперь ее можно валять. Для этого на земле или на полу помещают подстилку — кусок самотканного паласа (по размеру заготавливаемого войлока). На подстилку укладывает ровными слоями тларга и поверх нее настиляет такие же ровные слои клема. В будущей бурке нижний слой окажется верхним (наружным), а верхний — нижним (исподним). Если бурка предназначается на продажу, то на нее экономят хороший материал и для средних слоев используют хурши. Последовательное накладывание слоев сопровождается смачиванием горячей водой и закатыванием "в трубку" в палас. После этого начинается собственно валяние, продолжающееся несколько часов. В этом деле принимают участие несколько женщин (смотря по величине войлока). Они становятся рядом на коленях и начинают закатывать и раскатывать палас с шерстью, смачивая его водой. Затем катают кошку уже без подстилки на хворостяной плетенке (члем). По окончании валяния войлок становится приблизительно вдвое меньше площади первоначальных слоев некатанной шерсти, совпадая с размером бурки. Следующий процесс — окрашивание. Естественные красители: ольховая и дубовая кора. Окраска бурочных войлоков, в количестве от 5-ти до 10-ти штук сразу производится путем кипячения в большом котле. Войлоки принимают типичный для бурок равномерный черный тон. Их промывают на речке и высушивают.

⁴⁰ Тип шерстечесалки, распространенный по всему Дагестану, Северному Кавказу и во многих местах Закавказья; по нормам артели аварского селения Рахата (Ботлихский р-н) две женщины за восьмичасовой рабочий день расчесывают 6,8 кг шерсти, т.е. на одну бурку; чесаной шерсти на одну бурку надо 4,5 кг.

⁴¹ В форме простого лука (гибкая согнутая палка с веревочной тетивой).

ют. Последние два момента — вычесывание наружного ворса и шитье. Ворс вычесывают в одну сторону жесткой щеткой из стеблей льна с попеременным смачиванием водой. Когда это закончено, чесанную поверхность опрыскивают с ведника слабым клеевым раствором, чтобы ворс оставался прочным и сохранял мохнатость. Шитье бурки очень несложно. Сначала вырезывается по краям острым ножом в соответствии с формой будущей бурки. Боковые стороны симметрично загнутся внутрь и сшиваются поверху, что образует два плечевых шва. Выемка вокруг шеи и верхняя часть пол обшиваются узкой кожаной полоской. На изгибе до талии ставится эластичная подкладка. Ниже ворота, к краям разреза прикрепляется шкурка — своего рода застёжка. Длина бурки почти до земли. Она непроницаема для влаги, легка, тепла и прочна. Бурка, шитая по "английскому" фасону, имеет чуть опущенные плечи до 80 см ширины (покрой — кусок войлока, приблизительно, в форме половины круга), по "кабардинскому" фасону — приподнятые плечи, шириной до 90 см, и более (покрой — кусок войлока в форме трапеции). Оба варианта, однако, представляют один тип, который можно назвать "буркой воалика", или "буркой вонна". Другой тип (грубый, некрашеный кусок войлока, без ворота, часто без плечевых швов), образующий короткую бурку самого примитивного вида, будет "буркой мешого", или "буркой чебана".

Описанная нами техника изготовления бурок у андийцев является классическим образцом этого общекавказского производства, повторяющегося в иных районах те же основные приемы.

Раздел о местных производствах можно закончить заметкой о существовании в сел. Анди и некоторых других аулах небольшого количества мастеров (колхозников, в свободное время выполняющих заказы), которые делают сундуки для хранения вещей. Такой сундук (тывамарсу) сложен из досок и имеет по лицевой стороне жестяную обложку со штампованным геометрическим орнаментом.

Шерстяное ткачество является довольно традиционной домашней работой женщин (упоминавшиеся паласы, грубые сук-

на) Для своих домашних надобностей мужчины изготавливают различные деревянные предметы (лари, сундуки, мерки и т.п.), иногда украшенные геометрической резьбой. Однако, эти вещи в большом количестве идут из соседних местностей, например, из аварского селения Тлох, из селений Пумадинского района и др. Медная утварь шла, главным образом, из аварского селения Ичичали, керамика из Чечни и лакского селения Балхар, точеная деревянная утварь — из Чечни. Серебряные изделия — женские украшения — частично изготавливаются на месте, частично приобретаются в соседних аулах. Техника златокузнечества повторяет те же общедагестанские приемы (травировка, чернь, филигрань). У андийцев златокузнечество особенно развитым промыслом не было.

На "андийском участке" имеется лишь одна, пригодная для колеса; "большая дорога", прорезающая его западные окраины: путь из Ботлиха в Чечню на Хорочой и Дыши-Ведено. Для местных сообщений и связей с соседним Гумбетовским районом служат, подчас непроезжие для арбы (например, в сел. Риквани), дороги и тропы, которыми зимой бывает трудно пользоваться. Хлеб с полей и сено с покосов доставляются в аулы и в наше время, если не на спинах женщин, то на санях волокушах (чанатги), ареал распространения которых до недавней поры захватывал (не считая ряда нагорных областей Закавказья), центральные нагорья Северного Кавказа, Западный Дагестан и высокогорную зону Южного Дагестана. На волокушах также возят строительный камень. О старинной, вышедшей из употребления, инкуа (арба на "вагонном ходу" с колесами, сделанными из цельных кусков дерева, служившая для перевозки навоза, бревен и строительного камня) теперь можно судить лишь по изредка находимым на задворках колесам (размер одного из обнаруженных нами экземпляров — диаметр 74 см, ширина железной шины 6 см, толщина колеса у ступицы 22 см). Современные колесные повозки — обычно арба и четырехколесный "фургон". Очень употребителен вычный транспорт. Автомобиль может пойти только до Анди и Тагатли.

Английские селения в середине XIX века подверглись во время русско-кавказской войны большим разрушениям (карательная экспедиция Брзвского и др.). В значительной мере от этого, повидимому, в них мы не встретим особенно ценных, с точки зрения истории народной архитектуры, объектов. Башни, за исключением одной, не уцелели ⁴². Жилищ старинного типа не сохранилось. Аулы и постройки их не могут считаться единообразными. Сел. Муни, например, застроено тесно, имеет узкие улицы и в основном ступенчатую, террасообразную структуру, связанную с рельефом холмов, на которых оно расположено. В то же время оно оживлено зеленью деревьев и виноградной лозы, и садами, расположенными рядом. Селения горной полосы, наоборот, не дают скученности построек, ибо они расположены на сравнительно отлогих склонах или на площадках выше. Иногда тут наблюдаются своеобразные "островки" т.е. улицы слабо выражены и подчас очень широки, а дома расположены беспорядочными группами, без определенной планировки, перемежаясь с открытыми площадками и широкими проездами. Это особенно хорошо выражено в сел. Анди. Некоторые улицы Анди (улица - кварта) ⁴³ несколько напоминают характер ~~хуторских~~ аулов. В планировке селений обращает на себя также внимание неопределенность ориентации по сторонам света: дома обращены фасадами в разные стороны по характеру рельефа.

Для андийцев в большей степени, чем для их соседей, характерно наличие дворов, хотя и эта черта не повсеместна (например, в сел. Риквани дворы выражены слабо). Двор, если он имеется, снабжен невысоким каманным ограждением с воротами. Бывает и так, что ограждения нет, а ворота,

---

⁴² Башня - шоб; уцелевшая башня находится в с. Муни; в других аулах жалкие остатки башенных кладок обнаруживаются в жилых постройках.

⁴³ Другое значение этого слова - ущелье.

в виде хорошо построенного каменного портала с декоративными нишами, имеются (например, в Гидатле, Анди). Больших по площади надворных площадок, конечно, нет. Жилой дом может выходить фасадом на улицу. Правило изоляции домашней жизни и "поворота от улиц" не соблюдается. Кроме жилого дома, на дворе подчас можно видеть отдельные каменные хлева с плоской крышей, построенные менее тщательно, но по внешнему виду напоминающие сакли. В большинстве же случаев, помещения для скота занимают первый этаж жилого дома⁴⁴. На дворе также можно встретить навесы с хранящимися под ними хозяйственными вещами. В довольно редких случаях здесь стоит деревянный рубленый ябар хинкпум с плоской крышей. На дворе, в зависимости от времени года, бывает сложен дрова, кизяк, сево и т.д.; иногда, здесь же засажен небольшой огород. В сел.Муне попадаются дворы с весьма интересными деталями. Небольшой дворик с грядкой тыкв почти весь закрыт плоским навесом. В навесе, как раз над тыквами, сделан вырез и ростки тыкв пушены вверх на площадку, перед фасадом второго этажа, образованную упомянутым навесом. Следовательно, и на втором этаже тут имеется как бы небольшой дворик. Один из его углов бывает предназначен специально для детей. На такой "детской площадке" вы видите модель дома, игрушечный огород или сад, кучки песка и т.д.

Жилые постройки бывают двухэтажные (они часты, например, в с.Анди и Гататль) и одноэтажные (эти последние особенно часты в сел. Зило). В относительно старых одноэтажных жилищах пол бывает несколько ниже уровня земли⁴⁵. Если дом двухэтажный, то по фасаду он имеет галлерей сверху и внизу. Галлерей на обоих этажах бывают деревянными (т.е. держащимися на столбиках с небольшими резными подбалками)

⁴⁴ Недостаточное (по сравнению с масштабами животноводческой традиции андийцев) развитие хлевов и сеновалов в надворном комплексе в прошлом было связано с существованием куторской системы хозяйства. В наши дни нужда в индивидуальных "службах" в значительной мере снимается колхозным строительством.

⁴⁵ Это встречается в селениях Анди, Ашали, Зило и др.

или каменными (т.е. состоящими из хорошо выстроенных аркад с полуциркульными арками). Иногда аркада облицовывает нижний этаж, а галлерей верхнего держится на деревянных столбиках. В ряде случаев галлерей окружает два смежных стороны дома и имеет Т-образную форму. Галлерей — необходимая принадлежность жилища. Летом здесь в значительной мере протекает домашняя жизнь. На галлерее бывает устроен пристенный очаг, вроде камина; здесь же иногда стоит амбар (хинкIуш).

Лестница, как особый элемент, органически не входит в структуру здания, а трактуется, как что-то временное. Из этажа в этаж соединение идет при помощи лика с проставной или легкой постоянной лестницей. На второй этаж со двора часто ведет отдельная пристроенная каменная лестница. Как уже говорилось, первый этаж служит для клеев, а также и для жилища, второй этаж исключительно для жилища.

Для постройки дома большие бревна доставляются волоком на быках, камень — на волокушах. Ввиду недостатка строительного дерева, часто заменяется более дешевым построить каменные аркады, чем галлерей на деревянных столбиках. Если хотят соорудить хорошее здание, приглашают каменщиков (аварцев из Гучибского и Кажибского районов или из селения Ансалта Ботлижского района). Новые хорошие дома строятся из приглаженных и обтесанных каменных блоков. Практикуется закладывание фундамента и скрепление камней раствором земли и глины. Конструкция жилой постройки архаических черт не сохранилась. Перекрытия обычно поддерживаются поперечными балками, лежащими на стенах. Лишь один аул Муни, где сохранились более старинные постройки, дает характерные конструктивные черты, относящиеся к более раннему времени и особенно хорошо проявляющиеся в стариннейших постройках Гидатля и Каласа. Особенность этой конструкции в том, что плоское перекрытие держится, главным образом, на массивном деревянном каркасе (системе вертикальных столбов внутри жилища).

На плоских крышах домов выделяются характерные трубы:

каменные, четырехгранные, с двухскатной шиферной "кровелькой" или глинобитные в виде причудливых башенок с боковыми отверстиями или, наконец, деревянные из выдолбленного кругляка, накрытого сверху каменной доской, а по бокам снабженного прорезами. Указанное устройство трубы препятствует дождю через дымоход попадать в комнату. На крыше, обычно, лежит большой цилиндрический камень, необходимый для периодического укатывания внешнего земляного слоя перекрытия.

Дом в плане имеет удлиненный четырехугольник, так как состоит из ряда комнат, вытянутых по прямой. Фасад занимает, конечно, долевую сторону. Внутренняя планировка неустойчива: редко одна комната, чаще несколько — кухня (она же и жилая), отдельные жилые комнаты, комнаты-кладовые, парадное помещение с городской обстановкой и ценным имуществом. Комнаты большей частью выселены. Они соединяются между собой боковыми дверями. Входная дверь чаще одна. Она ведет в главное жилое помещение или в небольшую комнату (род сеней, "коридор"), по бокам которого сделаны двери в соседние горницы. Пол земляной, реже деревянный. Потолок из досок и жердей, поддерживаемых поперечными балками, лежащими на стенах, и иногда, дополнительно, одним-двумя центральными столбами без подбалок. Окна имеются во всех домах. Лишь в единичных случаях мы встречали световые отверстия в потолке.

Наиболее типичным в обстановке жилой комнаты следует считать нары, стенные многоярусные полки с утварью, большие деревянные лари для зерна и муки, иногда хиндиш и, наконец, пристенный очаг, вроде камана. Из более мелких предметов домашнего обихода характерны: привозная глиняная, медная и деревянная утварь; вещи местного изготовления — сундуки, корытца⁴⁶ для теста, льковне комелки, ви-

⁴⁶ Корытца для теста иногда стоят около очага, иногда висят на стене.

сятие поставцы для ложек, деревянные ложки и вилки, друшлаки для хинкала с крестообразным прорезом, глиняные сковородки для выпечки лепешек⁴⁷, треногие низкие табуретки и низкие четырехугольные столики для трапезы.

Интерьер основной жилой комнаты также в значительной мере лишен единообразия, вследствие чего трудно установить его устойчивый общий тип. Попадаются жилища весьма убогие, попадаются чистые и нарядные. Опишем кратко комнату, в которой все черты местной материальной культуры достаточно выражены. Одну из стен, чаще против входной двери, занимают большие украшенные резьбой деревянные лари для хлеба и вещей. Лари стоят вдоль стены. На них поставлены красивые, облицованные жемчугом, сундуки, блестящие медные луженые кувшины; еще выше, на стене висят большие медные тазы и блюда, часто украшенные орнаментом. У другой стены можно видеть деревянные полки для посуды, идущие в пять-шесть ярусов. На полках, кроме местной утвари, бывают расставлены самовары, фарфоровые чашки, стаканы, вазочки, эмалированные посуде и т.д. У одной из стен имеется широкое напы. На них аккуратно сложены тюфяки из домашней полосатой шерстяной материи, цветные войлочные подстилки с бахромой, одеяла, подушки. Спальня с очагом в некоторых домах выглядит особенно эффективно. Очаг сделан в виде ниши в стене. Над нишей имеется широкий дымоход — нечто вроде большого колпака, уходящего вверх. Площадка для огня представляет собой небольшое углубление сравнительно с плоскостью пола. Очаговая цепь попадает очень редко. Чаще котел ставится на железную треногу. По бокам описываемого "камина" имеются глинобитные заваленки или выступы с полочками и небольшие ниши для необходимой посуды, а также для лампы. Дымоход, его обрамление, боковые заваленки и выступы — все это побелено и украшено

47. Сковородка ставится около огня в наклонном положении, опираясь на особую, сделанную из глины, подпорку в виде столбика.

лепным из глины выпуклым орнаментом, являющимся главным украшением жилой комнаты. В этой же комнате можно видеть шерстяные самотканые мешки с зерном, запасы непряденой шерсти в корзинах, сундуках, долбленных цилиндрических деревянных сосудах, также кованые медные котлы, балхарскую маслосойку (большой глиняный кувшин с двумя ручками и широким горлом, заткнутым деревянной пробкой). Где-нибудь в углу, на стене, висят овечьи шубы. В парадной комнате вещи городского обихода картинно перемешаны с "дагестанскими" (ковры, узорные войлоки, те же медные кувшины лучших образцов и опрятно развешенная одежда); вместо камина — железная печка временка.

Андийское жилище, в том виде как его наблюдаем теперь, почти не имеет собственно андийских черт. Это тип, широко распространенный в Дагестане и представляющий собой развитое дифференцированное жилище современной семьи, подвергшееся влиянию городской культуры, но вместе с тем сохранившее обстановку горского быта. Наиболее ранние объекты относятся ко 2 половине XIX в., наиболее поздние — к нашим дням. Новейшие дома имеют хорошие окна, досчатые полы, большее количество комнат.

Пищевой режим андийцев тесно связан с их преимущественно скотоводческим хозяйством. Из сметаны сбивается масло; из коровьего молока готовится творожный сыр. Из овечьего молока делают брынзу. Творожный сыр — исо, брынза — ч'ами, сыворотка — Кьерц'ц'и. Соленая, нарезанная кусками брынза, залитая сывороткой или перемешанная с соленым творогом, хранится в кувшинах, бурдюках. Иногда брынза размельчается в кашеобразную массу, хранится в сыворотке тоже в просоленном виде. Большое значение имеет коровье масло, употребляемое и с хлебом и с творогом, и с сырами, и с яйцами. Мясо (главным образом, баранье) едят вареное, жареное и вяленое. Овечий курдюк является, своего рода, консервом, так как может сохраняться очень долго. Основной хлеб — пресные, пшеничные или ячменные, лепешки, традиционный хинк'ил (род галушек, иногда с мясной или сырной начинкой), ингурдул (род блинов с сырной начинкой и

растопленным коровьим маслом). Мука из жареного зерна, смешанная с водой, является снедьк (тлех), которую можно быстро и легко приготовить и дома, и на пастбищах, и в дороге. Лен, не используемый в качестве текстильного растения, тоже идет в пищу: из молотого семени, смешанного с коровьим маслом или топленым салом, готовят особое кушанье, которое с добавкой сахара или меда особенно употребительно на праздниках и свадьбах. Главные часы суточного питания — утренняя трапеза и особенно вечерняя. Наш обед здесь лишь промежуточная закуска без определенного времени. Утром, как пример, подается хинкIл с отваром, в котором он готовился, или сыр в топленном масле с чуреком; вечером более существенные мясные кушанья.

И в отношении пищи андийцы не являют каких-либо особых черт, которые было бы можно выделить из общей картины быта горских групп Северного Дагестана со скотоводческим направлением хозяйства.

Х Х Х

Национальная одежда описываемого народа сохранила один оригинальный, чисто андийский, элемент — женский головной убор (чухтIо), впрочем, в настоящее время не употребляемый и лишь хранимый в сундуках у старух. Этот головной убор, лет 20-25 тому назад носился большинством женщин. ЧухтIо представляет собой род высокого, туго набитого шерстью, чеша, имеющего спереди полукруглое очертание и спускающегося сзади полосой почти до земли. Размеры осмотренных нами экземпляров: общая длина — 160-170 см; ширина "хвоста" снизу — 32-34 см, сверху — 15 см; ширина верхней набитой шерстью части — 35-40 см, ее высота — до 20 см. Снаружи убор покрыт шелком — спереди однотонным лиловым, по бокам — узорчатым красным, сзади — узорчатым красным или зеленым. Подкладка тоже бывает шелковая, ярких цветов (синего, зеленого, красного и др.). Эти тона (особенно центральный лиловый спереди) носят устойчивый характер. На исподе головной части убора имеются карманчики для хранения денег и мелких предметов женского обихода (иголок,

ниток и т.п.). Чухтё скрывает волосы, которые принято за-
плетать в несколько косиц, закрываемых сзади. Показывать
волосы считается неприличным. Следует, кстати, отметить,
что теперь старики и пожилые женщины волосы сбривают, ос-
тавая лишь спереди небольшие пряди, чуть видные из-под
платка. Является ли это старым обычаем (да, например, у
аварцев общества Келеб в Кахкесском районе) или нововведе-
нием, сведений не имеем. Поверх чухтё надевался клас —
широкое белое покрывало, вроде подотавы, длиной до 5-ти
метров, окутывавшее голову, спину, плечи и грудь. В наши
дни старинный головной убор заменен простым небольшим плат-
ком (авлухи); клас не сохраняется.

Убор, охарактеризованного типа, кроме как у адыгцев,
нигде больше не встречается. Некоторое сходство с ним име-
ет лишь "рогатая чухта" ботлихцев и годоберинцев.

Другие части женского национального костюма, имея
местные детали, не отличаются от аналогичных предметов "ос-
седлагестанского" распространения. Сюда относятся: квано
(платье белое или светлых тонов в виде длинной, широкой
туникообразной рубашки; носится в настоящее время; раньше
квано одевалось прямо на тело, теперь под ним бывает бель-
евая рубашка); ошхьогги (шальвары на откуре с широкими шта-
нинами, собранными внизу узкой обшивкой и имеющими "в шагу"
треугольный клин ⁴⁸, носится всеми; шерстяные носки, чува-
ки с кожаной или резиновой подошвой; запюги с бурочным го-
ленищем; бишо (овчинная шуба-накидка с длинными рукавами,
длиной до 70 см).

Различий в одежде девушек и женщин сейчас нет, равно
как воспоминаний об этом. Повседневное платье обычно бы-
вает грязным, так как чистое носить "стыдно" ⁴⁹, из этого
правила исключаются молочухи. Праздничный костюм (платье

⁴⁸ Вернее, ромбический кусок материи, перегнутый пополам.

⁴⁹ Это обыкновение следует сопоставить с обычаем женщин
некоторых аварских районов нарочито загрязнять новое
платье жиром и сажей, как они объясняют, для прочнос-
ти, гигиены и выражения домовитости.

и пальвары) в старину шились из шелка или парчи яркой расцветки. На акварели, выполненной с натуры художником М.Тельке в 1910 г.,⁵⁰ наряд индейки представлен красной рубахой (квано) с длинными рукавами и надетой на нее красной крупно орнаментированной шелковой одеждой, вроде безрукавного халата с расходящимися спереди полками. Такой "халах", по-видимому, давно вышел из употребления.

Основным материалом одежды, даже старой традиции, как видим, являются исключительно легкие привозные ткани. Воспоминаний о канских носильных вещах из домотканой шерсти не зафиксировано.

Серебряные украшения употребляются в умеренном количестве. Это, главным образом, серьги и перстни, иногда монеты на плетях.

За последние годы женщины все чаще и чаще переходят на одеяния городского типа.

Еще более нивелировалась мужская одежда. Тегель (бешмет) и жуха (чараска, чох) с кинжалом на поясе встречаются редко. Устойчивее держатся паннахи, перстеньи высокие носки, местная обувь, бурза и овчинная пуба (в виде накидки с длинными рукавами).

По рассказам стариков, для боевых дел, когда-то, надевали турецкую, иранскую или кубачинскую кольчугу (чубчиди) и маскуру, ширитцу паннахой.

На свадьбах и общественных праздниках известна мужская костюмировка — инвертированная овчинная пуба, черная войлочная рогатая маска в форме мешка с прорезями и "лошадь", в виде палки. Такие же войлочные маски встречаются, или еще до недавнего времени встречались, во многих местах Дагестана (например, у некоторых групп аварцев, также у кубачинцев и даргинцев); вне Дагестана — на территории Грузии, Осетии, Черкесии, Адыгеи, Причерноморской Абхазии. Употребления масок во всех перечисленных областях

⁵⁰ Оригинал хранится в Государственном Музее в Грузии (Тбилиси).

обычно сводится либо к обрядам, прямо относящимся к религиозным пережиткам, либо к тщательному обиходу общественных праздников.

Остается сказать несколько слов о принадлежностях и элементах, непосредственно связанных с верованиями. Мужчина, ходивший "в Мекку", обертывает папаху зеленой пошивкой; женщина в этом случае закрывает лицо покрывалом. Покойника заворачивают в саван. Знаком траура считается старая нарядная одежда. Мужчина при этом остается целый месяц небритым.

Переходя теперь к вопросам семейного и общественного быта, следует вспомнить о содержании, приведенных выше, материалов по этногенезу. Там говорилось о делении аулов на кварталы и родственные группы — тухумы. Рассмотрим то и другое.

Квартал — рехкон. В большинстве случаев в ауле имеются Верхний и Нижний кварталы, как главные. Верхний большей частью считается более древним или "лучшим"; помимо Верхнего и Нижнего, в тех же аулах всегда есть и другие рехконы; но — видимо, вторичные. Это правило имеет два исключения: а) в малых аулах Гунжа и Ашали членения на рехконы нет и каждый из них, следовательно, представляет собой один рехкон; б) в с. Юни отсутствует деление на Верхний и Нижний кварталы, вместо чего в наличии три рехкона, именуемых "географически" — "квартал у реки", "квартал на скалистом месте", "квартал с кабаньей".

Деление на рехконы соответствует делению на тухумы (в определенных кварталах живут или раньше жили определенные тухумы), причем количество этих последних часто бывает больше количества кварталов (тогда в одном рехконе живет или жило раньше 2-3 тухумы). Рехкон, следовательно, первоначально был тухумным.

Приведенная таблица дает сводку по современному общественному членению андийских аулов.

Таблица 3.

Название селений	Кварталы (рэххонь)			Тухумы
	Верхний и Нижний	Остальные	Всего	
Анди	2	1	3	6
Чанко	2	—	2	3
Гунхо	—	—	1	3
Гагаты	2	2	4	6
Риквани	2	—	2	6
Ашали	—	—	1	2
Зило	2	—	2	2
Муни	—	—	3	4

Таблица показывает: 1) четную разбивку на рэххонь, имеющую в своей основе дуальное членение на "верхних" и "нижних"; нечетный квартал в сел.Анди (именуемый "Грузинским") имеет более позднее происхождение; он и внешнетоваренные исключения о малых селух и Муни, не нарушают этой картины; 2) четную разбивку на тухумы; нечетный тухум сел.Гунхо — это Шамхаладул, являющийся группой, пришедшей из Анди; нечетный тухум сел.Чанко — это Туркол, тоже по преданиям пришедшего происхождения; таким образом и тухумное членение сохраняет картину четности.

К сказанному надо добавить, что в настоящее время счет тухумов (особенно в таких крупных селениях, как Анди, Гагаты и Муни) утратил ясность, вследствие постепенного изживания "тухумного строя" современным населением⁵¹ и по причине образования родственных разветвлений, превращающих один тухум в несколько⁵². Это явление отражается

⁵¹ Тухумная идеология до настоящего времени не может считаться изжитой целиком.

⁵² При составлении таблицы мы ограничились главными корнями.

даже на счете главных тухумов, учтенных в таблице, иногда сводимых к меньшему количеству, оставшемуся все же четным. Так, в сел. Анди Шахаладул и Мирзалал ветви первоначально единого тухума; Абичол и Дадила — тоже. Общее количество тухумов от 6-ти сводится к 4-м.

В отдельных случаях в с. Анди, например, "если весь аул спорит" наблюдается дуальная группировка тухумов.

В Гагатле Хъачилал и Гъажингулал — две ветви от братьев Хъачи и Гъажикгу, восходящие к одному корню; вторым тухумом будет Вагамадул (Едукилал); остальные — "из Анди"; за вычетом их общее количество тухумов будет два.

В Риквани из 6-ти тухумов старейшими, "положившими первый камень" считаются два (Салалал и Ордашилал).

Распространенный во многих местностях Дагестана термин тухум (у аварцев иногда талобл) употребляется и андизцев. Тухум — группа родственных семейств, воссоздавших себя по мужской линии к общему родоначальнику. Все тухумы считаются равными, но среди них одни признаются "лучшими", другие "худшими" (по родовым преданиям, численности, влиятельности и т.д.). Классификация тухумов по их достоинству обычно зависит от информатора, который свой тухум выдвигает вперед. По этому поводу между рассказчиками постоянно возникает споры и некоторые из них, боясь обидеть других, умалчивают. О происхождении двух тухумов одного из селений представитель третьего тухума рассказывал: "на таком-то урочище жили "русские" (т.е. христиане); они сели оправляться и укололись колючим кустарником; не желая жить там, "где трава кусается", эти люди ушли куда-то на плоскость; на том же месте помочилась собака; от этого родилось двое детей — мальчик и девочка, от них произошли два тухума емирек". Анекдот приведен в качестве примера меhtubумных определений достоинства и не утраченных по-сегодняшнему пикировок. Общественное неравенство еще выражается в том, что в большинстве тухумов различаются озденот ("узденн", полноправные люди) и лагьол (потомки пленников, рабов, ущемленные в отношении брачных связей с первыми и

при случае пользующиеся меньшим авторитетом).

Сам тухум не представляется монолитной группой. Он делится, как у аварцев, на ветви, являющиеся как бы фамильными именами групп современных семейств, считающих себя более близкими родственниками, происходящими от одного прародителя. Для обозначения этого деления употребляется термин "гъакъу", т.е. "дом" (то же, что у аварцев "рукъ").

Рассматривая андийский тухум с точки зрения входящих в него гъакъу (по устным преданиям), можно прийти к заключению об утрате кровно-родственного начала, как единственного формирующего фактора, и о "сборном" характере составляющих тухум групп (в ряде случаев отдельные ветви тухума выводят свое происхождение из разных мест). Уместно также напомнить, что иногда один тухум бывает разбросан в разных селениях.

Из всего сказанного видно, что "тухумный строй" у андийцев давно уже находится на стадии распада. Рода, как такового, нет. Тухумы и их ветви ("дома") лишь деформированные части когда-то существовавших родов. По имеющимся пережиткам можно восстановить признаки тухума, как коллектива, обладавшего в первой половине XIX века определенной экономической и идеологической общностью. Тухум когда-то имел общие уголья, в ауле свой реххон (о признаках этого говорилось выше), свой кав (уличное место мужских бесед), свое кладбище, свой источник и свои башни. В некотором отношении эта общность (например, в смысле квартала — локализации одного тухума в определенной части аула или кладбища — т.е. захоронения, одно тухумцев на определенном месте) сохраняется и теперь. Более того, соблюдаются, как видели выше, остатки "тухумного патриотизма" и члены тухума, даже живущие в разных селениях, зачастую склонны, как будет показано ниже, поддерживать друг друга и сознавать близость. В 1946 году был случай: красноармеец вернулся с войны в аул; по какой-то причине на него покушался человек из тухума его матери; тетка пострадавшего (сестра его матери), несмотря на то, что пострадавший был ее родным

племянником, поддерживала виновного (как своего одноклассника по мужской линии).

При наличии представлений о тухумах "лучших" и "худших" отношений господства и подчинения между ними не было, так по крайней мере об этом говорят воспоминания стариков. Были лишь имущественные различия, различия в степени влияния и в численности этих групп.

Селение, как совокупность тухумов, в прошлом представляло собой воинское объединение — ирга ⁵³: куда входила мужская боепригодная часть всех тухумов. Этим войском, равно как делами аула, руководили тухумные старшины. Совокупность "войск" всех аулов составляла кьванарул иргал, т.е. т.е. "андийские войска". До появления кремневок "войска" употребляли, помимо холодного оружия, падахь (лук) ⁵⁴.

"Кьванарул иргал" являлись в ту пору (I-я половина XIX в.) в южном Дагестане значительной силой, были фактором общественного объединения списываемого народа, противопоставлявшего себя соседям и воспитывавшего мужскую молодежь передаваемыми от дедов рассказами о воинской доблести. Старики также обучали парней военным приемам, стрельбе, владению холодным оружием, искусству верховой езды и джигитовки. Для обучения стрельбе в цель в аулах выделены на рехгонах особые места. Мужчине полагалось иметь шапку, кинжал, ружье, коня. Человек, умевший воевать, приобретал в глазах общества большое уважение.

Обычаем, первоначально связанным с прежним боевым укладом жизни, следует считать конские скачки, бытовавшие до недавнего времени. Поводы для их устройства различны: в честь рождения сына, перед женитьбой сына, в знак уважения к почетному гостю, в день первой запашки и, наконец, просто по решению общества. Скачки обычно превращались в большое общественное празднество, на которое собирались люди из разных аулов. Есть пословица: "доброты коня грех не

⁵³ Аварское "бо" — войско, народ.

⁵⁴ Стрела — цер.

пустить на скачки". Уходу за лошадьми уделяли большое внимание, и скачки считались стимулом для поддержания лошади в хорошем виде. Скачкам предшествовала двухнедельная тренировка. В состязании принимало участие от 20-ти до 40 всадников. Скакали на 10-15 км, делая большой круг и возвращаясь к исходному пункту. Выигравшие получали призы (деньги или ценные вещи — серебряный кинжал, часы и т.п.). Победившую лошадь кормили лакомствами, а ее владельцу общество выделяло в виде премии лишний кусок покоса. В ауле царило оживление, в домах пировали.

Обычай гостеприимства (в известной степени сохраняющийся) является тоже важным общественным институтом андийского быта. Гостя мужчину одинаково принимали, будь он знакомым или незнакомым. Для него отводилась та самая комната, обставленная лучше других (целур гьякью — "гостевой дом"), которая имеется едва ли не во всяком андийском доме и предназначена преимущественно для мужчин⁵⁵. По сопоставлению с древнейшими домами Северного Дагестана (в которых однокамерность жилья иногда сочетается с наличием особой небольшой "мужской комнаты") мы думаем, что современная парадная комната (теперь обставленная по-городскому) не только у андийцев, но и у многих их соседей вовсе не нововведение, как может на первый взгляд показаться, а элемент давнего происхождения, возникший из специального (хотя бы небольшого) мужского отделения жилища, где проводили время члены семьи-мужчины и где, в частности, они принимали гостей. По законам андийского гостеприимства в комнату к почетному гостю (а это определялось, главным образом, его возрастом) могли входить только мужчины. Вообще же обслуживать гостя и входить в его помещение могла жена хозяина, а также девушки. Для гостя надо было зарезать барана и приготовить лучшую пищу. Женщины чинили ему обувь и седлду. Конь всегда был накормлен. "За гостя надо

---

⁵⁵ В аварских селениях общества Идратль Кахтлоского района.

умереть, а не только давать ему есть и пить", — говорят старики, и хозяин действительно кровно отвечает за приезжа-го пока тот был непосредственно в кругу его семьи. По этикету гостя и чужака трех дней нельзя было спрашивать о делах президе. Он мог долго жить у принимающего его хозяина. Все его просьбы и желания исполнялись. Андийское гостеприимство распространялось и на случайных путников, попутных и бедственное положение. Будь то даже чужеземец, с которыми андийцы постоянно воевали. Говорят, что пострадавшего от холода зимой на перевалах было принято снабжать одеждой, пищей и престанением.

Кровная месть в настоящее время не существует, но воспоминания о ней живы. Кровная вражда возникала на почве "жизненного вопроса" (похищение девушки, оскорбление или обездоление женщины или девушки и т.п.), из-за земельных, пастбищных и прочих имущественных споров, из-за случаев воровства; также как смертельные случаи оскорблений, подчас даже не умственных (хозяин собаки, покусавшей человека, мог считаться кровным обидчиком пострадавшего). В делах кровной мести обычно в той или иной мере принимал участие весь стеновский тухум или его ветвь, тогда как материнская сторона, как не родственная, держалась нейтрально. Ближайшими мстителями были отец, родные или двоюродные братья. При отсутствии близких мужчин с стеновской стороны мстителем назначали тухумные старейшины из числа одотухумцев. Бывали случаи найма мстителя за мзду. В сел. Анди случалось, что во вражду оказывались вовлеченными все шесть тухумов, разбивавшиеся в подобных случаях на две постоянные группировки. Тотчас после убийства, кровник скрывался у своих близких родных или одотухумцев. Иногда ему приходилось бежать в Чечню к кумыкам, которые с этого времени сами кровно отвечали за жизнь убийцы, считая его своим гостем. Почетные старики аула начинают переговоры с примирения и обычно достигают успеха. "В Чечне кровная месть была строже, чем у нас", — говорят по этому поводу старики.

Плата за кровь велика. Современные информаторы ее опи-

ределяют так: "В ту пору, когда один баран стоил пять рублей, за убийство мстителю 500 рублей". Самый акт примерения кроме взноса "цены крови", сопровождался обрядами. Убийца наброшенный, закутанный в бурку и с резко надвинутой папахой ("скрывающая лицо") в сопровождении однокланцев шел к дому потерпевших. Здесь процессию поджидали главные мстители, тоже одетые своими однокланцами. Убийца падал к ногам мстителей, а те в знак прощения должны были прикоснуться к нему рукой, приподнять с земли и сдвинуть с лица папаху. Присутствующие женщины в эту торжественную минуту плакали.

К числу традиционных общественных установлений андийцев (частично сохранившихся в наше время) относится обычай соседской помощи (первоначально родовой) при постройке дома, уборке зерна, стрижке баранов, валении бурок, пахоте, молотье и т.п. Значительную прослойку среди собравшихся "соседей" представляли родственники хозяина. Этот последний устраивает для всех угощение. "Субботник" (как теперь выражаются) превращается в своего рода праздник. На помощь, например, при валении бурок сходятся молодежь. Затеваются танцы. Женщина имеет право похитить у мужчины шапку и потребовать выкуп (орукты, сласти), идущий в общий котел. Традиция соседской помощи, как привычка к дружной приподнятой по настроению коллективной работе, с успехом используется в колхозах при различных кампаниях, требующих общего усилия.

Средоточием общественной жизни аула, в небольшой мере сохранившим это значение до наших дней, был кав — место мужских бесед на площади или на улице. Большую часть в каждом рехконе или у каждого тухума был отдельный кав. Кроме того, имелся общедеревенский большой кав. На кав'ах производились разделы покосных участков, решались пастбищные дела, рассматривались вопросы о военных предположениях и взаимоотношениях с соседями, также вопросы о кровной мести, "соседской помощи", скачках и т.п. Авторитет стариков тут проявлялся особенно сильно. При их появлении младшие вставали. Неприличным было бы прерывать их речь или без раз-

решения вмешиваться в разговор. Полноправным членом этого "клуба" под открытым небом признавался мужчина, достигший 20-25 лет. Пребывание женщины на кав'ях было исключено. Проходя мимо кав'я женщина не поворачивала голову в сторону и быстро направлялась своей дорогой. В наши дни на аульных кав'ях можно постоянно видеть беседующих стариков и вообще мужчин, обсуждающих колхозные дела, семейные вопросы, а также занимающихся праздным времяпрепровождением. Мужская холостая молодежь обычно имеет отдельные излюбленные места для охотобес, расположенные чаще всего ближе к источнику, куда девушки ходят за водой.

Роль "женского клуба" играла печь (курки), предназначенная для поджаривания зерна и изготовления лепешек, в большом количестве требовавшихся для свадеб, поминков и празднеств. Такая печь (род глинобитной плиты под навесом на дворе) являлась собственностью отдельной семьи, но была в то же время общественным пунктом, куда стекались соседи для дела и разговоров. Женские беседы вокруг курки можно наблюдать и теперь.

Не только, как видим, в обществе, но и в семейном обиходе при господстве мужчин наблюдалось подчиненное положение женщин. У андийцев (правда, при довольно кратковременном с ними знакомстве) мы не смогли обнаружить тех особых дружеских черт "женской свободы", которая встречается, например, в некоторых аварских и даргинских обществах. Семейный быт носит все следы патриархального уклада. В настоящее время, разумеется, многое из этого отпадает.

Система родства у андийцев описательная. Нижеприводимая терминологическая таблица (по записи в сел.Анди) составлена в порядке счета по поколениям по отношению к "едо".

Видное место в жизни семьи занимает свадебный цикл. Твердо сохранившейся тухумной эндогамии нет. Наряду с браками в пределах тухума (в том числе кузенами), практикуются браки между членами разных тухумов и между жителями разных аулов. Более крепко соблюдается лишь условие рав-

Таблица 4.

№ п/п	На русском языке	На андийском языке
1.	Внук	Вошо
2.	Внучка	Ёши
3.	Сын	Вошо
4.	Дочь	Ёши
5.	Племянник по мужской линии	Водун вошо
6.	Племянница по мужской линии	Воцуй ёши
7.	Племянник по женской линии	Ёцуль ёши
8.	Племянница по женской линии	Ёцуль ёши
9.	Брат	Воце
10.	Сестра	Ёце
11.	Двоюродный брат	Воцал
12.	Двоюродная сестра	Ёцал
13.	Отец	Име
14.	Мать	Ила
15.	Дядя по отцу	Имуь воци
16.	Дядя по матери	Идуль воци
17.	Тетка по отцу	Имуль ёци
18.	Тетка по матери	Идуль ёци
19.	Дед, прадед (большой отец)	Вочухва име
20.	Бабка	Яйя

ного "достоинства" тухумов и их ветвей, а также традиция, по которой лац'ол считались ниже озденол. В прошлом существовал леиарат и сорорат, а также браки путем усыновления.

Первым моментом свадебного цикла будет сговор. Он состоит из предварительных переговоров сторон (без участия жениха и невесты), достижения согласия и обмена многочисленными подарками. В старину существовал сговор малолетних. После сговора невеста помогает родным жениха в сельскохозяйственных работах, а жених - родным невесты; между сторонами устанавливаются как бы родственные дружеские от-

попечения. Однако, обрученные не имели права свиданий. Жених не должен был даже проходить мимо дома невесты и мог видеть ее лишь на общих полевых работах. От сговора проходит месяц или меньше. Сторона жениха вносит небольшой денежный калым. Сторона невесты готовит приданое (одежду, постельные принадлежности, утварь, неприданую шерсть и другое добро, смотря по достатку). Для шитья платья невесты в ее доме собираются девушки и женщины и устраивают нечто вроде посиделок.

Собственно свадьба начинается с оформления брачного акта. Мулла в присутствии свидетелей посещает сперва невесту, потом жениха и, получив от них ответ с согласия, скрепляет брак. Жених тщательно скрывается в доме своего товарища (который должен быть женатым человеком) и в свадебных пиршествах участия не принимает. Между тем родственники жениха и жена его товарища в тот же день отправляются за приданным. С ними отражается арба. При передаче вещей в дом невесты обе стороны вступают в шуточный борьбу: невестины люди не пускают уже нагруженную арбу, стараются разорвать веревки и что-нибудь утащить; жениховы люди препятствуют этому и стремятся поскорее выехать. По другому варианту приданое везут за невестой; аульские парни нападают и хватают что возможно, возвращая похищенное за выкуп. Продолжая первый вариант, мы должны указать, что вскоре после увоза приданого происходит церемония перехода самой невесты в дом жениха. Дело бывает поздно вечером, чтобы ее, по возможности, никто не видел. Дорогу выбирают не обычную — более длинную. Лицо девушки скучано покрывалом. Рядом 2-3 подруги, одна из которых считается главной. Аульские мальчишки и парни чинят препятствия и стараются схватить невесту, так что им приходится платить выкуп. Перед домом жениха девушку встречает его мать с лепешками и медом. К невесте затем подводят корову или быка. Она прикасается рукой к уху скотины в знак приема подарка. Иногда у скотины надрезают ухо, что также является выражением подарка. Под дождем серебряных монет, орехов, пшена и са-

кара невеста выходит в дом. По другому варианту девушка, прежде чем проникнуть в дом жениха, преодолевает некоторые препятствия, ибо окружающие ее сперва не пускают. В комнате невесту сажают; рядом с ней помещаются — с одной стороны подруга, с другой — женщины из родни жениха. Происходит пируество. Мужчины угощаются отдельно от женщин, женщины — с невестой. Невеста в танцах не участвует. Когда наступает время брачной ночи, жених в сопровождении товарища из дома этого последнего крадется к невесте. Задача товарища оберегать его от аульных парней (которые стараются похитить жениха), затем стеречь "брачный чертог" и рано утром так же секретно и благополучно привести жениха к себе. Существовал обычай, по которому парни, осаждавшие "брачный чертог", задавали с улицы различные нескотные вопросы невесте, на которые та должна была им отвечать; если же стеснялась, жених имел право принудить ее к тому побоями. Вольность аульных парней задает и мать или сестер жениха, которые так же рискуют быть похитившими и привязанными к столбу, пока за освобождение не будет дан выкуп.

На второй день свадьбы жених продолжает скрываться у товарища с тем, чтобы прийти лишь ночью звать секретным порядком. Утром невесту, сидящую рядом с подругой, посещают родные и соседи с поздравлением. По другому варианту, она выходит к гостям, и мужчины стараются ее похитить; если это удастся, похититель имеет право некоторого вольного обращения с пленницей, пока не получит соответствующего выкупа.

На третий день происходит обрядовое шествие за водой. Аульные парни и тут оказывают препятствия и берут с молодой выкуп. В этот же день молодые идут в дом невесты в гости, где присутствуют только женщины.

Через неделю молодая приступает к работе по хозяйству, и жизнь входит в будничную колею.

Интересно добавить, что в с. Гататль записано сведение (в известной мере перекликающееся с другими специфич-

ческими моментами описываемого комплекса), говорящее о существовавшем обновлении, по которому два друга, женившиеся одновременно, могли на вторую ночь свадьбы обмениваться женами.

Кратко охарактеризованный свадебный цикл индийцев (записанный от старух и в основных элементах дошедший до современности) сходен с аналогичными обрядами соседних народов. Вспоминались в глаза черты (поведение зульной молодежи, выкуп, срывание жениха, тайный поезд невесты и др.), по-видимому, следует относить к отдаленным пережиткам группового брака.

Во время родов молодая остается в доме мужа. К ней (по некоторым показаниям) приходит ее мать. Муж удаляется к товарищу, или еще куда-либо и возвращается домой только через неделю. По мунийскому варианту роды происходили в доме матери роженицы, откуда жена возвращалась к мужу приблизительно через месяц. Беременная молодая женщина стыдится своего положения и избегает показываться мужчинам. Этим "стыд" и "избегание" проявляются и после. Почти до самых родов она, однако, принимает участие в хозяйственных работах. Роды происходят на соломе, покрытой войлоком. В случае тяжелых родов к роженице было принято звать мужа с тем, чтобы он через нее перешагнул и выстрелил из ружья в трубу. Практиковалось также окуривание ног больной дымом горящей соломы, положенной на лопату.

Рождение мальчика вызывало радость и сопровождалось празднованием; появление на свет девочки встречалось холоднее.

Торжественным моментом являлось наречение имени, когда на угощение собирались родственники с обеих сторон. Младенцу тут делались ударки: мальчику то, что ему понадобится потом — оружие (подарок брата матери), барашки с надрезанными в знак дарения ушами и др. Имя предпочитали давать по именам умерших родственников (преимущественно по мужской линии), особенно если эти последние были уважаемыми или известными людьми. В ряде случаев выбор имен хранил тради-

цию тухума (таково, например, изобилие "хуизахоних" имен в тухуме Шамхаладул, так отмечалось выше). Выбранное имя мурла троекды произносил, наклонившись к правому уху младенца.

Имелось множество примет и обрядов, связанных с желанием обеспечить ребенку будущее и настоящее благополучие. Мальчика мазали маслом, чтобы он был сильным и красивым. До сороковин предпочитали, чтобы на ребенка никто из посторонних не смотрел. В целях охраны ребенка мать расовывала ему под постель нож. На месте случайно опрокинувшейся лопатки надо было разбить яйцо. Ночью младенца не выносили на улицу. Когда ребенок начинал стоять и делать первые шаги, между его ног надо было прокатить специально выпеченную большую лепешку. Первые детские слова не повторяли, дабы они не были показаны ребенком. На 7-м или 8-м году мальчики и девочки подвергались обрезанию.

Отец при посторонних не ласкал и не брал на руки своих детей.

Дляя по отцу иногда принимал мальчишка (племянника) на воспитание и помогал ему жениться. В этом случае между воспитателем и воспитанником устанавливались особенно близкие отношения; часто завершавшиеся женитьбой молодого человека на двоюродной сестре (дочери того же дяди).

Как правило малые дети находились в руках матери; с их подрастанием большее влияние приобретал отец и его одностукумын.

Похоронные обряды совершаются по установленному канону. Для женщин рыли могилу глубже, чем для мужчин. Говорят также, что в мужскую могилу клали оружие, в женскую украшения. Женщин оплакивают покойника. В честь умершего устраивают неоднократные поминки, с участием родственников, одностукумцев и соседей. Существует поверье, что в известные дни "душа умершего приходит домой", чтобы ее "накормить" варят баранину и угощаются, считая, что и покойник принимает участие в трапезе. Умершего на чужбине оплакивают, делают поминки в его честь и ставят на кладбище близ

дороги (чтобы проходящие могли поминать) мемориальный памятник с надписью. На могилах "героев", "святых" и "учеников" ставят крест с белым флагом.

В религиозных верованиях андийцев наблюдается довольно прочно установившееся "правоверие" (ислам сунитского толка). Распространены популярны в Дагестане предания про Абу-Муслима, насадителя ислама, и также рассказы о шейхах, память которых почитается. Местами, где был Абу-Муслима, считаются Анди и Муни. Эти пункты (наиболее важные в исторических преданиях андийцев) приписывают себе значение базы, откуда Абу-Муслима распространил по всему "участку" мусульманские порядки и двигался для "просвещения" в другие районы (в том числе в Ботлих).

Что касается шейхов, то их почитание наиболее развито в селениях Анди, Амали, Зило, Муни. Одних шейхов считают пришельцами (например, "двоюродных братьев Абу-Муслима" — Муса-шейха андийского и Муса-шейха амалинского, о которых упоминалось выше), других — местными (принадлежавшими к определенным тухумам). На почитаемых могилах шейхов и теперь ходят молиться о здоровье, благополучии, удаче в дороге, прекращении засухи.

Мусульманские годовые религиозные праздники сопровождались закланием жертвенных животных, приношением пищи в мечеть, молитвами и пиршествами.

В настоящее время религиозных обрядов придерживаются главным образом старики и старухи. Молодое поколение в значительной мере их изживает.

К числу пережитков домусульманских религиозных верований мы склонны относить известный и у андийцев, столь популярный в Дагестане, праздник первой обрядовой запашки. Впрочем, у андийцев этот праздник, по некоторым сведениям, являлся "заимствованным". Это познание, по-видимому, следует сопоставлять с преобладанием старой, преимущественно скотоводческой, хозяйственной традиции описываемого народа. Праздник "первой запашки" устраивался целым аулом. К этому дню собирали зерно, резали скот (корова или бык от группы

в семь человек), готовили обильные угощения. Один из мужчин считался "хозяином праздника". Он играл большую общественную роль и устраивал у себя большое угощение. Пиршества, вообще, происходили во всех домах. "Хозяин праздника" на будущий год назначался в доме "хозяина праздника" текущего года. Процедура происходила так: "хозяин праздника" брал в руки роговой кубок с бузой и спрашивал — кто хочет устраивать "выход плуга" на будущий год. Желающий подходил и выпивая божал. Этим самым он давал знак того, что обязуется на следующий год играть эту ответственную роль. Обряд первой заправки происходил на каком-либо пахотном участке аула. Мару быков, запряженных в пахотное орудие, покрывали мажковыми "полонами", на рога каждого надевали кольцообразные печения. Зрителя обсаживали большой круг. Роль пастуха выполнял мулла. Он делал несколько борозд. Присутствующие мальчишки бросали комки земли и камни, и пахарь, ведущий быков, старался идти быстрее. В этот же день происходили скачки с призами и подарками. Заключительными моментами являются пиршества, в устройстве которых сильна традиция "олимпиады", т.е. приношений со стороны гостей кушаний и припасов. В настоящее время праздник выхода плуга не справляется.

Из других обрядов, которые можно было бы частично отнести доисламскому слою, укажем на: а) вызов дождя (ходили на гору Гъанъуди-Къуда и на другие урочища, с собой брали при этом угощение; также ходили к реке и с молитвой бросали в воду камешки); б) прогонку скота во время эпидемии через закопанный в земле проход с молитвами и другими процедурами. Обряды при засухе частично сохраняются; обряды, связанные с эпидемией скота — дело прошлого.

Народное искусство андийцев представлено орнаментом и фольклором.

Орнамент, впрочем, не раскрывает особенно больших материалов для исследования, ибо разные деревянные и художественно обработанные металлические вещи большей частью идут от соседей, расписная керамика из Балхара, ков-

роделия нет, а узоры на войлоки чаще доставлялись из Чечни, чем изготавливались дома. Изобразительные мотивы и стиль орнамента сходны с тем, что можно в более отчетливом виде наблюдать у аварцев, багулалов и других соседних групп. Следует еще отметить, что в андийских аулах встречается очень мало старых петрографических изображений, по-видимому, вследствие того, что эти аулы в XIX веке подвергались значительным разрушениям. Все же надо указать, что отдельные резные камни встречаются. На них мы видели изображения оленей, кругов, солнечные знаки и т.п., т.е. все то, что можно встретить в большинстве мест аваро-андо-цезской территории.

Фольклор андийцев очень богат. Особенно интересно то, что помимо прозаических жанров жива песенная традиция: наряду с исполнением песен на аварском языке, исполняются песни и на андийском — явление достаточно редкое в группе малых народов этой части Дагестана, в большинстве случаев давно утративших песню на родном языке за счет усвоенной аварской.

Ботлики живут в южной части Ботлихского района ДАССР и занимают два населенных пункта, относящихся к обществу Технудал¹ - с. Ботлих (районный центр) с относящимся к тому же сельсовету хутором Цаширу и к западу, приблизительно в 5-ти километрах по прямой линии, с. Мларсо. Эти рядом расположенные пункты вместе с принадлежащими им хуторами и землями составляют небольшую, но цельную территорию, окруженную на юго-западе годоберинцами (с.с. Верхнее и Нижнее Длобери), на юге - аварцами (с.Хелетлири), на юго-востоке - караткинцами (с. Нижнее Инкело), на северо-западе - аварцами (с.с. Широда, Ракета, Аксалта), на севере и северо-востоке - индийцами (с.с. Чанго, Мунки).

Земля ботлихцев представляет собой платообразную, изобилующую садами, котловину, очень холмистую, сильно расчлененную, она примыкает к левобережью среднего течения р.Ангийское Койсу. Оба селения, однако, удалены от реки. В Ботлихе имеются две небольшие речки-Тадару инки (речка Тадару) и Сарулы Баганасуб инки (речка Лисей нор); в с. Мларсо протекает Мларсенька². Сравнительно с окружающими зонами ботлихская котловина и близкие к ней местности мягче по климату, плодороднее и ниже по уровню. При наблюдении издали этот "оазис" в общей рамке "лирического горного ландшафта".

¹ Технудал - старое наименование многонационального общества (группы селений) на окраине Западного Дагестана. В состав общества Технудал, помимо ботлихских селений, входили годоберинцы, также два индийских аула (Мунки, Конхицатль), несколько аварских и чеченских.

² По указанию К.С.Гана эта река образуется из вод озера Казенной-ам. Принимает несколько притоков и ниже селения Мларсо впадает в реку Ангийское Койсу (К.С.Ган. экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // Известия Кавказского Отд. Русского Географического общества. Т.ХУ, № 4, Тифлис, 1902. С.212-242.

тафта выделяется особенно контрастно. Недаром он привлекал в прошлом внимание воинственных соседей, неоднократно нападавших на него с целями завоевания.

Численность ботлихцев по переписи 1926 г. - 3370 человек. По местным данным на 1-е августа 1946 г. в Ботлихе число дворов - 704, число жителей - 1520 чел.; в Миарсе - число дворов 128, число жителей - 374 чел.³ Уменьшение численности ботлихцев за последние двадцать лет объясняется, по-видимому, процессом ассимиляции с аварцами; сравнительно небольшие зоны с 1942 г. по 1946 г. вызвана также событиями Отечественной войны.

Самоназвание ботлихцев - буйхад (мн.ч.), буйхалди (ед.ч.); наименования населенных пунктов - Буйха (Ботлих), Килу (Миарсо)⁴; отсюда - килухара - миаросцы.

Следует заметить, что общепространинный в Дагестане термин "Ботлих" по местной народной этимологии имеет свое весьма популярное толкование из аварского языка - "место остановки войск", которое, разумеется, следует рассматривать лишь как отзвук исторических воспоминаний, связанный с военным укладом и самих местных жителей и их соседей.

Наиболее употребительные у ботлихцев наименования соседних народов, следующие: андийцы - гьванцил, годоберинцы - гьибиди, каратинцы - к'ирин, аварцы - маг'арулад, багулалы - багвальисул, тиндийцы - индирал, ахвахцы - ахьвалы. Кумыки по-ботлихски называются - м'араг'ал.

Малозученный ботлихский язык относят к андийской подгруппе аваро-андо-динойской группы, входящей в состав восточно-кавказской, или дагестанской ветви афетидов. Этот язык фактически является лишь аульным, домашним, все более и более вытесняемым аварским, ибо подавляющее боль-

³ По Е.И.Козубскому в конце XIX в. в с.Ботлих было 312 дворов и 1041 сел. жителей, в с.Миарсо - 67 дворов и 282 жителей (Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895 г.).

⁴ Названия Ботлих и Миарсо - аварские.

иство ботлихцев (в том числе женщины) владеет аварской речью. На аварском языке ведется письменность и происходит преподавание в школах.

О своем прошлом ботлихцы имеют передаваемую из уст в уста версию, варианты которой сохраняют единство. Говорится, что первоначально в котловине было два селения — Буха и в 2-3 километрах от него, ближе к р. Андийское Койсу, на урочище Ичалаль джель ("виноградника возвышенность") — Шотгальи джель (т.е. "Гончарный аул")⁵. Там имеются следы старого поселения, остатки гончарных печей, а также находят черепки и даже целые глиняные кувшины. Жители Шотгальи джель, занимавшиеся садоводством и виноградарством, занимались, что признали гончарным производством. Между обоими селениями возникали постоянные споры и войны за землю и воду; в частности, за обладание садом Рачибе (аварск. — Рачибалда)⁶; общества пришли к соглашению, что во избежание войн одно из них должно переселиться. Для решения вопроса было назначено единоборство с условием: сторона, представляемая которой победит, останется, а побежденные покинут родную. Единоборство устроили в 1,5 — 2 км от Ботлиха на месте, называемом Спбарду⁷. Наблюдатели ("ботлихцы" и "гончары") стояли двумя группами поодаль. Перед выходом на арену ботлихский боец был спрошен стариком: "Хочешь ли сразиться по моему совету?". Тот ответил — "хочу", и старик посоветовал, — "Когда сойдется, спроси противника — почему вас вышло двое на одного? Он обернется назад, ты же в этот миг снеси ему голову. Люди стоят далеко и подумают, что повернувшийся назад испугался". Боец последовал совету старика и убил врага. Побежденные "гангачи" вынуждены были выселиться.

⁵ Селение — гъань; ин.ч. — гъанэй.

⁶ Сохраняющееся до настоящего времени название одного из ботлихских садов.

⁷ Название одного из ботлихских садов.

Они ушли в Грузию. Далее легенда передает эпизод, интересный⁸ и в других (имевшихся в разных местах Дагестана) рассказах, касающихся дагестано-грузинских связей и переселений. Лет 150 тому назад, поведают старики, один человек из Ботлиха видел "в Грузии" старуху, предки которой покинули Шотгальи гвани. Она говорила по-ботлихски и поведала: "Наша перед уходом из Дагестана зарыла в ауле под тутовым деревом клад". Вскоре после этого некто Тлеметир (житель Ботлиха, сын пленного грузина) копал в земле на месте "аула гочаров" большой глиняный кувшин, наполненный серебряными монетами.

Передадим еще ряд преданий. Хитростью ботлихский народ, который никогда не имел большой военной силы, отбивал свои котловину и от внешних посягательств: на севере от андийцев, на юге — от карачинцев⁹. Для предприятия против Ботлиха однажды название два народа вступили между собой в союз. Союзники прислали из Анды в Ботлих огулдатеев (мацлхэ-би). Ботлихцы, чтобы показать, что они сильны, на улицах аула в нескольких местах устроили склады оружия и рядом поставили большие котлы с варящимся мясом, будто-бы предназначенным для пропитания больших военных отрядов. Вместе с тем одни и те же вооруженные люди, меняя одежду и внешний облик, показывались в разных частях селения, создавая для пришельцев видимость значительной военной мощи. Некоторые варианты этого рассказа говорят, что тогда в Ботлихе было лишь 70 дворов, и 70 мужчин трижды являлись в ином облике перед глазами пришельцев. Котел с мясом стоял на улице Карем к ватли (что значит "Карима улица") Нижнего квартала, близ башни Хамзатиб (в настоящее время представленной остатками кладки), около

---

⁸ Разумеется в разнообразных вариантах.

⁹ Из более отдаленных противников следует назвать цезов, гумбетовских аварцев.

сохранившейся и поныне общественной каменной ступки (в которой готовился порох). Тот же прием был использован, когда в Ботлих из Анди явился для переговоров делегат (вакилзаси). Прибывших вакилов встретила группа воинов и начала переговоры. Через некоторое время делегатам было предложено перейти на другую улицу, где, как им объяснили, "у наших людей идет большое совещание". Пока делегаты переходили, встречавшие их ботлихцы пересаживали окольными путями и присоединялись к "большому совещанию" так, что перед вакилами предстала еще более внушительная толпа вооруженных мужчин. Английцы все же решили с помощью каратинцев сделать на Ботлих нападение в заранее назначенный день одновременно с двух сторон. Одна ботлихская женщина была замужем за англичанином в с. Цебальта. Она узнала от мужа о готовящемся нападении и ночью, когда тот заснул, оседлала коня и прискакала с ростью на андийско-ботлихскую границу к месту, называемому Мук ухе ¹⁰, где жил постоянный караул (мужчины с семьями). Караульщики немедленно передали сообщение еще более близкому караулу Борол и гварчилу исуб гвацлаха рекха, что в переводе соответствует значению - "площадка Борол и белый холм" ¹¹. Последний караул сообщил об опасности в Ботлих. Ботлихцы подготовили отряд и заранее выступили навстречу андийцам, устроив нечто вроде засады. Враг не ожидал и обратился в бегство. На него с высот стали сбрасывать камни. Преследование продолжалось по андийской дороге далее селения Чанко. Ботлихцы заночевали в этом селении, а утром в мечети делили добычу. Другая попытка андийцев захватить Ботлих тоже окончилась неудачно. Ботлихцам удалось перехватить письмо, направленное в Каратү, с назначением дня нападения и подменить его другим с ложной датой. Вследствие этого совместное нападение не состоялось: каратинцы не яви-

---

¹⁰ Ныне это небольшой ботлихский хутор в 4-5 км от аула.

¹¹ Местность, приблизительно в 2-х км от Ботлиха.

лес в должное время, а андильцы, на поддержанные ударом с юга, победить не смогли. Были и еще нападения, всякий раз, конечно по ботлихским версиям, успешно отражавшиеся. Называют, например, ущелье Абух (в 10 км), где ботлихцы победили андильцев, и ущелье Калмау (в 8-ми км по Андийскому Койсу), где ботлихцы одержали верх над каратинцами. Рассказывают также об усмирных войнах Ботлиха с андийским селением Мули. Во главе этих войн стоял Хатимшалах (считавшийся по некоторым легендам основателем Ботлиха), имевший в своем распоряжении вооруженных стражников, в числе которых был Карим. Именем которого до сих пор называется, как указывалось выше, одна ботлихская улица в Нижнем квартале. Известны рассказы также о покупке гонимых каратинских и андийских. Таковы предания.

Вопросы обороны, хитроумные планы и вообще общественные дела обсуждались мужчинами на учарах. Учар — место мужских бесед, совещаний и праздного времяпрепровождения. На учарах в старину происходили и столкновения местных "родовых" групп в случаях, если между ними возникал конфликт. В современном Ботлихе насчитывается 4 учара. Это небольшие площадки где-нибудь на улице или около мечети с бревнами и камнями для сидения.

Следует подчеркнуть, что в военных делах ботлихцы ограничивались обороной и считались мирным народом, что, однако, не мешало им принимать участие в набегках дагестанских горцев на Грузию с целью захвата добычи и пленников.

Помимо сети военных караулов, разбросанных вокруг в виде хуторов ¹² (одним из которых, по-видимому, когда-то было с. Мизрсо), сам Ботлих был укреплен башнями (башня — меба), число которых, по мнению стариков, доходило до 6-8. Башни представляли собой целую оборонительную систему. Они были расположены в центре аула и в окружающих его

¹² Заселенных, как было видно выше (на примере Мукухе), постоянными караульщиками и их семьями.

садах: 3-4 -- на севере служили защитой против андийцев, 1 -- на северо-западе противостояла наступлениям жителей аварского селения Ансалта, 2-3 на юге были прикрытием со стороны Караты. От этих сооружений сохранились незначительные остатки, вошедшие в самый аул в состав позднейших построек. Однако факт их существования, места расположения и наименования были в памяти населения. Башни были четырехугольные с квадратом в плане. Они принадлежали первоначально тем или иным "родовым" группам, считались, вообще, общественным достоянием и позднее стали собственностью отдельных лиц, которые их перестраивали. Назначение башни -- оборонительное и, отчасти, сторожевое. Во время нападения внешних врагов башни использовались как крепости и как убежища для людей. Сохранившиеся наименования башен передают или название местности (например, Инкубакъ -- по одноименному названию сада), или по именам собственным (например, Хамзатиб в Нижнем квартале, Тинпочив, Пумариб -- в Нижнем квартале, Хадималап -- в Верхнем квартале -- названия 3-х наиболее известных башен Ботлиха).

Кроме башен к числу оборонительных сооружений Ботлиха надо отнести трое ворот (ворота -- казу), которые замыкали въезд в селение и входили, следовательно, в состав сплоченных воедино крайних домов, образовывавших как бы стену.

Приведенные сведения о фортификации Ботлиха и изложение местных легенд суть звенья для характеристики общественной структуры поселения и его истории. По этим вопросам сообщим и другие собранные данные. Ботлих, как многие старые аулы Дагестана, делится на две большие части (рехун -- часть селения, квартал), очевидно отражающие первоначальную дуальную форму аула -- Нижняя часть -- Гьикьикъ рехун и Верхняя часть -- Гьекъ рехун. В каждой части была своя мечеть ¹³. Верхняя часть по старой традиции счита-

¹³ В настоящее время действующей является мечеть Верхнего аула.

ется "лучшей," более сильной; Нижняя часть (расположенная ближе к реке Андийское Койсу) — более старой; на имевшихся в ее пределах скалах, явись, были поставлены первые дома, а кругом них башни. Деление ее две крупные части (или квартала) совмещается с делением более дробным (по-видимому, возникшим позднее), доводящим общее количество рехунов Ботлиха до 7-ми, причем наименования их, не передавая имен "родовых" групп, носят преимущественно географический характер (например, "квартал с воротами", "квартал, где мусор", "квартал у ручья"). В то же время сохраняется некоторое воспоминание о том, что когда-то рехуны соответствовали локализованным в их границах "родовым" группам. По этим последним Ботлих (в смысле его коренного населения) имеет особое, не совсем заботное, деление. "Родовая" группа, соответствующая тому, что аварцы выражают термином тлибил или тухум, по-ботлихски будет глай. Количество глай'ев, на которые делятся жители Ботлиха, насчитывают до 7-8. Самыми известными считаются Шанхвалал, Урженлал, Нусубал; каждый из них в прошлом, как говорят, имел свою башню, жил в своем рехуне, имел свое кладбище и свой учар, управлялся своим старейшиной. Но это было в отдаленные времена, и члены ботлихских глай'ев давно уже живут вразброску в разных кварталах, без особого различия собираются на учары, хоронят покойников, не соблюдая "родовых" мест, на одном из 4-х имеющихся в Ботлихе кладбищ и свободно заключают между собой браки. По старым обычаям лишь потомки пленников (пленники, раб — лаг) считались "худшими" и брачные связи между ними и коренными жителями не допускались. Феодального строя, равно как зависимости от хунзахского хана, Ботлих не имел.

Рассказы о глай'ях частично связаны с этногенетическими преданиями, довольно, впрочем, обрывочными. Рассказчики, по-ведывая, например, о том, что ботлихцы были древними аборигенами и от их выходцев образовались некоторые сосед-

ние аул ¹⁴, в то же время (в иных вариантах) — с одной стороны, ведут корни отдельных ботлихских племён от пришельцев ¹⁵, с другой — происхождение всего ботлихского народа относят к одному определённому родоначальнику, тоже множественному, от синовей которого, будто бы ведут начало жители ряда селений и в том числе Ботлиха ¹⁶.

Сосредоточенные показания, при всей их неясности, все-таки заслуживают того, чтобы пока их зафиксировать в качестве каких-то отрывных точек, которые могут понадобиться при дальнейших изысканиях по этногенезу малых народностей Западного Дагестана вообще и ботлихцев, в частности. По настоящему же состоянию знаний (учитывая приведенные выше материалы), про ботлихцев можно лишь сказать, во-первых, что они в своем происхождении родственны отдельным группам аварцев, а также андийцев, годоберинцев и, может быть, некоторых других соседних малочисленных народностей; во-вторых, что в формировании ботлихского народа, кроме местной среды, в известной мере принимали участие пришлые элементы из Закавказья (что особенно было связано с набегами дагестанцев в Кахетию) и из юго-восточного Дагестана (что было связано с первой экспансией ислама, коснувшейся "стран гор").

Главное занятие ботлихцев сельское хозяйство комбинированного типа: на первом месте садоводство, затем хлебопашество, скотоводство. Такая именно специализация, сложившаяся издавна, положена и в основу современных ботлихских колхозов. Сады имеют искусственное орошение. Часть их расположена в самих селениях, а часть — в окрестностях. Произрастают абрикосы, персики, сливы, груши, яб-

---

¹⁴ Недалеко расположенные от Ботлиха селения — аварокса Ансалта, годоберинское Годобери, андийское Чачко.

¹⁵ "От арабов", "из Истамбула", "из Дербента", "от армян" "из Хунзаха".

¹⁶ Этот легендарный предок жил около Дербента; ему унаследовал старший сын; остальные сыновья разошлись и основали: один с.Хираки (аварский аул Хунзахского района), другой с.Шодрола (аварский аул Ботлихского района), третий — Ботлих.

лоси, грецкий орех, черный и белый виноград. Отражение давности и развитости садоводства можно усматривать в наличии чрезвычайно богатой специальной топонимики. Так, для одного Ботлиха далеко неполный, составленный мной, список наименований садов включает в себя более 40 терминов. Некоторые из этих терминов выступают перед нами и в исторических преданиях, и в названиях башен и речушек. Имена садов носят по преимуществу характер географических обозначений, смысл которых соответствует таким, например, выражениям, как "у прудов", "под аулом", "лисыя нора", "в средине", "в низине", "около печи", "у сенокоса" и т.д.; в других случаях в названиях садов встречаются имена собственные и непереводаемые названия местностей.

Разведение виноградной лозы (виноград — *kliki*, лоза — *цели*) не является также новшеством. Можно даже сказать, что в прошлом, восходящем, очевидно, к домусульманскому периоду, виноградарство было развито гораздо более, а вместе с ним существовало широко развитое виноделие. По преданиям в иных подвалах хранились сорокалетние вина, употреблявшиеся при торжественных пирах. Уход за виноградниками и сбор урожая регулировались традиционными обычаями. И. Ограневич, посетивший Ботлих в 60-х годах XIX века сообщает ¹⁷, что из винограда тут делали бузу и что по адату хозяева садов не имели права собирать виноград раньше срока, всякий год устанавливаемый решением общества. Для этого, когда виноград созревал, собирались почетные старики, осматривали сад и назначали время начала сбора. Нарушение это постановление наказывалось штрафом.

Собранные нами сведения о давнем существовании в Ботлихе виноградарства и виноделия подтверждают любопытный материал, сообщаемый в одной публикации 1889 года, принадлежащей А.Т.Васильеву ¹⁸, где описывается особый весен-

¹⁷ Кавказ. 1866. № 2.

¹⁸ Васильев А.Т. Тавлинцы // Новое Обозрение. № 1919, Тифлис, 1889.

ний праздник ботлихцев, справлявшийся ради обеспечения урожаа на виноградниках. Начинается он с того, что, когда приходит время отрывать виноградники, жители выходят на поле, причем старики несут санетки, наполненные листьями, собранными с прошлогодних виноградников, и нагружают ими ишака. На возвышенном месте разводят между тем большой костер, по направлению к которому гонят ишака. Парни бегут вокруг костра, кричат и стреляют в воздух до тех пор, пока возлези не покажется ишак, навьюченный санетками с виноградными листьями. Этого ишака со свистом, гичаньем и хлопаньем в ладоши толпа сопровождает до самого костра. Старики снимают санетки. Возвращается тишина. Все становится на колени лицом к западу. Мулла читает молитву. Затем все бросаются к санеткам и расквашивают виноградные листья. Часть листьев сжигают на костре, а часть несут в сары. Здесь ими осыплют землю "при каких-то диких завываниях" и отрывают виноградники руками. Затем все люди возвращаются в аул и празднуют весь день, джигитуюя на конях и танцуя под звуки музыки. Автор данной записки приводит следующее, сообщенное ему на месте, надо думать, муллой, объяснение этого обычая: "Он соблюдался только после неурожайного года. Костер знаменует тот страшный огонь, в котором будут мучаться не признавшие Магомеда. Так как всякий неурожай винограда приписывается действию злого духа или шайтана, то, чтобы это умиротворить, ему бросают в огонь — местонахождение шайтана — часть листьев неурожайного года. Народ верит, что злой дух после такой жертвы не сможет портить виноградников и отступится от них". При наличии мусульманского налета и в самом объяснении сончая, и в некоторых подробностях обрядовой процедуры, приведенный комплекс, как можно заметить, в основном собственно с исламом связан слабо. В нем несомненно проявляется слой, восходящий к быту доисламского периода. Интересно, что К.Ф.Ган, посетивший Ботлих в 1901 г., говоря о виноградарстве ботлихцев, замечает, что они занимаются и виноделением, и указывает: "Здесьние маго-

метане пьют вино, правда только пока оно еще сладко, или же в вареном виде".

Из местных злаков в Ботлихе и Миарсо культивируются пшеница, рожь, ячмень, фасоль, черный горох, кукуруза; из огородных растений — капуста, помидоры, лук, огурцы, тыква, дыни, арбузы.

Животноводство (крупный и мелкий скот, лошади и ишаки) не играет ведущей роли; зимними пастбищами на плоскости (кутанами) ботлихцы не пользуются.

Колхоз с. Ботлих является одним из передовых в районе. Как посевное здесь внедряются и расширяются озимы. Также перед тем, как засеять, производится вспашка (по старому способу сперва полагалось сеять, а потом вспахивать). Посевную кампанию колхоз проводит в апреле, уборочную в конце августа, покос с начала августа. Земледельческие орудия, справлявшиеся в местных условиях с задачами колхозной работы, остаются старыми: деревянное пахотное орудие с железным лемехом и "ушами" на пяте (как у аварцев) и молотильные доски с кремнями; борона не употребляется. Колхозные поля, сады и огороды дают хороший урожай.

Домашние и кустарные производства не могут считаться развитыми. Из домашних назовем в небольшом объеме шерстяное прядение и ткачество, валяние шерсти, обработку кожи (при этой последней употребляется известь, купорос, гашеный помет, ветки и листья ивы и других растений). Из кустарно-ремесленных, тоже в небольшом объеме, шитье пальто и обуви. Медная кованая, луженая утварь (кувшины, тазы, бляды, омы и т.п. с выгравированным орнаментом) шла раньше из аварского с. Ичичали, в настоящее же время (с 1945 г.) несколько человек ичичалинских мастеров переехали в Ботлих и открыли тут свои небольшие мастерские. Для строительной работы колхозы комплектуют каменных каменщиков из аварского аула Ансалта. Значительную роль в развитии играет до наших дней своеобразный ботлихский базар земледельцев, на который съезжаются и остаются люди со всех округов. Тут можно купить (кроме товаров) обработан-

емых в самом Ботлихе, т.е. папах, обуви, бурок, медной утвари) — серия, подковы, деревянные грабли и деревянные резные цилиндрические мерки из селения Годобери; бури из селений Ансалта, Разата, Тогатль, Анди; бараньи шкуры из с.Муни; деревянные резные мерки из селений Цумадинского района; деревянные детские лальки из с.Разата. Продаются также в изобилии разнообразие пищевые продукты (мясо, сыр, соль¹⁹, фрукты, овощи, зерно), свин, козы, лошади.

Иногда на ботлихский базар привозят продавцы из отдаленного ласкского селения Балхар со своими, известными по всему Дагестану, гончарными изделиями²⁰.

Однако если в настоящее время превосходная бахарская керамика (новая и старая) занимает весьма видное место во внутренней обстановке жилищ ботлихцев, то не всегда это было так. На основании собранных нами материалов можно считать установленным, что именно у ботлихцев был когда-то свой гончарный центр, об остатках которого говорилось выше и с вещественными следами которого (старинными цельными или разбитыми большими винными кувшинами, иногда по горло врытыми в землю) приходится встречаться в данной части страны на довольно большом пространстве. Значение этого кустарно-ремесленного очага, следовательно, далеко не ограничивалось пределами небольшой, собственно ботлихской, области и было частично связано с распространением когда-то в оазисах северо-западного нагорного Дагестана виноделием, существовавшим по меньшей мере в районах Ботлихском, Цумадинском, Ахвахском и Кахибском и восходящим к периоду до окончательного укрепления ислама. Добавим, что в сырьевая база для "аула гончаров" имелаась налицо.

---

19 Соль привозится из каратинского селения Нижнее Инхало, недалеко от Ботлиха; это издавна известный центр соле-разработки; соль добывается путем выпаривания.

20 Уложенными вычным способом на лошадей в объемистые, сплетенные из ветвей, сетки.

В "экономическом паспорте района" ²¹, составленном в 1945 г., по разделу полезных ископаемых значится: "около Ботлиха хорошие глины, пригодные для выделки кирпича, черепицы и посуды".

Характеристику производственных элементов жизни ботлихцев необходимо дополнить сведениями о современных промышленных предприятиях, выросших в процессе социалистического строительства на базе, в большинстве уже имевшихся в прошлом, навыков и занятий. Сюда относятся: Леспромхоз (ведущий сплавку леса с верховьев реки Андийское Койсу; сплавляющийся лес вылавливается близ Ботлиха) и Райпромкомбинат (с цехами столярно-мебельным, кожевенным, обувным, бурочным, пошивочным, кирпично-черепичным, лесопильным и лицевым, изготавливающим двери и комплект).

Средства передвижения у ботлихцев не сохранили каких-либо реликтовых форм. В настоящее время широко употребляются автомобили, двухколесные арбы, четырехколесные "фургонь"; используются под уздечку вьюки и лошади. Небольшая территория обитания этого народа, имеющая такой крупный узловый пункт как Ботлих, связана грунтовыми дорогами, идущими во все стороны: на северо-запад (Дыши - Ведено - Шали - Грозный), на юг (в Агвали), на юго-запад (в Карату), на восток (по р. Андийское Койсу на Чиркату и далее на Буйнакск; также на Хунзах).

Поселения ботлихцев в связи с характером местности не имеют вида сильно скученных, расположенных ступенями групп построек, как это наблюдается в более высоких зонах. Общий вид аулов оживлен зеленью садов. Не останавливаясь на описании с. Миарсо, скажем, (в дополнение к сообщенному выше) несколько слов о Ботлихе, — одном из наиболее видных аулов Дагестана. К древностям этого поселения, кроме остатков башен, следует отнести незначительное количество резных камней, находимых в кладке домов. В качестве примера мы можем указать на петрографику, обнаруженную на

---

²¹ Рукопись, принадлежащая районному Совету.

стене дома Магомеда Буратанова ²² в Верхнем квартале (Иъаку рехун), а в его границах — в Хадималиновском квартале (Хадималин рехун) — изображение рогатого животного (по-индигому, козла), крест — хіанч (неравноконечный, типа латинского) и рядом с ним решетка; примитивное изображение, могущее быть трактованным в качестве изображения человеческого лица; фигура так называемого критского лабиринта (Хайбар-кали). Названные изображения в изобилии встречаются в селениях всей аваро-анцо-диндской территории и говорят о целостности той подосновы, на которой формировались отдельные этнические группы. Знак лабиринта связывает эту подоснову с древним Средиземноморьем, а неравноконечный крест безусловно является тут одним из следов христианства.

Памятники старины, так сказать, утопают в многообразии того полихромного и живого облика, каковой являет нам современный Ботлих. Центральная улица этого аула оживлена. Имеется хорошая столовая, солидно оборудованный кинотеатр, электрическое освещение, водопровод. Работают многочисленные районные учреждения. Проезжают грузовые автомашины. Несмотря на значительную удаленность Ботлиха от городов и отсутствие собственно пассажирского сообщения, здесь никогда нельзя пожаловаться на транспортную задержку. Планировка селения запутана и неправильна. Дома большей частью двухэтажные, каменные с плоской крышей. Внизу помещение для скота и хозяйственного инвентаря, сверху — жилище и кладовые. Часто второй этаж имеет по фасаду галерею на столбиках, иногда выходящую на улицу. Жилище обычно делится на несколько комнат. В комнатах имеются окна, деревянный или земляной пол, деревянные нары с постельными принадлежностями; ниши и полки для утвари; иногда — досчатый, передвигающийся амбар (гьянклуш) с дверкой; пристенный (надоминный) камин) очаг с выпуклым дымоходом

---

²² Этот дом считается одним из наиболее старых в Ботлихе.

или железная печь, вместо камня. В редких случаях в комнате можно найти центральный стол с резной подбажкой. Местоположение очага, нар, полок, амбара и крупной мебели утратило устойчивый характер. Из предметов домашней обстановки назовем следующие: большой деревянный ларь для муки и зерна; деревянный ларь меньших размеров для вещей; деревянный диван, низенькая треугольная табуретка, деревянный лоток или корытце для теста, медный, кованный, расширившийся кверху котел для мяса т, наконец, уже упоминавшиеся выше балхарские и чичалинские изделия. Во многих домах есть комнаты, обставленные по-городскому, украшенные коврами и матерчатыми стенными занавесками.

Каждый дом имеет двор. Двор, как таковой, вообще не очень сильно развит. Служебные помещения (амбар, кладовые, сарай, хлев) часто находятся в самом доме. Примечательно, однако, то, что ^игызкүш (в ряде старых образцов этого сооружения) бывает расположен и вне дома, на уровне второго этажа (на каменных стенах, подпорках и подмостках), причем его дверка и дверь в жилое помещение оказываются рядом.

В целом можно сказать, что жилище ботлихцев давно утратило архаические черты, усвоило много элементов городской культуры, в то же время сохранило ряд местных черт, содержится чисто и обладает достаточными удобствами.

В отношении пищи описываемый народ мало чем отличается от своих соседей. Употребляет пресные лепешки, галушки (хинкал), сыр, коровье масло, вяленое и свежее мясо, овощи, картофель, свежие и сушеные фрукты.

Комплекс традиционной ботлихской национальной одежды, во-первых, многие элементы успел уже утратить, во-вторых, в ряде сохранившихся старых элементов не представляет чего-либо специально "ботлихского", примыкая к типу, который можно было бы назвать общеаварским или даже еще шире — "общеджиганским", в-третьих, сохранил один элемент специально ботлихский (мы имеем в виду особый женский головной убор, который называется кIамабал и кIышды, т.е. "до-

гатая чухта").

Кіамабал и кіашда в наши дни носятся только старухами и те не всеми. Еще, примерно, в начале XX века ее употребляли все, включая девочек с семилетнего возраста. Вот как этот головной убор, замечая, что он употребителен лишь в Ботлихе и нескольких окрестных аулах, описывает К.Ф.Ган в 1901 году. "Состоит он из маленькой подушки шириной в 2-3 дюйма, которую кладут поперек головы так, что подушечка выступает надо лбом; к выдающимся с обеих сторон головы рогобразным концам подушки приделаны громадные висящие кольца.

Подушку эту покрывают большим платком, спускающимся на спину. Благодаря этому головному убору голова кажется непомерно большой, что весьма некрасиво". Из приведенного описания явствует, что ботлихский убор кіашда у автора в руках не был, так как характеристика его отражает только внешнее зрительное впечатление, полученное от наблюдения над одеждой "всобще" и издалека, а не путем ее детального непосредственного осмотра. Описание К.Ф.Гана ценно для нас другим. Оно сохранило черту, очевидно впоследствии утраченную. Имеем в виду упоминание о налечии на рогобразных выступах "громадных висящих колец". По-видимому это были такие именно, ныне уже не употребительные в Ботлихе, кольца или обручи из серебра, какие украшают до настоящего времени у тиндальских и багулальских женщин старинный головной убор, другими чертами на ботлихскую "рогатую чухту" не похожий. Кіамабал и кіашда в Ботлихе представляет собой род строченого чепца, туго набитого спереди непряженой шерстью. Набивка образует высокий припухлый корпус с хорошо выраженными углами ("рогами"), поднимающийся поверх лба. Чепец крыт шелком или изрчей и имеет сзади длинную полосу, спускающуюся по спине ниже талии (длина более 1 метра, ширина около 20 см). Внутренняя сторона чепца снабжена подкладкой, в которой проделаны небольшие карманы для хранения иголок, ниток и других мел-

них предметов женского обихода. Поверх этого убора накладывается большой квадратный головной платок клязи, свернутый треугольником, при этом правый конец шали, огибая подбородок, заносится на левое плечо, а левый закладывается вверх. Ареал распространения описанной чухты ограничивается узкими пределами обитания ботлихцев, а в прошлом он захватывал еще небольшие соседние территории, на юго-западе годоберинскую и на юго-востоке каратинскую. Исключительная роль женского головного убора²³, как одного из признаков прежних племенных различий и древности горских обществ (живших замкнутым хозяйством) на примере ботлихского варианта находит хорошее подтверждение. В настоящее время старинная чухта у большинства ботлихских женщин заменена простой головной повязкой или так называемой "кумыкской чухтой"²⁴.

К "общедагестанским" элементам мужской одежды у ботлихцев в основном относятся: а) овчинная шуба-накидка, шерстью внутрь с ложными (суживающимися книзу) рукавами, длиной почти до земли; ее особенно любят носить старики, сидящие на учарах; б) беннет, в наши дни встречающийся сравнительно редко); в) бурна, папаха, кожаная обувь без подошв — предметы, имеющие широкое распространение. У женщин это будет: а) платье в виде широкой (без талии) длинной, туникообразной рубахи, без воротника, с коротким прямым разрезом на груди, прямыми рукавами, ластовицами и боковыми клиньями, дающими расширение книзу; такие платья (из черной, белой или цветной покупной материи) теперь носят, преимущественно, старухи и женщины средних лет; раньше (на памяти старшего поколения) его носили все, а для праздников и свадеб шили из шелка и других ценных тканей; б) шелковое платье в талии с грудным вырезом и серебряным

23 Этот объект материальной культуры имеет у народов Дагестана необычайную множественность местных разновидностей и отличий.

24 Распространенной во многих районах Дагестана и по форме напоминающей узкий мешок.

поясом (имеющего ряд вариантов в отдельных деталях); это одеяние в настоящее время лежит в сундуках, считается платьем невесты и в качестве такового может употребляться на свадьбах; данный тип для всей северной половины Дагестана мы склонны считать модой, занесенной в VIII-XIX в.в. с Кумыкской плоскости и со стороны областей, граничащих с Дагестаном на западе, где сказывалось влияние Кабарды; в) пальвары с очкуром (их штанины имеют суживающуюся книзу форму) — носят большинство женщин; г) чузяки (довольно широко распространенные).

Помимо перечисленных элементов одежды (для каждой из коих была указана степень употребительности в настоящее время), многие мужчины и женщины носят одеяния городского типа; в частности, молодые мужчины — военную форму и вообще вещи военного образца; женщины — чулки, туфли на каблуках, кофты, юбки.

В бытовом отношении ботлихцы не представляются народом, сохранившим много старых черт и пережиточных форм. Среди них имеется значительная прослойка интеллигенции, многие владеют русским языком, жили и работали в городах. Сам Ботлих втянут в круговорот современной жизни, в нем постоянно бывают приезжие, и местное население естественно достигло довольно высокого общего культурного уровня.

Свадебные обряды и обычаи ботлихцев, сохраняющиеся до настоящего времени, в основном сходны с аварскими. Большую роль на свадьбах играют друг жениха и подруга невесты. Девушки со стороны невесты стараются похитить жениха, а парни со стороны жениха — сделать то же с невестой. Если похищение удастся, то ответственность несут эти самые "друг" и "подруга". Его или ее (смотря по тому, кто похищен) привязывают к столбу и заставляют платить выкуп. В упомянутых обычаях, может быть, отражается пережиток группового брака. В свадебных танцах принимают участие не только жених, но и невеста. Этот момент как-то перекликается с рассказами стариков об относительной общественной свободе женщин и девушек в старину, никак не вяжущейся с

порядками ислама. Не считались, например, зазорными совместные игры, среди которых была игра в мяч (kIakIy), во время которой выигравшие вскакивали на плечи проигравшим. В зимние холода взрослые обоих полов грелись в овечьих хлевах и проводили в таких "клубах" время в играх и беседах. Волевого отношения к женщинам мужчины при этом обычно не допускали.

Ряд сведений по старому быту, ныне отошедшему в область исторического прошлого и с этой точки зрения представляющего интерес, находим у А.Т.Васильева. Для заключения брака сторона жениха должна была уплатить калым. Решающее значение играло согласие на брак родителей жениха и невесты. При несогласии родителей невесты парень мог совершить брак уведом без калыма. Он бросал в реку кинжал и гадал: если кинжал отыщется, будет удача, если нет, то удачи не будет. В этом последнем случае молодой человек должен был мстить отцу невесты за отказ, красть скот, вырубать виноградники, иногда совершать убийство.

Существовали особые родильные обряды. К дому, где должен был родиться ребенок, собирались люди (родные и знакомые). Одна из женщин, одетая в лучшую одежду с серебряными украшениями, чертила около дома круг. В центре круга на табуретку с бубном в руках садился старик. Против него, вне круга, садился молодой человек в белом бешмете с тремя заряженными пистолетами за поясом и со струнным музыкальным инструментом в руках. По черте круга становились замужние женщины. При первом крике роженицы одна из женщин бросала вверх кусок красной материи, старик начинал бить палкой в бубен, женщины кричали имя роженицы, а парень стрелял из пистолета. После этого в круг входили лучшие танцовщицы и начинали плясать под звуки бубна, струнного музыкального инструмента и удары в далоши присутствующих. Этим самым заглушался крик роженицы. Одних танцующих сменяли другие. Так происходило до тех пор, пока не рождался ребенок. Тогда в дверях дома появлялась принимающая ребенка и показывала всем новорожденного. Если это был мальчик, стреляли два

раза, если девочка — один раз. Старейшая женщина входила после этого в дом и поздравляла роженицу. Затем происходило пищество. Мужчины угощались отдельно. Лучшие куски посылались роженице.

Сильно развит был обычай гостеприимства. Если гости являлась какая-нибудь вещь, хозяин должен был ее подарить ему. Хорошо принять, угостить и в случае надобности запитать гостя считалось для каждого дома делом чести.

Религия ботлихцев — ислам суннитского толка. Процесс постепенного укоренения ислама продолжался у них долго и окончательно завершился при Шамиле. В ряде сохраняющихся или сохранившихся до недавнего времени обычаев можно усмотреть остатки доисламских верований. Таков, например, ботлихский и вместе с тем общезабарский, а в некоторой степени и "общедатгестанский" весенний праздник первой обрядовой заправки, сопровождавшийся скачками и другими состязаниями. По ботлихскому варианту этого праздника его "хозяином" на будущий год назначался тот, кто в присутствии всех "брал палку с мясом" (оссебуз, ставившуюся на дороге жердь с подвешанным к ней куском мяса). Другим ботлихским обрядовым празднеством считался день начала поливки земли, когда в сады пускали воду из Андийского Койсу. Ряд обрядов применялся при засухе для вызывания дождя. Дети с чуречками шли на кладбище и молились о дожде. Если дождя не было, шли старики. В день моления нельзя было пить молока, если у коровы есть теленок. На перекрестках дорог резали жертвенного барана. Молящиеся держали пост, отдавали старую одежду, отдавали долги и возвращали украденное. В случае неурожая на перекрестках улиц ставили высокие шесты, к которым привязывали куски бараньих шкур. По ночам вокруг этой жерди бегали люди с горящими прутьями в руках и громкими криками умоляли и просили уйти злого духа, виновника неурожая. Остатком культа почитаемых деревьев необходимо считать (принимая во внимание сходные обряды и обычаи, существующие во многих местах Датгестана и Азербайджана) особенное отношение ботлихцев к дереву породы

каркаса бычас инчул и руна, что соответствует значению "божье яблонное дерево". Именно из ветвей этого дерева делаются амулеты от оглаза. Тот, кто хочет изготовить амулет, должен идти в лес, соблюдая полное молчание. В лесу он режет ветку с двойной или тройной развилкой и, ни с кем не заговаривая, молча возвращается домой. Добытый кусочек дерева служит материалом для амулета, сохраняющего форму развилки.

По изобразительному искусству ботлихцев экспедиции не удалось собрать значительных материалов. Надо также напомнить, что резные деревянные вещи они получают большей частью от годоберинцев и жителей Пумадинского района; гравированная медная утварь идет от аварцев селения Ичичали; расписная керамика от лакцев селения Балхар; ковры из Хунзах; серебряные женские украшения применяются сравнительно мало. Пожалуй, наиболее ярко местный ботлихский орнамент проявляется на войлоках с вышивным узором, изготавливаемых женщинами для украшения жилища. Орнамент этих войлоков (крупный и редкий), равно как и техника, сходен с образцами хумьских "арбабашей". В его мотивах встречаются рогообразные завитки, растительные элементы и стилизованные антропоморфные образы.

Ботлихцы имеют фольклор в меньшей степени на своем языке, в большей степени на аварском. Можно сказать вместе с тем, что богатейший фольклор аварцев в основном является и их фольклором. Это особенно относится к песенному творчеству.

Большой интерес ботлихцы проявляют к современной аварской литературе, а также к нашей русской литературе, лучшие произведения которой хорошо знакомы молодежи.

КАРАТИНЫ

Каратины занимают северную часть Ахвахского района Дагестанской АССР и примыкающую к ней южную окраину Ботлихского района. Географически это единая область, расположенная в бассейне правого притока реки Андийское Койсу, "Каратинской реки", которая в своем верхнем течении становится "Ахвахской речкой". Тут имеются следующие каратинские селения:

а) в Ахвахском районе Киклара (Карата) - районный центр; Арчи (Арчо) и в составе того же сельсовета поселок или "хутор" Речаволди (Рачаболда); Анчиль (Анчик); Каа Энхели (Верхнее Инхело) и в составе того же сельсовета поселок Часабкхара (Чабакара) и небольшой хутор Машдайкха (Маштада); селение Рацильи (Рациль) в феврале 1944 г. было переведено в новый район; часть жителей, однако, осталась и присоединена ныне к сельсовету Каа Энхели; селение Тлохитла (Тукита), жители которого говорят на языке близко родственном каратинскому, с февраля 1944 г. было переведено в новый район, но часть населения осталась.

б) в Ботлихском районе Кекхи Энхели (Нижнее Инхело).

Небольшая колония каратинцев селение Речавул Сивух (Сиух) находится в Гумбетовском районе Дагестанской АССР.

Отдельные каратинские хозяйства имеются в Закатальском районе Азербайджанской ССР. Один из моих информаторов показал: "Моя мать жила и умерла в Белоканях, где было восемь каратинских дворов, и сейчас там есть наше племя".

По сведениям, записанным мной в селении Карата, в аварских селениях Имамдинского района Сильди и Гако (в прошлом относившихся к обществу Ункратль, ныне перемещенных в новый район) население было смешанное "из хунзахцев и каратин".

Основная каратинская территория, очень небольшая и с возвышенного места легко обозреваемая, представляет собой довольно приподнятую местность с сильно пересеченным рельефом. Наиболее высоко расположены селения Тукита и

Рапцты; они размещаются на плоских горных массивах. Арчо лежит на крутых склонах живописного холма. Это селение и Чэбакари по высоте местоположения несколько уступают первым двум. Селение Карата занимает возвышенную холмистую котловину ниже Арчо. На плате средней высоты находятся Рачабалла, Мастада, Верхнее Инхело. Селение Агчик располагается ниже других, в котловине у подножья Арчо. Селение Нижнее Инхело¹ — единственное, находящееся в низине у берега реки Андийское Койсу.

Ландшафт почти безлесный. Климат умеренно-холодный. Фруктовые деревья могут культивироваться только в более низких местах (Нижнее и Верхнее Инхело, Агчик, Карата, Чэбакари). Касательно естественных ресурсов следует напомнить о нижнеинхелойских соленосных источниках.

Соседи каратин не где батулалы (селения Тлибшо, Тлиси, Гимерсо) и Ахвахи; на востоке аварцы селений Ингордах и Местерух и далее аварцы Хунзахского района; на севере андийцы (селение Мунн) и Ботлихин; на западе аварцы селения Хелетлери и дальше годоберини.

Каратинские наименования этих соседних народов, а равно и некоторых более удаленных, привожу в таблице этнонимов, записанных мною в селении Карата.

На вопрос о наименовании цезов (дилойцев), хунзалов и лаков информаторы ответить не смогли.

Приведенный в таблице термин гьалой (послуживший в свое время для Н.Я.Марра, наряду с другими соображениями, поводом к сопоставлению слова "аварцы" с именем "албанцы") является в каратинской среде до настоящего времени общеизвестным и употребительным.

---

¹ Название Инхело (Энхели) от слова Энхе — река; отсюда Кенъи Энхели (Нижнее Инхело) соответствует значению "Нижнее Поречье" и Каа Энхели (Верхнее Инхело) — "Верхнее Поречье"; этим, очевидно, именем подчеркивается приречное расположение Нижнего Инхело (не в пример остальным селениям каратин).

Таблица 1.

Наименование народа	На каратинском яз. (мн.ч.)	На каратинском яз. (ед.ч.)
Аварцы	гъалби	гъалбылов
Андий	андерди	андерав
Ботлихы	болъхыди -	болъхыльтъ
Годоберины	гъодоборици	гъдоборильтъ
Ахъахи	ахъвади	ахъвалыльтъ
Багулалы	багвади	багвадиллов
Чаматалы	чамади	чамадиллов
Тинцалы	тлиндерабай	тлиндерав
Хваршины	хъваршиди	хъваршилътъ
Бежитины	бежкъади	бежкъалътъ
Даргинцы	ахъушелди	ахъушелътъ
Кумыки	лъаратлабди	лъаргилътъ

Самоназвание - кIкIирди (мн.ч.), кIкIиртыльтъ (ед.ч.).
Аварцы называют каратинов кIкIалалал.

На вопрос о национальном самоопределении современные люди отвечают так: "Если посторонние нас спросят - какой нации, ответим - аварцы. Если они спросят - откуда, скажем - каратины. На своей же земле друг друга называем по аулам, жители селения Арчо будут арчолътъ и т.д.". Ко всему этому мы слышали от стариков, что каратины - "не отдельный народ" и "не отдельное племя".

Мало изученный каратинский язык относится к андо-пезской подгруппе (аваро-андо-пезской группы) восточной, или дагестанской ветви кавказских яфетидов. Язык делится на ряд говоров по аулам. Местные жители об этом говорят: "У каждого аула у нас свой язык, но главный - в селении Карата".

Из сказанного видно, что ни по национальному самосознанию, ни по языку данный народ не склонен как-то особо

выделять себя или подчеркивать свое единство. В этом факте отражаются, конечно, не только следы новейшего времени (когда культура каратинского народа в условиях социалистического строительства естественно сливается в общее и родственное русло мощной аварской), но и, в двух отношениях, старые черты: незавершенность стадии узкой национальной консолидации, во-первых, и давнее органическое сродство с культурой соседних аварцев, во-вторых. Данные положения, впрочем, в равной мере справедливы и по отношению других малых народов Западного Дагестана.

Численность по данным 1926 года — 5391 чел.

По цифрам районного инспектора ЦСУ Госплана СССР на I/IX—1926 г. имеем:

Таблица 2.

Название сельсовета	Число хозяйств	Число жителей
Карата	534	1617
Арчо	251	752
Анчик	317	1170
Верхнее Инхело	298	1016
Нижнее Инхело ²	138	620
И т о г о :	1538	5175

Надоно указать, что за годы 1944—1945 колебание числа жителей в указанных селениях (сравнительно с цифрой на I/IX—1945 г.) было крайне незначительно, за исключением сел. Верхнее Инхело, где в 1946 г. против цифр двух предыдущих лет население увеличилось более чем на 350 чел. (по-видимому, за счет учета оставшихся жителей сел. Рапциль и др.). До перемещения в новый район, т.е. на I/II—1944 г., в сел. Рапциль значилось 110 хозяйств и 384 жителей, в сел. Тукита — 216 хозяйств и 630 жителей.

² На I/III—1946 года по Ботлихскому району.

Из приведенных данных вытекает, что современная численность каратин (даже не считая аула Слук)³ по сравнению с показателями 1926 г. несколько увеличилась. Возможно, что интенсивность прироста складывалась permanently длящимся процессом ассимиляции аварцами.

Следуя принятому методу рассмотрения вопроса о происхождении и историческом прошлом малознакомых народов Западного Дагестана, обратимся к преданиям и другим устным версиям, собранным нами у каратин.

Прежде всего надлежит указать, что у каратин, как у андиев, наблюдается междугруппная общность родственных групп (тухумов), говорящая о наличии единого компонента, наряду с другими в их этногенезе. Так, некоторые тухумы селения Карата (Шаклибай, Хлеклибай, Бурали и отчасти Авзабай) имеются в селениях Арчо, Рачабодда, Верхнее Инхело, в Гумбетовском ауле Слук и в аварских селениях Сильди и Тако⁴. В этом отношении особняком стоят селения Анчик, Рацитль, Тукета.

Среди населенных пунктов каратин есть основные и производные. К основным относятся — Карата, Арчо, Анчик, Инхело, Рацитль, Тукета (если только жителей Тукеты считать каратинами)⁵.

Селение Карата, имя которого совпадает с самоназванием описываемого народа, представляется с интересующей нас точки зрения пунктом узлового значения. Предание начинается речь со стереотипной фразы: "Сперва было время без законов и религии". Все тогда жили разбросанно, а потом соединились и образовали нынешние аулы. "Карата сперва состояла

³ Сведений о количестве каратин в этом ауле не имеем.

⁴ В сел. Сильди и Тако каратинский тухум Хлеклибай.

⁵ К сожалению, мне не удалось беседовать с жителями сел. Рацитль, а также сел. Анчик; не удалось и побывать в покинутом сел. Тукета. Относительно сел. Тукета в лингвистике нет единого мнения. Язык этого аула то трактуется как отдельный (родственный каратинскому), то как наречие каратинского.

из нескольких поселков. Арчо было отдельным поселком тех же людей. На месте Тукита росли леса. Здешний охотник перешел туда наительство и от него произошли тукитины. Из всех поселков главным был один⁶, расположенный в местности, где позднее основалась Карата в теперешнем понимании этого названия. "В сел. Карата есть большие старинные кладбища без надгробий на могилах. У нас считают, что там погребены люди без веры".

Первичные поселки сел. Карата следующие:

1) Кікілра (Кікілра) — соответствует определенной части современного селения Карата, которое тоже именуется Кікілра; жители относились к тухуму Гьанилтай (что имеет значение нарицательного термина в смысле "сельчане" ⁶ с дальнейшим подразделением тухума на ветви по именам собственным — Буралди, Солди, Хіекхьбай).

2) Бокіохьди — в двух километрах от современного селения Карата; жители относились к тухуму Хіекхьбай.

3) Кьалабди — в двух, трех километрах от современного селения Карата; это место потом ⁷ стало называться Чьадабди, жители относились к тухуму Гіакілбай.

4) Заносди — в четырех километрах от современного сел. Карата; жители относились к тухуму Авзабай.

Таким образом, видно, что первичные поселки были "тухумными", соответствуя разобщенной тогда локализации родственных групп, ныне живущих в сел. Карата.

Особую историю имеет первичный поселок Кікілра, пользовавшийся наиболее значительным удельным весом среди прочих, ибо с ним именно был связан процесс последующего объединения. Предания гласят: "Были постоянные нападения врагов. Тогда даже близкие аулы боялись пускать людей друг к другу. Заносди и Кьалабди оскудели от вражеских нашествий. Бокіохьди еще сохраняли богатство. Чтобы легче обороняться, все они

⁶ От слова "чане" — аул, селение.

⁷ На называемых.

сошлись в Кікіре и устроили здесь одно большое общее селение, называемое Эшхъа". Термин Эшхъа народная этимология определяет в смысле "идем домой", "дома"; поговору арчевцев "идем домой" будет — "лѣ эшхъар", старое выражение, заменяемое теперь словами "лѣ къаѣльлар". Аварцы именovali селение Эшхъа термином Кікіалалал, впоследствии ставшим общим обозначением каратинского народа аварцами, как и указывал это выше. В настоящее время Эшхъа часть селения Карата, се, следовательно, древнейший по происхождению квартал, представляющий собой окраину аула, насчитывающий 30—40 хозяйств и имеющий старое кладбище в несколько раз большее, чем другие. В стратегическом отношении Эшхъа, как пункт, расположенный на обрывах, выше остальных кварталов сел. Карата, безусловно место весьма пригодное для защиты. Поселок, о котором идет речь, обтекался две ближайшие тропы. Он был замкнут двумя парами ворот, сверху и снизу. Постройки стояли дом к дому, так, что, как рассказывают старики "крыша была одна и такая ровная, что можно было на ней играть в мяч". Хотя это и трудно себе представить, но несомненным является то, что характерная скученность и здесь, как и вообще, типичная черта многих дагестанских аулов, базируется на стремлении поместить жилище на сравнительно скудной обороноспособной площадке. В Эшхъа имелись оборонительные башни (шеба). Целая система башен была и вокруг. Они соответствовали четырём главным дорогам к местности; занятой современным селением Карата, и таким образом охраняли внешние подступы: Боклох шеба (в первоначальном поселке Боклохъди) защищала путь с севера со стороны Ботлиха; Шебахшеба защищала путь с запада со стороны каратинских селений Арчо и Анчик и аварских Хелетлори и Алак; КъулкІа шеба защищала путь с востока со стороны аварских селений Мостерух и Хунзах; Шакбакъи шеба защищала путь с юга со стороны жителей сел. Тукига, также ахвахов и аварского общества Гидатль. Башни, от которых сохранились лишь остатки фундамента, были высокие и поместительные. "В одну могло войти 50 человек", — го-

ворят старики. Они были общественной собственностью, частью связанной с отдельными тухумами и тухумскими поселениями. Жители Эшкэ завоевали у египетцев далекое пахотное пастбищное место. Оно до сих пор называется Бах-куле (в смысле "завоеванный хутор"). Женщины ходили туда работать, к обеду возвращались в Эшкэ кормить детей и снова совершали путешествие на Бах-куле, а вечером возвращались обратно. "Такие тогда были сельские люди, — пояснил рассказчик, — Нам бы так ходить по подземам и спускам не хватило дня, а не то, чтобы работать". Предания рассказывают: "Абу-Муслим шейх распространитель ислама приехал из Хунзаха нукаров собирать дань. Их убили в Эшкэ". И еще: "Хунзахский хан прислал к нам сборщиков, но наш Дибирмаев шейх оскорбил их, опрокинув мерку с зерном, и сборщики были убиты. Тогда хан снарядил войско, чтобы нас покорить. Старшины Эшкэ сошлись на совет и придумали, что делать. Женщин они направили на мужскую работу — пахать⁸. Парням велели играть в мяч на указанном месте. Вооруженных мужчин выслали навстречу врагу на Батгасароб". Хунзахцы двинулись на Бах-куле. Работавших женщин, как и рассчитывали старики, они приняли за мужчин и, испугавшись мнимого превосходства сил, повернули обратно. Другие варианты, путая эпохи и события, разноречиво называют имя хунзахского владетеля (Али-хан, Ум^а-хан, Ибрагим-хан, Суракат-хан), определяют эпоху как время, "когда арабы строили Дербент", и повествуют о длительной войне Эшкэ с ханом. Одна из концовок такова: "Лишь небольшое время мы платили дань Хунзаху, но отбили хана и стали вольными". О наличии давней экспансии Хунзаха в отношении Караты свидетельствует и такое показание: "нуцап грозил, что поведет на нас войско, многочисленные, как звезды в небе. Мы ему ответили — звезды скрываются при солнце, мы, все равно нас не покорить". Приведенные данные отражают сторону военных столкновений в истории Караты.

⁸ По другому варианту их переодели в мужскую одежду.

Из других значительных событий следует назвать эпидемию и пожар. По преданиям каратынскую землю некогда охватила заразная болезнь кивва. Люди повально заболели и в тот же день умирали. Особенно пострадало сел. Арчо. Оттуда никого не пускали в Эшха, но зараза все-таки проникла и, как говорят старики, "осталось только 7 хозяйств", но потом население снова выросло.

Так или иначе эти переселения вызывают эпидемии с некоторыми перемещениями людских масс с юга (из опустевших земель, ныне ахважских) на север (в Эшха, Арчо и др.).

Перемещения происходили и в обратном направлении (не связываемые преданиями непременно с периодом эпидемии) — с севера из Эшха на юго-запад — в Сильди, Гако, а также в недалеко расположенное от них Кеди⁹. Причины этих перемещений объясняют так: "Наши пастбищные горы были в Пумадинском районе. Там грабили чеченцы, приходилось держать охрану, поэтому наши люди основались там на жительство".

Таким образом первоначальная целостность тухумных групп и единство их локализации нарушились.

Очерченный нами период Эшха, относящийся к ранней истории Карача, хронологическому определению не поддается.

Событием более поздним, которое местные жители пробуют датировать, является пожар. Он возник на почве мести. Жители Эшха убили тукитинца, единственного сына вдовы. Мать убитого ночью вышла из селения Тукита, незаметно пробралась в Эшха, подожгла дома своих кровных врагов и ушла. Проходя тайным путем, мстительница порвала одежду о колючие кусты и, возвращаясь обратно, села на край отвесной скалы близ Тукиты, как раз напротив загоревшейся ярким огнем Эшха и при свете пожара зашивала рубаху и пела торжествующую песню. "Пожар был так силен, что бараний жир в мечети растопился и потек ручьем до самой речки"¹⁰. Пока-

⁹ Аварское селение, переведенное в 1944 г. в новый район.

¹⁰ Одно из общих мест в аваро-андо-дзевских преданиях, употребляющееся для обозначения богатства захваченного и по-
(см. продолжение)

зывают место, где начался пожар. Селение выгорело до тла "и вот после этого, единогласно подчеркивают наши рассказчики, "люди перешли в Карату", т.е. заняли основное место современного аула, вследствие чего селение Эшхъа перестало быть центром, оскудело и превратилось в небольшой квартал на окраине Караты. Событие это, по вычислениям стариков, произошло около 300 лет тому назад.

Пожары в горных аулах Дагестана раньше были нередки. Сел. Эшхъа, перед тем как окончательно выгореть, горело, по рассказам, два раза. В других аулах тоже случались пожары, оставлявшие по себе длительную память. Легкость возникновения пожаров объясняется: а) сученистостью планировки аулов (в прежних поселках-крепостях, оказывавшейся много сильнее, чем в современных селениях); б) значительным наличием древесного (большей частью осинового) материала во внутренних и внешних частях построек (что было связано с лесистостью местностей^{II} и с конструктивной особенностью старинных зданий¹²; в) трудностью доставки воды для тушения огня (при условиях преобладающего расположения селения не у берега реки, а выше, на стратегически удобном месте, вследствие чего вода бралась из небольших родников, подчас отдаленных).

Если считаться с приведенной выше датировкой пожара сел. Эшхъа, то новый период аула, собственно Караты, своим началом будет восходить приблизительно к середине ХУ в.

Наши непосредственные наблюдения не обнаружили в сел. Карата следов башен. Однако было указано место Шабельерльа (этот термин имеет значение "под башнями"), из чего можно вывести заключение, что башни существовали.

(продолж.)

дожженного селения; в данном случае — запасы жира в мечети суть общественное достояние, служившее для освещения мечети жировыми светильниками, а также использовавшееся для праздничных угощений.

II Впоследствии эти леса были вырублены.

12 Особенность конструкции сохранилась большей частью только в самых старых домах.

В памяти стариков хранятся события первой половины XIX в. Героем рассказов является некто Малла из крупнейшего каратинского тухума Птакибай. Это был богатый и сильный человек, имевший семь сыновей. Он (по рассказам Галбаца Дибора Шамсудянова ¹³) собирал дань с аулов каратинских, хиватских, с Ботлиха и со всей земли до Тинды и багуламов; его называли Кихирдал хан ¹⁴ и он состоял в дружбе с ханом Хунзах и был против имама Шамиля; тогда Маллу и его сыновей убили мой дед Галбац и Халид, оба из того же тухума Птакибай; жен велели бросить в реку и пригласили в Карату Шамиля; произошло это вот как: мой дед Галбац был джигитом в Анди. Когда имам покорил аидыцев, он совещался с ними, и дед мой посоветовал Шамилю то же сделать в Карате. Тогда то и был убит Малла".

Другой информатор, Расул Курмагомедов ¹⁵ рассказал следующее: "Малла был в Карате первый человек, старшина. Его слушались все каратинские селения и соседние аварские, считая выборным старшим над собой. Ежегодно или раз в три года Малла собирал представителей селений в Арчо, как в среднем месте, и здесь выносились общие постановления. Люди боялись его. На собрании человек из аварского селения Алах молчал. Малла спросил его: "Что же ты молчишь, разве всем дозволен?" Алахец ответил: "Не хочу быть ни выше, ни ниже других, потому и молчу". При Малле был установлен договор с Ибрагим ханом хунзахским, чтобы тот не приходил на землю Караты. Но случилось, что хан появился все-таки на наших горах близ Кеди. При хане было войско. Хана увидели в Сильде. В ответ на вопрос — зачем ты нарушаешь условие, хан сказал — я слез с коня у воды, чтобы помолиться. С целью заверить людей в своих добрых намерениях он устроил состязания в стрельбе с участием своих и наших,

---

¹³ Старик 87 лет.

¹⁴ Т.е. "каратинский хан".

¹⁵ Старик 75-ти лет.

поставив в качестве приза быка. Малла дал зарок развестись с женой, если бык не будет получен Каратой, и научил наших не сразу обнаруживать уменье, а предварительно раззадорить хунзахцев. В состязании победила Карата. Хан подарил нам быка и удалился. В старости Малла ослеп и столетним стариком лежал на кровати. У него был сын Турач-Али, которого тоже все боялись. В Карате жил тогда человек по имени Чинчара. В одну из дочерей этого Чинчара влюбился Турач-Али, похитил девушку и держал ее в Туките. Однажды ишак Чинчара шёл на мельницу. Турач Али стёгнул муку, отпустил ишаков. Чинчара и его родственники решили убить обидчика, но не могли напасть открыто. Он заснул в кутину в купальне при мечети. Те подкрались, и один из них, Халид, нанес спящему удар кинжалом в живот. Раненый Турач Али допьялся, дважды ударил покутавшегося кинжалом, но Халид остался невредимым, потому что под одеждой имел вольчугу. Турач Али умер от раны. После этого истязатели убили слепого Маллу. Трое детей Турач Али были ими заперты в доме. Пленники пытались вылезти через дымоход. Тогда про них сказали — все равно из волчат вырастут волеи, и лишили детей жизни". Рассказывавший все это Расул Нурмагомедов считает себя и еще 6-7 человек единственными в настоящее время потомками Маллы¹⁶ (особая ветвь Маллабай, входящая в состав тухума Пакибай). Рассказчик дал ряд пояснений. Чинчара принадлежал к тухуму Пакибай; Халид был его однотухумцем; потомки Чинчара по мужской линии вымерли; Галбац Дибир Шамсудинов (сообщивший первую версию предания о Малле) — сын дочери Чинчара. Его дядя Галбац был наибом Шамиля, назначенным в Карату по рекомендации Халида; Маллу убил Халид, а Галбац — дед, был может быть только сообщником. Дата убийства Маллы по родословным исчислениям относится к тридцатым годам XIX века.

Приведенные рассказы как бы дополняют друг друга. Вер-

---

¹⁶ Себя он числит четвертым поколением от Маллы.

сия Галбэца Дибэра Шамсудинова оттеняет "внешне политическую" ситуацию, версия Расула Нурмагомедова в большей степени "внутренне каратинскую". Бражда и убийство разыгрались в пределах одного тухума. Мамла не хан, а тухумный старшина, распространявший влияние на целый участок, противник режима Шамиля.

Карата, в свое очередь, стала одним из опорных пунктов Шамиля. Жители до сих пор вспоминают, что здесь был артиллерийский склад, устроенный Шамилем. Они также показывают надгробный памятник на могиле, где был погребен сын Шамиля Джамал-Эддин. Показывают и дом, где жил Шамиль и члены его семьи. Другой дом, построенный, как говорят, для себя Шамилем, он, по преданиям, сжег перед уходом в Тулюб от преследования Барятинского. В сел. Карата находился стан имама. У Козубского¹⁷ приводятся аналогичные сведения относительно существования здесь при Шамиле артиллерийского склада и того, что в Карате жил, умер и погребен Джамал Эддин. Вместе с тем в сел. Карата была резиденция наследника Шамиля Кази-Магомы. Барятинский вступил сюда 8-го августа 1859 года.

Паряду с друзьями у Шамиля в сел. Карата были зрители из родственнических людей, подвергнутых имамом репрессии.

Теперь перенесемся в сел. Арчо, прекрасно видное из Караты (отстоящее отсюда в 3-4 км) и прежде всего обращающее на себя внимание стратегически выгодным, с точки зрения прошлой истории, расположением. Арчоэвцы — это уже другая группа описываемого народа. Между ними и жителями сел. Карата существует взаимные противопоставления и различия в говорах. Вместе с тем, наличие и родственность. Один из ее показателей — предание, гласящее о том, что после эпидемии "в Арчо осталось 7 хозяйств" и что тогда многие перешли сюда на жительство из сел. Карата и смешались с ар-

¹⁷ Козубский Б. Памятная книжка Дагестанской области. Төмөр-Хан-Шура. 1905. См. слово "Карата" в списке населенных мест Каратинского наместничества Андийского округа.

чоэвидами. По распространенному мнению до эпидемии Арчо было самым крупным поселением каратинской земли и вместе с тем одним из наиболее старинных в Дагестане, стоящим в одном ряду с аварскими аулами Тануси и Аргъани. В отличие от сел. Карата этот аул предание считает расположенным издавна там, где он находится ныне, не выявляя картины предыдущей расчлененности на отдельные поселки в окрестностях. В сел. Арчо имелись общественные оборонительные башни. Остатки последней были разобраны года три тому назад. Старейшая часть аула — Верхний квартал, расположенный на скалах и склонах. Некогда вход в этот квартал замыкали ворота. Здесь жили, по рассказам, "семь братьев", которые как водится "командовали аулом и районом". При Шамиле их род был истреблен. В эпоху Шамиля сел. Арчо входило в число опорных пунктов имама в Западном Дагестане. На кладбище показывают могилу наиса Шамиля Нур Магомы арчоевского из тухума Ханзала, каковой до сего времени считается самым "авторитетным".

Недалеко от селений Арчо и Анчик расположен поселок Рачаболда, входящий в арчоевский сельсовет. С именем названного поселка связано происхождение каратинской колонии в Гумбетовском районе, о чем и в имеющейся литературе есть кое-какие скудные сведения (говорящие о местных рассказах относительно основания каратинцами в первой половине XVIII в. при одном из походов на Гумбет аула Сиух). Приведем данные, записанные нами в селениях Арчо и Карата, в удобствах изложения именуя переселенцев "сиухцами". Первоначальное местожительство сиухцев было в местности Мугъи, там, где теперь поселок Рачаболда и его окрестности, близ сел. Анчик. Эти люди были богатые и воинственные и издавались постоянно над соседями. Они имели хорошие военные укрепления. Тогда арчики, рацители и пхелойцы¹⁸ устроили

¹⁸ Т.е. каратины, населяющие аулы Анчик, Рацитель, Верхнее Инхело.

заговор. Изрядили женщину в медвежью шкуру и велели ей из-
дали показаться "сиухрам". Те подумали, что это настоящий
медведь и погнались за ним. Сожигники немедленно вошли в
опустевший "сиухский" аул и, воспользовавшись отсутствием
мужчин, сожгли его ¹⁹. После этого события "сиухрам" при-
шлось покинуть свою землю и переселиться в Гумбет, где они
основали Рачавул Сивухъ. Небольшое количество их осталось.
Потомки оставшихся населяют современный поселок Рачаболда.
Сходный вариант повествует: "Эти люди были грабителями.
Окружающему народу они надоели. Одна женщина, одна кото-
рой они убили, собрала отряд мужчин, сделала медвежью шкуру и
подошла к табуку ишаков, который принадлежал им. Пастух
испугался и поднял тревогу. Ихние люди бросились за мнимым
медведем, а наш отряд занял аул. Им было объявлено: ухо-
дите или убьем вас. Они ушли в Гумбет" (Запись в сел. Ка-
рата).

Еще два варианта:

"Около поселка Рачаболда было место, где жили кара-
тины. Оно называлось Рачавул Сивухъ. Теперь так именно
называется каратинское селение в Гумбетовском районе. На
том месте, в двух километрах от Рачаболда, где находятся
колхозные пастбища и посевы, можно видеть остатки стен.
Там же была башня (по-каратински "шеба", по-аварски "си").
Потому их аул и называли Рачавул Сивухъ, так как слово
Сивухъ имеет значение "около башни". Эти люди заграждали
старинную дорогу, ведущую из Ботлиха на Карату и дальше
через Рачаболда в теперешний Кахибский район. Они грабили.
Всем окружающим селениям это надоело и потому их аул разо-
рился. Они переселились в Гумбетовский район. Вот десять веков
назад один человек из Арча пошел через Рачавул Сивухъ
и остановился у кунака. Когда он надвигался дальше, то по
дорожке был убит. Пастух его заметил, взял убитого кавказца;

¹⁹ Мотив об обмане при помощи шкуры медведя — один из
"общих мест" в преданиях о междоусильных войнах у наро-
дов аваро-андо-лидийской группы.

был суд. Оказалось, что убил сын кунака". (Записано в сел. Карата).

"Жители сел. Рачаболда не давали сообщаться каратинским людям с Ботлихом. Это было давно, еще до пожара в сел. Зэкхя. Муслам окончательно не укрепились, некоторые были неверными²⁰. Тогда мы напали на их аул, сожгли его, а самих прогнали. Они ушли в Гумбет. Остатки этих людей принадлежат рачаболдинцам и анчикум. Здесь их называли рачвалди. Переселившихся называют рачвал оивуди, а селенье — Рачвал Силухь (записано в сел. Карата).

Таковы предания о "сиуцах", отлитывшиеся, как видно, от лагунских упоминаний в литературе о каратинской колонии в Гумбете. На основании приведенных преданий дату образования каратинского Слуха в Гумбетовском районе я полагаю возможным отодвинуть не крайней мере к середине XVII в., а может быть еще дальше. Мне представляется также, что "сиуцы", армояны и арменцы в прошлом представляли собой как бы одну группу, выделывшуюся в результате внутренних противоречий в колонии Гумбет. Эта группа вместе с тем обладала и более широкой каратинской общностью, ибо есть показание, что среди ушедших в Гумбет многие относились к тухуму Хакыбай, имевшемуся в ряде каратинских аулов и в том числе в самом сел. Карата. Выбор места колонии очевидно зависал из давних связей каратинских земель с гумбетовскими (здесь настоящие каратинцы были в Гумбете). После основания в Гумбетовском районе Слуха, оттуда в небольшом количестве имели место обратные движения каратин. В сел. Карата, например, мне случалось встречать людей, считавших себя родом из Гумбета.

Наиболее новые каратинские поселки, Чабакъяри и Маштади. Они возникли из селения Верхнее Иыхало в шамилевскую эпоху, вследствие репрессий, произведенных имамом. Рассказывают так: "Раньше на этих местах были посевы. Когда Ша-

²⁰ По преданиям позже других приняли ислам жители сел. Анчик.

милль разотгвал непокорных инхелойцев, они ушли, и те, у кого поля были на той стороне, образовали Чабакъари, а у кого на этой — Маштади”.

Помимо мирных и враждебных взаимоотношений (между своими аулами) и внешних (связанных с соседями аварцами, ботлихцами, ахвахами, багулалами и другими), каратини (как указывалось выше) противодействовали притязаниям феодального Дунзаха. Из более отдаленных предприятий они вели походы в Грузию, захватывая там пленник и добычу.

Интересным бытовым штрихом из области взаимоотношений с другими нагорными обществами Дагестана, являясь обычай устраивать общественные соревнования, в которых могли принимать участие и женщины. Удача в соревнованиях укрепляла престиж победившей стороны. В сел. Карата мною был записан рассказ, который позволю себе привести.

“Это случилось уже после Шамиля. Одна вдова по имени Парадя Хайжа из тухума Итатибай шла вниз на мельницу. Настук Нур-Магома из ее же тухума стал к ней приставать. Она ударила его о землю. Через пять дней из Тидятили прибыл борец Али и вызвал каратини на состязание. Все просили, чтобы с ним боролся Нур Магома, считавшийся очень сильным, но он указал на Хайжу, которая его осилила. Хайжа согласилась участвовать в состязании. Она натерла руки маслом. Выходя на борьбу, кричала “ума”, как корова, а Али — “бау”, как бык. Началась борьба. Хайжа повалила тидятинца на землю и поставила ему ногу на голову. Весь аул ее благодарили”.

Приведенные исторические предания и прочие сведения, несмотря на их скудость и отрывочность, в известной мере вскрывают давно ушедшую бытовую сторону жизни и образуют характерные черты каратинского прошлого — вольного общества, временно терпевшего зависимость от аварского хана, а до того, по сведениям ширванца Мухаммеда Раби (памятник начала XVII в.) — от шамхала Казикумукского. Это общество управлялось самостоятельно и внутри себя имело уже какие-то зачатки феодализации. Этот процесс был прерван

политикой Шамиля. После Шамиля, история каратинского народа входит в общее для горских народов Дагестана русло, не требующее обособленной характеристики.

О своем происхождении каратины говорят мало. Мне удалось записать в сел. Карата мнение, что предки каратин пришли на нынешние места обитания "из Арабистана, Стамбула, Акуши, Пудакхара". Первые два термина относятся к обычной в городах Северного и Западного Дагестана мусульманской традиции и к следам арабской экспансии (в Карате говорят — "арабы дошли только до гидатинской реки" ²¹); вторые два отображают дергивский компонент в этногенезе малых народов Западного Дагестана, который еще выступит перед нами при описании других народов данной группы и на котором мы остановимся там.

Другое, записанное тоже в сел. Карата показание, гласит: "Здесь были арабы, монголы, грузины" ²². Об "арабах" было уже сказано. Возможность проникновения монгольских элементов подкрепляется некоторыми легендами андиев (северных соседей каратин). В виде общего положения можно сказать, во-первых, что каратины, как жители Ахвахского района Дагестанской АССР в большей степени здесь древние абхазы, нежели ахвахи, и, во-вторых, что их этническая целостность сравнительно мало затронута процессами скрепления. Причина этого — географическое положение каратинской территории, находившейся в стороне от больших путей.

Главное занятие каратин животноводство в соединении с полеводством, одно связано с другим: навоз необходим для полей, а урожай важный фактор для содержания скота. Система животноводства пастбищно-пастушеская. Преобладающий вид скота — овцы. До настоящего времени основной специали-

²¹ Т.е. до пункта в расстоянии одного дневного перехода от сел. Карата; весьма вероятное проникновение арабов до ущелья Гидатли надо представлять себе со стороны Хунзах; каратинские земли остаются в стороне, впрочем, по соседству.

²² "Грузинами" в исторических преданиях Дагестана называли вообще христиан (ред.).

зацией Ахвахского района (и в том числе земель каратин) является овцеводство. В настоящих условиях ощущается недостаток. Поэтому до Октябрьской революции жители прибегали к использованию зимних или весенних (в последнем случае всего на два месяца) пастбищ в Батлихском и Тумбетовском районах или на плоскости (аренда, покупка) и летних в Цунтинском районе. Это обстоятельство накладывало ограничение на возможность развития поголовья. Поголовье держалось приблизительно на одном уровне. По старой хозяйственной традиции овцы разводились преимущественно для получения мяса и шерсти и для обмена с чеченцами на хлеб. Овец не принято было доить и брынзу раньше делали очень мало. Объясняют это так: "Если овцу доить, ягнята будут худые и матка похудеет. Худой же скот на наших пастбищах гибнет. Да и овец у нас было не так много". После Октябрьской революции потребность в зимних пастбищах была удовлетворена отводом кутанов на плоскости (в Хаса-Юртовском и Баба-Юртовском районах). Скот пребывает на летних пастбищах со второй половины мая до сентября; в середине сентября или в начале октября он находится в аулах, а затем перегоняется на кутаны до самой весны. Боря район в целом, можно сказать, что овцеводство в каратинском участке имеет немного меньше удельный вес, чем в ахвахском (где богаче летние пастбища и частично в самом районе есть зимние).

Полеводство имеет очень важное значение. По отзывам стариков оно являлось издавна основной отраслью хозяйства. В некоторых местах применяется террасовая разработка пахотных участков. Не менее трех раз в год поля унаваживаются. Возделывают пшеницу, ячмень, кукурузу ²³, черный горох ²⁴, овес, лен-кудряш и, в последние десятилетия, картофель.

²³ Кукуруза — новая культура, в настоящее время имеет большое распространение.

²⁴ По-аварски — чеглер гыло, по-каратински — хіале, по-ахвахски — гьале.

Вводятся озимые посевы. Главным пахотным орудием и в настоящее время является заварный "пурух", с "ушами" на паше. "Уши" служат для выдергивания сорняков, разрыхления комьев, разравнивания засыпаных зерен и покрыванием их слоем земли, выполняя таким образом и функции бороны. Пахут мужчины, женщины идут сзади и дополнительно разбивают комьями земли. Боронования или таковых не применяется. По старому обычаю засев производился ручным способом по не-вспаханной земле, а затем уже делали высежку. В настоящее время колхоз практикует двухразовую высежку — до и после посева. Севооборот не применяется во недостатку земли. Мнут при помощи серпа горбуей, молотят деревянными досками с кремешками. По старым обычаям мужской работой считалось пахота, покос, сжигание, обмолот; женский — прополка, жатва, доставка снопов в поле, обмола, очистка зерен. При современных колхозных порядках такое разграничение, конечно, стирается. Садоводство не имеет большого значения. Оно есть в селениях Карата, Ачик, Верхнее и Нижнее Инхале, Рачаболда, Арчо. Кое-где имеются искусственные орошение — особенно в сел. Карата. В садах произрастают яблоки, груши, абрикосы, персики, виноград. После Октябрьской революции эта отрасль хозяйства значительно расширилась.

Из трех лучших колхозов района два принадлежат каратинцам: на первом месте колхоз сел. Анзик, на третьем месте колхоз сел. Карата. Их направление — животноводческо-полеводческое. По словам стариков раньше людям своего хлеба не хватало, приходилось добывать его в Чечне и в других местах. Существовали охотские промыслы. Охота, как занятие, большого развития не имела.

Национально каратинским, если можно так выразиться, производством является женское шерстяное ткачество — изготовление для домашних надобностей и на продажу особых, очень тонких, высоких по качеству, белых и черных тканей (сутур), широко известных на Кавказе под наименованием "каратинских сукон". Этим делом до настоящего времени занимаются многие каратинцы. В районном центре существует

ная соответствующий орган промышленной кооперации, распределяющий по аулам заказы на изготовление для ткачих, работающих у себя дома и таким образом изготавливающих сукна для себя. Лучшим материалом для сукна²⁵ считается осенняя шерсть, сбитая не стрижкой, а выдлиныванием. По этому поводу здесь говорят: "Анцхейм стрижим, а мы цинали"²⁶. Выдлинывали длинную лучшую шерсть, и овцы не оставались голыми. На циналой шерсти получался такой тонкий сукна, что его можно было пропустить через кольцо. Техника пряжи и ткачества та же, что и у весенней. Следует лишь отметить, что при ткачестве сукна каратенки продолжают уток деревянным орудием вроде ножа, а при ткачестве паласа (грубая ткань для мешков и подстилок) — трезином. На одном из рассмотренных мною станков (он стоял на скамье) превосходная белая ткань имела 70 см ширины и 6 метров длины. Это был кусок, как говорится, "на одну череску". По словам стариков, вследствие неравномерности толщины овец и значительного употребления для одежды овцы в старину сукна делали меньше и они были хуже по качеству. Расширилось это производство с середины XIX века. Оно постепенно подобрало товарное значение. Местные жители, не довольствуясь собственной шерстью, стали ее приобретать и возмещать на стороне. Каратенские сукна распространились. Их стали продавать не только на окрестных базарах, но и вывозить. Спекулянты собирали годовые куски по аулам и ездили с ними в Тифлис, Телав, Цемаху и Шушу.

Бурки каратенскими жителями в массе не производятся. Войлок изготавливают для домашней надобности в очень незначительном количестве. При кяхкоре сел. Анцхи организован фабрично-кожевенный завод.

Из других производств существуют в небольшом разма-
ре деревообработка (изготовление долбленных кадок, мерок и дру-

25 Выдлинывание овечьей шерсти практиковалось также у аварцев в Кяхибском, Тляртинском и Чародинском районах.

26 Раньше шерсть сжимали только осенью; теперь в колхозах стригут два раза в год.

гой утвари), а также обработка кожи.

По рассказам стариков, раньше будто-бы существовало гончарство, а также изготовление деревянных водоносных сосудов. Никаких более конкретных данных по этому поводу не получено. В настоящее время глиняная утварь доставляется из лезгинского селения Балхар, а медная из аварского селения Гопатля и в небольшом количестве из сел. Кубачи (медные литые котлы).

Ремесленничество существовало во многих местах. Изготавливались серпы, браслеты, перстни, женские пояса и др. Сейчас сарабрики есть только в сел. Карата.

Средства передвижения в значительной мере современные: автомобиль ²⁷, четырехколесный фургон, нормальная арба. Из старых — вышки (с использованием лошади или вшака) и сани волокуши (впрочем, встречающиеся весьма редко). Старинная арба со сплошными колесами не сохранилась.

Дорожные магистрали широкого значения каратинскую землю не прорезали. Основная старая тропа для внешних сношений шла из Ботлиха в Карату и далее по ахвахской территории через перевал в бассейн р. Аварское Койсу во владениях Гидатля.

Аулы каратинцев по планировке и внешнему виду не единообразны. Пример ступенчатого скученного расположения дает сел. Арчо, особенно его верхняя старая часть. Сел. Карата, наоборот, отличается разбросанным планом.

Старинных построек мы не обнаружили. Архитектура напоминает тот же современный Ботлих. Наряду с каменными зданиями встречаются ровные саманные, хорошо выбеленные. На плоских крышах виднеются обмазанные глиной трубы в виде небольших башенок с боковыми отверстиями. Дома бывают одноэтажные и двухэтажные. В последнем случае низ занимают хлев и частично жилые помещения, верх — исключительно жилье. По фасаду одноэтажного дома обычно идет навес на

²⁷ В настоящее время автомобильное сообщение имеется между сел. Ботлих и сел. Карата.

деревянных столбах. Двухэтажный дом имеет по фасаду галерею, нависающую над нижним этажом и держашуюся на консолях или на сложенных из камня четырехгранных столбах.

В местной архитектуре иногда применяются арки (снаружи домов для поддержки галерей; внутри — для опоры перекрытия в жилых помещениях и хлевах). Строительные работы не раз приходилось наблюдать. Арки сооружают на деревянных кружалах, стены кладут на простом земляном растворе.

В сел. Карата более старый вид жилых построек имеет оригинальные черты. Перед нами одноэтажный каменный выбеленный дом. Снаружи по фасаду обычный навес — галерея. Пол этой галереи представляет собой как бы ступеньку, возвышающуюся над уровнем земли и имеющую по вертикальной грани небольшие дыры — окна подземного хлева. На галерею выходят окна, дверь в жилье и дверь в хлев (бекье). Вступая в дверь, ведущую в хлев, вы опускаетесь по лестнице в подземелье, скудно освещенное упомянутыми отверстиями. Подземелье довольно просторное в одну или две камеры с подпирыми каменными столбами и арками. Хлев соединяется с сеновалом (арчо), выходящим большей частью на задь дома и являющийся здесь уже не подземельем, а полуподземным полуоткрытым навесом.

Жилое помещение разделено на несколько комнат. Основная комната (миса) ²⁸ с очагом, внутренним амбаром и хозяйственной утварью. Здесь земляной пол, нормальные окна и дощатый или из жердей потолок с поперечными балками и средним подпирым деревянным столбом. Охарактеризуем одну из осмотренных нами типичных комнат (миса) по материалам сел. Карата. Стены внутри выбелены. Сторона, имеющая входную дверь, снабжена двумя окнами и между ними очаг — камин с дымоходом. Близ камина висит лъерца (деревянный лоток для теста) росписью наружу ²⁹ и поставец для ложек со встав-

²⁸ Миса — дом, жилая комната, жилище.

²⁹ Растительный орнамент на нижней внешней поверхности этого предмета, выполненный цветными красками.

ным зеркальцем. У противоположной стены расположен деревянный "амбар" гьеркiкiвашо и рядом с ним дверь в кладовую (кьоре). По низу "амбара" идет ступенька, на которой стоят небольшие сундуки и медные кувшины. Над дверкой "амбара" висят большие медные тазы с зерном. Вдоль левой стены две деревянные кровати с постельными принадлежностями. Над кроватями на стенах висят шерстяные баласы. У правой стены полка с медкой утварью. На центральном подпорном столбе висят клубки с шерстью, бурка, одежда; на главной потолочной балке на гвоздях виснут медные кувшины и дуршлаг. Под потолком на горизонтальной перекладине подвешены бараньи курдюки. В комнате много деревянных резных мерок для муки (двух обычных типов — "с ушком" и "с ручкой"), детская люлька.

Среди других комнат в доме обычно бывает парадная комната (таблан) с городской обстановкой.

Двор, как таковой, не разлит. Перед домом часто имеется небольшой огород или площадка, засеянная кукурузой, иногда пшени (гвинце). На террасе иногда ульи (расположенные горизонтально, дощечки из кругляка колоды). Около дома под навесом изредка можно видеть печь (вернее, глинобитную плиту, обычного в Аварии типа) — коре, служащую для покаривания зерна и выпечки лепешек. Коре принадлежит обычно отдельному хозяину, но широко используется соседними женщинами. Рядом с печью деревянная кадка (дощечная колода) с водой для заливания угля. Если в самом доме нет помещения для скота и хранения сена, близ него может иметься небольшой отдельный хлев и полукрытый навес — сеновал. В ряде случаев сеновале ставятся вдали от жилья, в особой части аула. Это особенно практиковалось в старину, как говорят, во избежание пожаров. Вне стен дома бывают и гьерккывашо (амбар), в этом случае он вплотную примкнут к дому; в стене коага сделан соответствующий прорез, так что дверка амбара непосредственно открывается в жилую комнату.

Приведенные данные показывают, что постройки и жили-

ше каратин представляют собой в настоящее время значительно нивелированный "кагестанский" тип, в котором местные особенности, чем-либо впечатительные, почти не выделяются. Между тем на памяти стариков, т.е. лет 20 тому назад, существовали еще однокамерные большие дома с центральным открытым очагом и висящей над ним железной цепью для котла.

Пища каратин состоит из молочных, мясных и растительных продуктов, без резкого преобладания чего-либо из этого. Из муки (иногда с примесью молотого черного гороха), готовят пресные тонкие лепешки (кэчлү), толстые чуреки (тэне), удобные для пути; хинкал (род галушек), блины с творожной начинкой, кашу. Употребляют также картофель и овощи. Мясо преимущественно баранина, свежее и вяленое. Свежее мясо обычно варят. Масло сбивают из цельного отстоявшегося молока, не выделяя слоя сметаны³⁰. В качестве маслосек употребляются глиняные кувшины из сел.Балхар. Распространено приготовление коровьего сыра и реже — овечьего. Из хмельных напитков готовят бузу и самогон. Лаконными кушаньями считаются урбеч (род мучной халвы) и мед, которого в каратинских аулах довольно много. При посещении сел. Арчо нам был подан быстро приготовленный завтрак, состоявший из ячичицы, брынзы, блинов с творожной начинкой, пшеничных лепешек и чая. Про пищевой режим старики говорят: "Питались мы хорошо, сытно, зато одевались плохо".

О старинной национальной одежде сохранились очень интересные воспоминания. В эпоху до Шамиля, как рассказывают, многие мужчины, женщины и дети носили одежду, сшитую из овечьих шкур, шерстью внутрь и одевавшуюся прямо на тело. Однако, если самый факт, неоднократно подтвержденный и проверенный перекрестными вопросами, можно считать установленным, то вопросы о форме и составе, употреблении и из-

---

³⁰ У кого было много коров, те сбивали масло из сметаны.

готовлении кожаных одеяний во многом остаются неясными. У женщин это было овчинное платье-рубаша, носившее наименование "боке", по покрою якобы сходное с современным туникообразным платьем "горди". Шальвар женщины тогда не носили³¹. У мужчин кожаная одежда состояла из штанов и, по весьма неопределенному указанию, овчинной короткой куртки.

К прошлым воспоминаниям относятся также сведения о женском шерстяном платье "горди" (того же, как и теперь, покроя, т.е. в виде широкой, длинной туникообразной рубашки, подпоясываемой шерстяным поясом рачвал) и шерстяных шальварах. Шальвары старого типа, в отличие от современных (узких и прямых как брюки), были очень широкими. В то время носили головной убор "чухду" такого же типа, как в Анди и Ботлихе³². Горди и шальвары делались также из привозных тканей, в числе которых называют "бязь", "чалыри", "испаган". Повзрех "чухду" одевалось головное покрывало класе (шал или какой-нибудь ~~привозной~~ привозной материал). Старинная, вышедшая из употребления женская обувь — кожаные, лишенные задников, туфли на каблучках и шерстяные вязанные сапоги. Шуб женщины не носили (может быть, вследствие того, что носили овчинное платье "боке"). У женщин существовал обычай, известный в некоторых аварских районах, смазывать одежду смесью бараньего жира и сажей, как говорят, "для того, чтобы горди дольше носилось". С этой целью было принято вытирать руки, после принятия пищи, о платье. Набор серебряных украшений ограничивался серьгами, браслетами, кольцами.

Современная одежда каратянской женщины: платье-рубаша (горди) черное, белое или цветное из покупной ткани. В редких случаях оно подпоясывается матерчатым кушаком (как

31. Весьма интересно, что это сведение подтверждается и дневником Руновского — запись со слов Шамиля о том, что общества Каламал, т.е. каратинцы, этой части одежды не употребляли.

32. Сведения об этом уборе см. в статьях "Андейли" и "Ботлихи".

"старая мода", эта традиция встречается, например, в сел. Анчик). Из-под платья видны внизу узкие прямые штанины шальвары. На голове простая мешкообразная чухта (чухду) и шаль (кIазе) или что-нибудь одно, или просто небольшой платочек (явдуз), заменяющий "чухду". На ногах кожаные туфли или войлочные сандалии (таххила) или более высокая кожаная обувь с коротким голенищем. Наряду с этим местным одеянием женщины носят юбки, кофточки, городские платья, фабричные чулки и городскую обувь.

Из мужской одежды старой традиции утраченными до настоящего времени остаются овчинные шубы-накидки, двух, распространенных в Дагестане фасонов — с длинными ложными рукавами, и с вышечной пелериной мехом наружу, папахи, бурки (покупаемые у андиев), местного изготовления обувь (тоже типа, что у женщин). Одежда типа черкески (тегала) встречается очень редко. Большинство мужчин носит гимнастерки, куртки, френчи, пиджаки, ватники, фубайки, одежду военного образца и т.п.

Одна из деталей местных вкусов: для молодого человека считалось красивым иметь красную шею; поэтому парни, которые хотели пощеголять, перед выходом на улицу натирали себе шею сунгус.

Из сделанного просмотра видно, что национальная одежда каратин в основном примыкает к традиционному "общедагестанскому" виду. Оригинальные в ее старом составе черты — "чухду", кожаное платье бокэ (употреблявшееся еще у багулалов и тиндалов) представляют местные варианты, разделяющие по этому признаку группу малых народов Западного Дагестана на две подгруппы. Каратины, фигурирующие в обеих, являются промежуточным элементом (в отношении чухду, примыкая к своим северо-западным соседям, в отношении бокэ — к юго-западным).

Приведенное выше замечание стариков "если мы хорошо, а сдевались плохо", имеет за собой тот реальный факт, характерный почти для всех областей нагорного Дагестана периода до присоединения к России, что горцы испытывали по-

стоянный текстильный голод, так как растительных тканей своего изготовления (за исключением, может быть, Табасарана, где местные жители умели делать ткани из конопли) не было, а очень ограниченный ввоз этого материала имелся лишь со стороны Закавказья. Мне рассказывали, что когда в сел. Карата сыну Шамиля была спита хорошая тсгала из русской фабричной материи, весь аул собрался посмотреть на это диво. Малые ребята почти ходили голышом или сидели без одежды дома, а женщины довольствовались лохмотьями.

Традиции общественного и семейного быта каратин сходны с тем, что наблюдается у их соседей.

Аул — гъане; хутор — гъла. Аул делится на родственные группы и кварталы. Родственная группа тухум или тайпа; квартал — гъай. Термин авал обозначает здесь хозяйство одного человека (то, что мы передаем словом двор, или дым).

В сел. Арчо насчитывают четыре гъай'я (в том числе "верхний" и "нижний"). Самая старая часть "верхний" гъай. Тухумы в кварталах живут смешанно и отдельных кланов не имеет. В сел. Анчик четыре гъай'я (в том числе "верхний", "нижний", "средний"). В сел. Карата три главных гъай'я — "верхний", "нижний", "плоский". Про эти гъай'и в Карате говорят: "Когда надо делать общественную дорогу, люди делятся на три части, и каждая старается окончить раньше других"; тухумы по гъай'ям не распределяются, а живут смешанно. Из сказанного видно, что кварталы обследованных каратинских аулов утратили характер родственных группировок и являются территориальным членением, в котором, как более старая черта, явственно проступает однако деление на две основные половины — "верхнюю" и "нижнюю". В дополнение к некоторым сведениям о тухумном строе, сообщенным выше, можно сказать, что количество тухумов в селениях Карата и Арчо современные жители определяют по разному (от 5-ти до 7-ми и более в каждом). По-видимому, это уже искаженная картина распада меньшего числа первоначальных групп. Наименование каждого тухума восходит к имени его родоначальника.

чальника. Тухумы сближаются друг с другом браками. Нам осведомитель, старик 75-ти лет из сел. Карата, привел пример: "Мой отец из тухума Хакисбай, а мать из тухума Хискибай, жена же из тухума Авабай". Брачные связи не имели запретов. Требовалось лишь единство религии. Невесту можно было брать и издалека. Родственность однотухумцев считается сравнительно мало. Даже в делах кровной мести, как рассказывают, участвовали только ближайшие затронутые лица, без привлечения широкого круга однотухумцев. Такого же считать один тухум другим, другой — худшим считается слабо. В большинстве тухумов известны истоки "лагов" (пленников, взятых когда-то в Грузию). Некоторые "лагские" семьи насчитывают 8-10 поколений от времени пленения. Про "лагов" рассказывает: "Они жили у нас, как родные дети. Когда мальчик вырастал, его женили, давали землю и он сам вел хозяйство. От грузин мы научились работать пилкой и рубанком лет 100 тому назад. Грузинцам, взятым в плен при Шамиле, было потом разрешено вернуться. Некоторые ушли, некоторые остались. Грузинского языка уже никто не знает. Среди потомков пленников были даже муллы и арабисты".

Познакомимся со свадебными обычаями, записанными в сел. Карата (современный вариант, более или менее сохраняющий ^{традиции}). Сперва происходит стовор. Отец жениха направляется к родителям невесты и излагает от них согласие. После этого в дом невесты идут родственники жениха (мужчины и женщины) и несут с собой хорошие угощения. Гостей принимают, устраивают для них пищество и отпускают, наделив гостинцами. Сторона жениха должна теперь готовить для невесты подарки — "одежду с ног до головы". Определяется и срок свадьбы. Свадьбу могут назначить и через неделю, и через месяц, и даже через год. Жених и невеста могут в этот промежуток между собой видеться, но секретно и не вступая в супружеские отношения. Незадолго перед свадьбой происходит церемония "харт" ³³ — передача невесте подарков жениха, т.е.

³³ Смысл этого термина соответствует значению "просьба".

"одежды с ног до головы". С этим добром идут его родные (мужчины и женщины) и несут с собой, кроме того различные кушанья. Пришедших принимают и угощают. Данный момент считается как бы общественным актом, свидетельствующим о том, что отныне девушка обручена. В день свадьбы обе стороны режут баранов, пекут лепешки и готовят яства. К вечеру устраивается пиршество. В доме невесты собираются ее родственники (мужчины и женщины) и подруги. Сама невеста к гостям не выходит. Угостившись, мужчины идут отсюда пировать в дом жениха. Здесь уже собрались родственники этого последнего. Жених не присутствует. Он тайно уходит к товарищу (гьудул) и сидит в его доме. После угощения родственники невесты, среди которых может быть и ее отец, возвращаются домой. Гости же со стороны жениха не расходятся и идут провожать невесты. Они должны будут сделать ей подарки. Между тем в дом невесты снаряжается посольство из 6-ти человек (мужчин и женщин) родных жениха; с собою берут горшочки и хороший курдюк. После приходят в дом невесты. Их угощают. Они как бы в обмен со своей стороны дарят курдюк. К этому времени предусмотрено совершение муллою брачного акта (магъари). От лица невесты и ее дома в этом деле участвует ее доверенный родственник; со стороны жениха в доме, где этот последний скрывается, сам он и два свидетеля. Затем происходит увод невесты в дом жениха. В процессии этой участвуют вышеупомянутое посольство со стороны жениха и вдвое большее количество людей (мужчин и женщин) со стороны невесты. При невесте обязательно находятся ее подруги. На пути мальчишки загораживают проход и требуют выкупа; получив угощение, они пропускают. У входа в дом невесту встречает мать жениха и обсыпает девушку сахаром, конфетами, деньгами. Жених по-прежнему продолжает пребывать у товарища. Невеста и ее подруга входят в комнату и садятся на определенное место. Болор подруга приглашает сюда родственников жениха - его отца, мать и других. Все подходит поодиночке к невесте и дарит ей подарки (деньги и ~~из~~ мануфактуру). Тут же происходит брачное пиршество. Невеста сидит отдель-

но. После угощения и танцев все уходит. В комнате остается невеста с подружкой. За женихом идет кто-нибудь из его родных. Жених приходит с товарищем. Товарищ жениха и подружка невесты через некоторое время удаляются, и молодые остаются одни. Товарищ жениха на улице сторожит. Утром подружка невесты и товарищ жениха спешат войти к молодым. Кто из них является позже, платит штраф. Затем начинаются поздравления молодежи, церемония и танцы. Так проходит три дня. На третий день происходят особо торжественные танцы. Сначала пляшут товарищ жениха и подружка невесты, потом сами молодые. По окончании этих танцев молодой прогуливается по аулу, а молодая с девушками идет по воду. Дней через 5-6 молодые идут к ее родителям. Он при этом имеет право пригласить несколько человек товарищей. В дни свадьбы жених и невеста получают множество подарков припасами. Родители снабжают молодых всем нужным для того, чтобы они могли вести самостоятельное хозяйство.

Во время первых родов муж покидает дом. Родильнице помогает кто-нибудь из ее или его родных. Если родятся сын, то первый, кто поздравит отца, получит от него подарок.

Система родства описательная (см. табл. 3).

Религия каратин — ислам суфийского толка. О начале ислама передаются обычные "обшедагестанские" легенды про Абу Муслима шейха, род которого называют "кьурайшиб ту-хум"; Абу Муслим шейх, как говорят, пришел "из Мекки", "из Турции", "из Аравии". Сначала он попал "в Баку", потом "в Хуззах" и, наконец, "в Карату". По рассказам стариков — "сначала все были против Абу Муслима шейха и даже после него многие не хотели еще принимать мусульманство; последними приняли ислам жители селения Анчик — на 30 лет позднее других".

У каратин существуют почитаемые могилы, связанные с именами различных шейхов. Одну такую могилу, увенчанную флагом, мы видели в сел. Карата на улице. Ее история такова: несколько лет тому назад местный знахарь сказал: "пока не исправите эту могилу, не пойдет дождь". Люди

№ п/п	На русском языке	На каратинском языке
1.	Внук	Васасул вас
2.	Внучка	Васасул яс
3.	Сын	Ваши
4.	Дочь	Яше
5.	Племянник по мужской линии	Вацасул вас
6.	Племянница по мужской линии	Вацасул яс
7.	Племянник по женской линии	Яцалул вас
8.	Племянница по женской линии	Яцалул яс
9.	Брат	Вашн
10.	Сестра	Яшн
11.	Двоюродный брат	ВасГал
12.	Двоюродная сестра	ЯсГал
13.	Троюродный брат	ЦинитГал
14.	Отец	Има
15.	Мать	Ила
16.	Дядя по отцу	Эисул вац
17.	Дядя по матери	Эселалул вац
18.	Тетка по отцу	Эисул яц
19.	Тетка по матери	Эселалул яц
20.	Дед (большой отец)	ГьеркIа има
21.	Баба (большая мать)	ГьеркIа ила

исправили могилу и с тех пор продолжают ее подновлять по настоящее время.

Имются также почитаемые урочища, куда общества ходили до недавнего времени молиться о прекращении засухи. Таково, например, место Хибхилих над Эшкьа или место ЦиситIа около сел. Тукита (здесь большой камень, который во время моления надо было перевернуть, "чтобы пошел дождь" ³⁴).

³⁴ К этому урочищу ходили и соседние ахвахи.

Остаток почитания деревьев можно усматривать в особом отношении к колючему дереву хъарахъ, из которого вырезают до настоящего времени амулеты от сглаза (большая часть пришиваемые к одежде ребенка на плечо). Мне принесли колючую ветку этого растения, которая находилась в хлену, будущи поставленной с целью предохранить скотину от сглаза. Из этой же породы всегда делают наконечники в яру (облегчающие шею быков), считая, что и это тоже будет служить от сглаза. Помимо того, известно использование для амулетов дерева "дагдет" (каркас), как и у соседних народов.

Известен обрядовый праздник "первой борода", который каратены справляют перед началом пахоты, когда будет удобно, точно не фиксируя дня. По этому поводу говорят: "У нас это бывает весной, а у ботлихцев в половине зимы, так как у них климат теплее".

Народное искусство каратен представлено главным образом орнаментом геометрического стиля на деревянной резной утвари. Старых петрографических изображений в аулах мы почти не встретили. По-видимому, стены старой кладки давно перестроены.

Фольклор аварский. Остатков песен на родном языке я не обнаружил.

Территория расселения годоберинцев расположена по левобережью средней части р. Андийское Койсу, на одном из небольших притоков этой реки. По современному административному делению это юго-западный угол Ботлихского района ДАССР, непосредственно примыкающий к Андийскому хребту, который отделяет в этом месте Дагестан от бассейна р. Марс-Аргун¹.

Ближайшими соседями годоберинцев являются на севере аварцы (селения Ансёлта, Шодрода), на северо-востоке — ботлихи (сел. Миарго), на востоке — аварцы (сел. Хелетлури), на юге (в пределах Цумадинского района) чамалалы (селения Гадери, Гигатль) и бузулалы (селения Хуттада и Кванада). Западная граница идет по Андийскому хребту.

Годоберинцы имеют здесь всего два населенных пункта: сел. Верхнее Годобери и расположенное от него в одном километре, сел. Нижнее Годобери. Третий населенный пункт на северо-запад от первых двух (в 6-7 км) сел. Забирхали в феврале 1944 г. переведен в новый район ДАССР.

Сел. Верхнее Годобери окружено террасовыми полями. На юг и на восток от него недалеко пролегают лесистые, но очень высокие горы, с других сторон — обнаженные хребты. Ниже, в северо-восточном направлении в сторону Ботлиха, зеленеет садами долина "Годоберинской речки" (приток р. Андийское Койсу). Сел. Нижнее Годобери находится по другую сторону речки, немного севернее, на округлом холме. Его постройки ориентированы на юг и на восток. Ниже селения лежат террасовые поля, выше в небольшом расстоянии на склоне хутор Чегерчи кули², т.е. "черного человека хутор". Склон тоже покрыт полями (не террасовыми). В окрестностях имеется лишь один небольшой родник (речка сравнительно далеко), так что в воде ощущается недостаток. В целом годо-

¹ Река Марс-Аргун — приток Сунжи, впадающей в Терек (территория Чечень).

² Хутор по-аварски кули, по-годоберински — риквали.

беринская территория имеет вид приподнятой открытой живописной местности выше по уровню, чем Ботлихская котловина. Вдали, по ту сторону реки Андийское Койсу, виднеется на горных массивах багулальский аул Кзанада.

Численность годоберинцев по переписи 1926 г. 1512 чел. По местным данным на 1 августа 1946 г. в селениях Верхнее и Нижнее Годобери значилось 383 двора с населением 1506 чел.; в сел. Зибирхали в 1943 г. (т.е. за год до переселения) числилось 69 дворов и 210 жителей. Из приведенных данных видно, что за последние 20 лет общее число годоберинцев несколько увеличилось.

Годоберинский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы восточной, или дагестанской ветви кавказских языков. Язык имеет наречия по аулам. Письменность аварская. Преподавание в школах ведется на аварском языке. Аварским, как языком общения, владеет все.

Самоназвание гьёбледи (мн.ч.); гьёблетьы (ед.ч.). Наименование селений по-годоберински — Гьёду (Годобери), Шалу (Зибирхали)³.

Приведем таблицу этнонимических терминов на годоберинском языке, употреблявшихся для наименования соседних и более отдаленных народов Дагестана:

Таблица I.

Народ	Мн.ч.	Ед. ч.
Аварцы	МагIарули	МагIарулав
Андийцы	ПIацIади	ПIацIалъы
Ботлихцы	БульхадIи	Бульхалъы
Багулалы	Багвалал	Багвалав
Чамалалы	ЧIамалал	ЧIамалав
Тиндийцы	ЛIанди	ЛIандилъы
Каратинцы	КкIарлы	КкIарлъы
Ахвахи	ПIахъвади	ПIахъвалъы
Хваршинцы	Хъваршиди	Хъваршилъы

³ Названия Годобери и Зибирхали аварские.

Цезн	Цуйди	Цуйты
Бажетини	БажитГарди	БажитЦалты
Кумыки	Гьумакиди	Гьумакильы
Даргинцы	Ахьумади	Ахьумильы

Отметим, что наши информаторы, помимо именования даргинцев "акумидцами" (часть, своего племени), также именуют "пулахарцами" (цладахариди, цладахарильы), т.е. тоже даргинцами, а этнонимических терминов для обозначения народов племени Дагестана (лезгин, табасаранцев, кайтаков, кубачинцев и др.) на своем языке не приводят. Это обстоятельство — знак ограниченности в прошлом годоберинских связей с "внешним миром", типичный и для других малых народов Западного Дагестана.

Существующие предания начальный период истории годоберинцев описывают в духе легенд, сходных с рассказами, которые можно слышать во многих местностях нагорного Дагестана. Они говорят, что годоберинская земля была покрыта лесами. Насельники "не знали ни закона, ни религии". Они жили на месте Амхвала (на окраине современного селения Верхнее Годобери) и на месте Балаха (в одном километре к юго-востоку), а затем, чтобы лучше отражать нападения врагов, обосновались возле пункта, где сейчас стоит верхнегодоберинская мечеть. Для защиты поставили башни (меби). Одна из них была построена первыми поселенцами охотниками. Ее окружало "озеро", так что люди входили туда по перекидной лестнице. Свои жилища и землю защищали во главе жизни и могли выдержать "триста-четырееста всадников на белых конях". Мужчины отличались таким высоким ростом, что "в чубук без голенища входило 8 кг зерна, а с голенищем — 18". В ту пору жители "были грузинами" (надо понимать — христианами). Затем в Дагестан пришел Абу-Муслим шейх. Он распространил "истинную веру и шариат".

Рассказы с более конкретным содержанием говорят о войнах годоберинцев с соседями и походах в Грузию. Их союз-

никами в военных делах являлись каратинцы. Имели место военные столкновения с чеченцами. Давняя вражда из-за пастбищ была с ближайшим аварским селением Шодрода. "Наши две женщины возмущались с чальницы от ботликовского селения Миарсо, куда ходили молотить леняные зерна. Они заблудились и попали на землю Шодрода. Шодродские чабаны взяли женщин в плен. Наши люди собрали силу, пошли до Шодрода, вручили пленниц, забрали два стада с двумя чабанами и женщинам поручили идти к себе в Годобери. Потом сделали засаду на месте, называемом Тетури (в двух км севернее аула Годобери) и здесь так много убили шодродинцев, что их кровь мешалась с ручкой и красная вода текла до большой реки" (т.е. до Андийского Койсу). Заканчивая рассказ, старик добавлял: "это было почти 200 лет тому назад. Моего прадеда прадед был молотом".

Стички с аварским селением Ансалта тоже вызывались спором из-за пастбищ. Этот вопрос в свое время разрешил Шамиль, распределив спорный участок между годоберинцами, ансалтинцами и шодродинцами.

Памятником участия годоберинцев в Шамилевском движении является здание старое кладбище. Надгробные памятники имеют надписи, сделанные арабскими буквами на годоберинском языке, вроде следующих: "Здесь память Рамазана Курбанова, погибшего в Чечне при борьбе с царем. 1268 г." (1851/2 г.); "Здесь память Магомеда Курбанова, погибшего в Грузии в войсках имама Шамиля, 1270 г." (1853/54 г.); "Магомедов Аминтаза погиб в боях с царем в Агшттах. 1273 г." (1856/57 г.) и т.п. Что касается грузинских походов, то об этом рассказывают так: "В Грузию ходили до Николая (т.е. до царя Николая I — ред.), забирали скот и людей. При Николае пленных стали посылать обратно".

Об этногенезе годоберинцев, исходя из преданий как годоберинских, так и ботликовских, можно сказать, что этот небольшой горский народ представляет собой местную абсорбированную группу, по-видимому, родственную с ботликами, представляющую сравнительно незначительные аварские и грузин-

ские инфильтрации.

Основные занятия современных годоберинцев в известной мере отличаются от того, что было в прошлом. Так, с тем, что охота в старину имела большое значение свидетельствуют не только легендарные показания, но и сохранившиеся до наших дней охотничьи навыки: охота на оленей, горных козлов и баранов, барсуков, зайцев, лисиц, волков. Из сельскохозяйственных отраслей меньшую роль играло садоводство. В основном хозяйство годоберинцев представляло собой земледельческо-скотоводческий комплекс. Сеяли главным образом пшеницу, ячмень, просо. Заготавливали на зиму сено. Система скотоводства была пастбищно-пастушеской. Летом стада с козанами шли на горные луговые пастбища, а зимой обходились без кутанов¹, частично существуя на подножном корму в той же нагорной зоне, частично пользуясь заготовленными с осени кормами. Для сельского хозяйства было типично развитие хуторов, разбросанных по окрестностям и приближенных к покосам, местам пастбищ и пахотам. Для посевов старались использовать все пригодные клочки земли и для усиления каменистого грунта приносили землю на "поля" в шерстяных мешках. Вокруг годоберинских аулов были расположены хутора Дудиха, Чегерчи, Лапхун, Баккуду, Белеха, Ишагальи, Циху и др.

В настоящее время годоберинцы живут обществленным социалистическим хозяйством. Их колхоз значится в числе лучших в районе. Хутора большей частью превращены в колхозные служебные пункты, используемые при сезонных работах или в качестве колхозных складов. В специализации колхоза представлены более или менее равномерно полеводство, огородничество, животноводство и садоводство. Кутанов нет, так как животноводство не является ведущим. Разводят пшеницу, кукурузу, ячмень, овес, овощи. Садоводство в значительной степени является новой страстью. Под годоберинские

---

¹ Зимние пастбища на плоскости.

колхозные сады отведены ниже лежащие участки, дающие хороший урожай груш, яблок и кураги. Земледельческие орудия те же, что у соседей: деревянные нахотные орудия с железным лемехом и "ушами" на плуге — рапцы (аварский плуг), молотильные поски с кремнями — белимы. Серп не круглый, а напоминающий небольшую горбушу, форма, типичная для многих мест Западного Дагестана.

Наряду с сельским хозяйством существуют подсобные производства, не играющие, впрочем, особенно большой роли: шерстяное прядение и ткачество, изготовление войлоков, обработка кожи, деревообделка, кузнечное дело. Эти производства обслуживают главным образом домашнюю потребность, изделия в небольшом количестве сбываются на базаре в Ботлихе. В свою очередь ботлихский базар и другие места дают годоберинцам то, чего у них нет. Из Ботлиха везли ичичалинскую медную утварь и балхарскую керамику; из Чечни раньше доставлялись точенные деревянные изделия — блюда, миски, чашки и т.д. — и поливная керамика. Соответствующие заказы выполняют каменщики, серебряники и медники аварского аула Ансалта.

Несколько замечаний о годоберинской шерстесобработке. Прядение производится при помощи веретена с бородкой внизу, причем в этом случае нижний утяжеленный конец веретена, приведенного во вращательное движение рукой, упирается в камень с чашечной ямкой, или при помощи веретена, снабженного круглым деревянным пряслищем сверху; в этом случае вращающееся веретено висит в воздухе, а нить перекидывается через косточку-шток, укрепленную в особой прялке держателе. Первый способ до недавнего прошлого был распространен на обширной нагорной территории Западного Дагестана и Восточной Чечни; второй — характерен для всего Дагестана. Ткацкий станок обычно устанавливается на сеновале. Он представляет собой массивную деревянную раму, — примерный размер ее: высота около 5 м, ширина более 1 м — прислоненную в наклонном положении к стене. На раму натянута основа, двинная ткань 70-75 см ширины. Ниточки держатся на

тонкой палке, укрепленной над рамой при помощи двух наез-
соких, помещенных на раму, деревянных стоек. Бардо заменя-
ет отдельным гребнем, сделанным из абрикосового дерева и
имеющим железные зубы. Функции челнока выполняет палоч-
ка с намотанной на нее шерстяной нитью. Для распрямления
основы служит козий рог и плоская полукруглая дощечка. Ког-
да вся основа на раме заткана, ткачиха берет ткань поперек
и снимает со станка материю, длина которой равна удвоенной
длине рамы. Охарактеризованная техника ткачества типична
для всего Дагестана, также для Азербайджана и других мест-
ностей Закавказья. Годоберинские женщины изготавливают грубый
шерстяной материал (ниси) для одежды и полосатую ткань для
мешков, в которых держат муку и зерно (кельбен мухулли - ме-
шок из шерсти).

Небольшая по площади, применутая к Андийскому хребту,
окраина Западного Дагестана, каковой является земля годобе-
ринцев, не имела таких развитых транспортных связей, как
соседний Ботлих. Здесь пролегают дороги и тропы преимуще-
ственно местного значения. Средства передвижения сохраняли
некоторые элементы, типичные для глухих нагорий Кавказа.
Оба относятся: 1) сани-волокуши ("налара", по-аварски
"чанат"), употребляющиеся летом и зимой для перевозок
сена, навоза, бревен, камней и т.д.; 2) ручная двуколка
("гьако") для перевозки тяжестей со сдвоенными, не имею-
щими спиц, толстыми колесами, сделанными из цельного куска
дерева, вращающимися вокруг оси; 3) недавно вышедшая из
употребления арба с такими же колесами в двух разновидно-
стях - с вращающейся осью и неподвижно связанной на нее
колесами и колесами, вращающимися вокруг неподвижной оси.
Реликтовое употребление арб со сдвоенными колесами просле-
живается почти по всей западной окраине Дагестана. Сани-
волокуши более жизнеспособны и распространены гораздо ши-
ре. Они имеются во многих высокогорных местностях Север-
ного Кавказа и в ряде областей Дагестана не только Север-
ного, но и Южного.

Оба годоберинских селения, будучи расположенными на

холмах, а не на крутых склонах, не создают картину скученности и уступчатой нагроможденности построек. Они имеют довольно широкие, неправильные расположенные улицы. Здания, сооруженные из камня, дерева и самана, сравнительно негнзсыки. Саманные дома — явление новое. Старая строительная традиция представлена постройками, в которых камень сочетается с деревом, что характерно для старинных домов аваро-андо-цезской территории в целом. В каменную кладку для связи ⁵бывают заложены поперечно деревянные короткие и горизонтальные бруссы. Внешняя, большая часть угловая, подпора зданий чисто имеет вид "столобов" из коротких бруссов, уложенных в "клетку" с промежутками, иногда, заполненными камнем (фахверк) ⁶. Оконный проем старых домов представляет собой большой, забранный деревянным массивным заполнением, прямоугольник, в котором имеется сравнительно небольшое, обычно двойное, окно ⁷. В хлебах этот проем несколько изменен: бруссы расположены редко и горизонтальные щели между ними заменяет окно. Встречаются дома с боковыми стенами из толстого хвороста вертикального переплетения, обмазанного глиной ⁸. Хворостяной плетень играет значительную роль и в хозяйственных сооружениях.

По старой традиции годоберинский двор представляет

---

⁵ Прием, распространенный в разных местах Дагестана.

⁶ Прием, употребительный по всему Западному Дагестану в широком смысле этого слова, т.е. от Андийского участка на севере до Агиль-ратля, включительно на юге (т.е. в Тляротинском районе).

⁷ Прием, употребительный и в других местах Западного Дагестана.

⁸ Наличие такого именно плетня (в виде известного участка стены, остальные части которой сложены из камня; в виде одной-двух плетневых стен при остальных каменных) в домах ряда местностей нагорного Дагестана являются старой чертой. Лучшим примером могут служить немногие сохранившиеся дома аварцев Гидатля, которые можно считать наиболее старинными, дошедшими до нашего времени, жилища постройками в Дагестане.

комплане жилых и хозяйственных помещений в том случае, если они сконцентрированы в одном месте, что бывает не всегда. Двор состоит из следующих элементов, подчас объединенных каменной оградой или стенами самих построек: 1) жилище — гланку; 2) сеновал — бейтба; 3) помещение для скота — бекки; 4) амбар — гинклуши; 5) кладовая — гинлуши; 6) печь для поджаривания зерна — кору. В целом можно считать, что двор у годоберинцев недостаточно развит. Сильно сказывается тенденция сосредоточения помещений под одной крышей, а также обыкновение ставить хлев и сеновал не около дома, а где-нибудь из отдале.

Гланку (жилой дом). Старинное годоберинское жилище столь оригинально, что при изучении истории народной архитектуры нагорного Дагестана оно может быть выделено в качестве особого типа под условным наименованием "годоберинский дом". Постройка, о которой идет речь, в настоящее время является реликтовым явлением. Таких старинных домов сохранилось мало, они значительно переделаны, а в некоторых случаях используются не как жилье, а как складочное помещение. Старинный дом чаще был одноэтажный. Если он был двухэтажным, то и первый этаж был жильем, а не использовался под хлев. Уровень пола нижнего этажа был несколько ниже уровня земли. Сама конструкция постройки может быть названа каркасной, так как плоское перекрытие держится главным образом не на стенах, а на системе деревянных, вертикальных столбов. Эти столбы внутри дома расположены друг против друга близ продольных стен. Столбы образуют в жилище, которое было одноэтажным, два-три пролета, так как помимо столбов около стен имеются ряды столбов центрального расположения. Один из столбов, приблизительно в середине комнаты, главный. Он имеет красивую резную подбалку. Вблизи этого столба был открытый срединный очаг. Комната представляет собой плоско освещенный просторный зал, площадью от 60 до 100 кв. метров. Будучи разделен столбами на пролеты, этот зал имел массивный деревянный амбар (гинклуши), расположенный на площади, так сказать, "заднего" пролета у од-

ной из продольных стен. Зал имеет один большой оконный проем, образованный двумя толстыми деревянными горизонтальными балками, заложенными в кладку, с массивным деревянным заполнением, образующим два провета (собственно, двойное окно). Зал имеет одну входную дверь, наружная сторона которой снабжена выдолбленной в доске выемкой с перемычкой, образующей ручку. Иногда в комнате кроме основного окна имеется дополнительное — в виде цельновидного горизонтального створения в стене. Пол земляной. Каменные стены внутри не имеют обмазки. Потолок законченный. По-видимому, дымового створения над очагом не было. На потолке выдаются поперечные балки, а выше их слой жердей. "Годоберинский дом" может быть поставлен в один ряд со старинными домами багула-лов, тиндийцев, аварцев Гедатия и Келеба, однако представляет собой типологически самостоятельный вариант. В настоящее время в тех случаях, когда такой зал используется в качестве жилья, мы видим в нем "пристенный" камин, позднейшие перегородки и дополнительные окна. Современные жилые дома годоберинцев лишены устойчивого плана. Многие из них делаются из необожженного кирпича (самана). Иногда по фасаду идет галерея со столбиками (по второму этажу). Под жильем занят второй этаж, а также первый. Впрочем, в этом последнем может быть и хлев. Имеется несколько комнат. В одной из них — пристенный очаг-камин или железная печка. В этой комнате видим тахту с постельными принадлежностями, стенные полки с посудой, принадлежности для страши. Имеется также парадная комната, обставленная городскими вещами: столами, стульями, кроватью, зеркалом, шкафом и т.п. Характер обстановки современного дома, в общем, сходен с тем, что можно видеть в современных ботлихских или андийских домах: то же смешение местных "дагестанских" вещей с предметами, пришедшими из городов.

Бегъва (сановал). Это помещение, особенно в старых образцах, также весьма оригинально. Сановал обычно или непосредственно примыкает к жилому дому, или расположен на дворе близ него, или, наконец, находится в другом мес-

те аула, недалеко, однако, от жилого дома. Надо себе представить очень большой плоский навес, держащийся на высоких деревянных столбах или на столбах, сложенных из камня и коротышей. Конструкция этого сооружения — тот же каркас. Задняя стенка бывает сплошной каменной, остальные стороны по периметру каркаса забраны деревянными брусками, не доходящими доверху и оставляющими большие просветы для проветривания. Иногда бруска, образующие стены сеновала, не сомкнуты друг с другом, так что получаются продольные щели, сообщающие всей постройке нечто, напоминающее большую клетку. Иногда каркас не забран горизонтальными брусками и тогда сеновал представляет собой простой навес. В сеновале, кроме сена, бывают сложены предметы хозяйственного инвентаря.

Бекы (хлев). В более старом облике — это отдельное помещение близ жилища, на дворе или в другом месте, сравнительно неподалеку. В новых домах это часто первый этаж постройки. Конструкция бекы аналогична конструкции старого жилого дома или сеновала. Окна хлева представляют собой горизонтальные щелевидные отверстия. Разметы хлева и особенно сеновалы как "службы", находящиеся в самих аулах, очень типичны для годоберинского быта.

Гынггуши (амбар). Помещение для хранения хлеба представляет собой массивное, но сравнительно небольшое, срубное сооружение из грубо обтесанных бревен и колотых досок, имеющее плоскую двойную крышу. Нижняя крыша непосредственно перекрывает амбар, а верхняя, являющаяся плоскостью, расположенной на 20-25 см выше первой, имеет небольшой наклон для стока дождевой воды. Гынггуши находится в непосредственной близости к-жилому помещению, на дворе. Однако в ряде случаев амбар помещают внутри жилища. Амбар внутри жилища делается несколько более легким и не имеет двойного перекрытия.

Гынуши (кладовая). Это помещение реже представляет собой небольшую пристройку неустойчивой формы около дома.

Чаще оно бывает особой небольшой комнатой в самом доме. В кладовой хранятся мука и зерно в большом деревянном ларе или в мешках, картофель и овощи, мясо, бурдюки с сыром, шерсть, известь для побелки стен (гъацъа унш - "белая земля"), заготовленная в виде больших плоских лепешек, и различные домашние вещи.

Кору (печь). Она находится где-нибудь близ жилья, в отдельной "лоджи" дома, в открытых "сенях", т.е. под навесом, образующим подобие "лоджи" со входом в жилую комнату, в углу галлерей, идущей вдоль фасада жилища и т.д. Кору представляет собой как бы сводчатую пещерку округлой формы, сделанную из глины и разделенную внутренней, не доходящей до верха, вертикальной перегородкой на два отделения: в одном разводится огонь, в другое кладут для поджаривания ячменное или кукурузное зерно. Перед отделением для зерна глиняной заваленкой отгорожено место, куда женщина, сидящая перед кору, сгребаёт железной лопаткой готовое зерно. Кору может также служить для выпечки лепешек, если они не пекутся в самой комнате на очаге. Это бывает, когда требуется приготовить большое количество лепешек, например, для свадьбы.

Национальная одежда годоберинцев сходна с ботлихской. Мужская не имеет каких-либо особенностей. Что касается женской, то : платье-рубаша (хелгу) из легкой фабричной ткани имеет ряд позднейших наслоений: манжеты на рукавах, складки и сборки на груди, складки с напуском у подола и др. Оно еще носится, хотя и не всеми. На памяти старшего поколения хелгу опоясывалась шарфобразным куском красной материи. Такой пояс (ракъичал) темного цвета в настоящее время можно встретить на платье старух как знак траура. Ракъичал, по словам местных жителей, носился и в Ботлихе. Что касается хранящегося ныне в сундуках нарядного, считого в талис, шелкового платья (тегела), то о нем мы слышали от стариков такой отзыв: "Тегела не историческая одежда, она взята от кумыков". Этим подтверждается предположение о происхождении данного типа одежды как заимствования от жителей Кумыкской плоскости. Шальвары (барта), подобно ботлихским, кизи су-

живаются и у лодыжек собраны в сборки. Местная женская обувь, как впрочем и мужская — кожаные, с бурчонным голенищем, сапоги с зашитым носком. Что касается головного убора: то селения годоберинцев — единственная, кажется, область, где носилась "рогатая чухта" (кшагга), подобная ботлихской. Она не сохранилась до нашего времени и заменяется либо простой мешковатой "чухтой", либо головной повязкой. Верхним головным покрывалом служит кшази, шаль, сложенная треугольником или треугольный кусок материи с бахромой. Обычай украшать одежду серебром у годоберинских женщин в значительной мере утратился. В одном лишь случае мы встретили девочку в безрукавке, на передних полях которой красовалось 50 серебряных монет.

Годоберинское селение (гъани) делится на кварталы, ныне территориальные части, и тухумы — родственные группы. В сел. Верхнее Годобери — четыре тухума (Гисарибе, Азигибе, Хахвачибе, Шаматило). В сел. Нижнее Годобери тоже четыре тухума (Гисабе, Чайквабе, Гъвацабе, Бадибе). Когда-то кварталы соответствовали тухумам, т.е. в каждом была локализована определенная родственная группа. На примере сел. Верхнее Годобери мы видим комплекс: квартал Гиза; тут же не сохранившаяся башня — шеби Гиза рекъалъаласу (шеби-башня, рекъа — холм) и тухум Гисарибе; ветвь этого тухума занимала старейшее место в квартале Гъангъи, откуда по преданиям и началось возникновение аула,⁹ и где была башня — шеби Чанахъакълы. Чанахъен, чанахъакълы значит "охотник", "охотничий", в то же время — имя собственное, очевидно — первоначально имя родоначальника тухума, который был охотником и который со своими родичами "охотниками" тут обосновался.

В настоящее время годоберинские тухумы живут смешанно, не имеют в ауле отдельных мест для мужских бесед (жадабола). Их члены помнят лишь свое "родовое" имя и сохраняют неко-

⁹ Там, где в настоящее время находится здание мечети.

торые бытовые пережитки в свадебных обрядах, в общественных праздниках, в обычаях коллективной помощи и т.д. Тухумы давно утратили хозяйственную общность, в частности, общее владение пастбищами и другими угодьями.

Тухумы считаются равными по достоинству. Однако, в их среде с отдаленного прошлого зарождался слой знатных, прославившихся военной силой, личной доблестью, имевших многочисленных родственников и смелых захватить в свои руки лучшие пастбища. Таков был ЧегГерчи ("черный человек"), едва ли не главный герой годоберинских легенд. Рассказчики поясняют: "Он на самом деле не был черен, имел красивое лицо, большую силу и храбрость. Никто не мог его убить". ЧегГерчи принадлежал к уже упоминавшемуся тухуму Гисарибе, связанному с легендарными "охотниками" и, по-видимому, восходящему к одной из древнейших ветвей распавшегося рода. В настоящее время потомков ЧегГерчи нет. "Черный человек" покинул селения и занял место и починна несущие его имя — ЧегГерчи рихвалы. Этот рихвалы, когда-то выделившийся из сел. Верхнее Годобери, наглядно иллюстрирует процесс происхождения годоберинских хуторов, как явление вторичное, хотя и достаточно давнее, обусловленное старым хозяйственным укладом.

В настоящее время хутор "черного человека" представляет собой небольшой колхозный поселок. В нем имеются стены старинной кладки, рядом с которыми указывают место, где стоял дом "черного человека" и его башня (шеби ЧегГерчи). Арханчине объекты бытовой обстановки, встречаемые здесь¹⁰, со своей стороны как бы подтверждают показания легенд, вскрывающих давно ушедшие бытовые пласты. В 30 шагах от места башни находится мемориальный памятник, который, как говорят,

¹⁰ Такие, например, как огромный сосуд для муки, выдолбленный из цельного липового ствола диаметром в 1,2 м, и примерно такой же высоты (сердцевина ствола сперва выжжена и затем выдолблена топором и теслом); старинные, деревянные, резные вручун, двойные и обычные чашки; большая глиняная печь для поджаривания зерна и др.

был построен самим "черным человеком" еще при жизни. Этот легендарный герой был так силен, что поднимал и переносил большие камни. Памятник представляет собой врезанную в склон кладку с нишей по фасаду. В нише каменная доска с истертой надписью арабскими буквами, поврежденной ружейными выстрелами. Следы пуль — знак вражды. Выстрелы сделаны позже построения памятника врагами Чегерчи, желавшими оскорбить его память. Легенда рассказывает, что Чегерчи имел семерых сыновей, которые жили вместе с отцом. У него было много родственников в Верхнем Годобери. Он владел лучшим конем и делал со своими людьми набеги на Подроду, угоняя оттуда скот. Он завладел пастбищами кругом поселка и владовал со многими жителями своего же аула, т.е. Верхнее Годобери, присваивая пастбища, не пуская скот, "Черный человек" обычно сидел в башне, на верхнем этаже и оттуда стрелял, если видел, что стада выпасаются в его сторону. Он убил многих, а его никто не в силах был убить. Тогда одна женщина, сестра годоберинца, убитого "черным человеком", поднесла ему бокал с отравленной бузой. Близкие люди и родня уговаривали его не пить. Он же ответил: "Я не боюсь врагов, а тем более женщины". Так он был отравлен и умер. После этого жители Верхнего Годобери напали на хутор, обсыпали башню дровами и подожгли. Концовка рассказа характеризует богатство убитого: "В башне было так много масла и курдюков, что жир ручьем тек до самой реки" II.

Система родства у годоберинцев описательная. Приведенная ниже терминологическая таблица дает о ней представление. Термины расположены в последовательности по поколениям в отношении к "ego".

II Общий сюжет, встречающийся в различных вариантах в воинских преданиях, рассказываемых в ряде районов аваро-андо-цезской земли.

Таблица 2.

Термин	По-годоберински
Внук	Вашульы батта
Внучка	Яшульы яши (Яшульы яши - ред.)
Сын	Ваша
Дочь	Яши (Яши - ред.)
Племянник по мужской линии	Вапульы ваша
Племянница по мужской линии	Вапульы яши
Племянник по женской линии	Яцульы ваша (Яцульы ваша - ред.)
Племянница по женской линии	Яцульы яши (Яцульы яши - ред.)
Брат	Вацци
Сестра	Яцци (Яцци - ред.)
Двоюродный брат	Вацц'иал
Двоюродная сестра	Яцц'иал (Яцц'иал - ред.)
Отец	Има
Мать	Ила
Дядя по отцу	Имульы вацци
Дядя по матери	Идульы вацци
Тетка по отцу	Имульы яцци
Тетка по матери	Идульы яцци
Дед по обеим линиям	Воч'уха има (большой отец)
Баба по обеим линиям	Еч'уха ила (большая мать)
Муж	Кунт'иа
Жена	Г'аркки

Семейный быт годоберинцев в большой мере утратил старые черты. Браки, как говорят старики, в раньше свободно заключались между членами разных тухумов и между людьми из разных аулов. Из соседних народов брачные связи имелись главным образом с ботлехцами и анцийцами. Сохраняются некоторые следы патриархального уклада и замкнутого положения женщины. Женщина раньше являлась главной рабочей силой в сельском хозяйстве. На своих плечах она переносила в аул

сено и урожаи. В настоящее время распределение труда иное: в колхозах много работают и мужчины, и женщины. Про себя годовосеринцы говорят: "Мы быстро ходим и быстро работаем".

Религия — ислам суннитского толка. Доисламские пережитки сходны с ботлихскими. Праздник первой обрядовой заправки (унос пшам, т.е. "бюков вывод") справлялся до настоящего времени. Он устраивался "в половине зимы", т.е., как поясняют старики, "в феврале, когда придется в понедельник, в пятницу или субботу". Наступление настоящей зимы весной тоже отмечалось как праздник с раздачей угощения.

При засухе ходили молиться о дожде на урочище Ланхус (возвышенность с родником в 2-х км от селения Верхнее Годобери к югу) и Кьеруза (возвышенность около леса в 2-х км от сел. Верхнее Годобери на юго-запад, где протекает "родник шейха" — Шейхулы Мьени). Имя шейха Анжику. О нем рассказывают: "Шейх прилетел сюда из Цумадинского района и на этом месте ударил палкой по земле, когда захотел молиться, и пошла вода. Он жил 300 лет назад и похоронен в Верхнем Годобери".

Остаток культы деревьев усматривается в особом отношении к дереву митута (*acris* *staccata* — каркас, или каменистое дерево). Из этого дерева изготавливаются амулеты от глаза за для людей и скота.

Мы видели также в Верхнем Годобери такое сооружение от глаза, поставленное около дома и прилегающего к нему кукурузного участка: высокая вертикальная вердь и на ней рога козла, рога барана, дырчатый камень и скелет ястреба. Кости ястреба тут предназначены для охраны кур.

На мужских надгробиях встречаются следующие изображения, очень распространенные вообще на кладбищах Дагестана, — человек со знаменем, знамя, человек с шапкой, плетель, ружье, конь, четки, гребенка, обувь, кувшин и т.д. для омовения.

Изобразительное искусство годоберинцев проявляется главным образом в украшении деревянной утвари резьбой — ларей, сундучков, подставок для хранения ложек и др. Орнамент преимущественно геометрического стиля. Собственно годоберинским он назван быть не может, так как сходная резьба встречается у соседних народов. Старых петрографических изображений на камнях в годоберинских селениях сравнительно мало. То, что нам удалось видеть, представляло собой мотивы спиралей. Этого рода изображения в большом изобилии можно встретить в багулальских и тиндийских аулах Цумадинского района и в аварских аулах Кахибского района.

В фольклоре годоберинцев отсутствует песенный жанр. Песни поются на аварском языке. Следует отметить наличие элементов так называемого "нартовского эпоса". Таковы легенды и рассказы, связанные с одним из урочищ близ селения Верхнее Годобери. Место называется Чартошу бакъ-аха, что означает "у нартовских коней".

Из шести багулальских селений три (Хуштада, Тлон-дода и Кваната) находятся в северо-восточном углу Цумадинского района и три (Гимерсо, Тлиси и Тлибито) в смежной западной половине Ахвахского. В географическом отношении рассматриваемая область состоит из двух частей — западной (Хуштада, Тлондода, Кваната, Гимерсо) и восточной (Тлиси, Тлибито), разделенных между собой небольшим перевалом. В целом территория обитания багулатов окрещивается правобережьем реки Андийское Койсу. Все аулы от этой реки в большей или меньшей степени удалены. Хуштада и Тлондода, лежащие рядом, имеют между собой живописный смешанный лес. Они расположены на довольно высоких безлесных массивах, откуда в направлении на запад видны постепенно понижающиеся пространства, подходящие, наконец, к самому берегу Койсу приблизительно против районного центра Агвали. Такое же положение (немного севернее) недалеко от селения Хуштада занимает Кваната. На запад от этого последнего селения внизу течет Койсу, на восток, под прямым углом к линии Койсу, отклевывается колоссальный "коридор", ведущий в Гимерсо. Пешее передвижение от Кваната до Гимерсо требует не более 40 минут времени. "Гимерсинский коридор" — род ущелья, северный бок которого представляет собой высокую отвесную каменную стену, а южный — волнистые склоны, покрытые кустарником, деревцами и террасовыми полями; здесь именно и протекает тропа. Дно "коридора" имеет в разных местах четыре небольших, глубоких, озера с темной поверхностью воды. Вскоре заканчиваются постройки Гимерсо: селение стоит у самого подножья стены "коридора" и поэтому кажется расположенным в низине. Фактически же оно значительно приподнято над долиной реки Андийское Койсу. Эта последняя отсюда уже не видна. Из Гимерсо тропа направляется на восток, преодолевает перевал и вступает в новое ущелье с двумя небольшими сливающимися речками, по берегам которых раскидываются в одном километре друг от

Рис. 2. Традиционные головные уборы (чухта)

друга два последних багульских селения (географически, следовательно, обособленных от остальных четырех) — Тлиси и Тлибино. Они находятся, так сказать, у открытых ворот "ахвахско-каратинского мира", и ниже "Тлибиновская речка" впадает в "Ахвахско-Каратинскую", которая далее поворачивает на северо-запад и у Ботлиха впадает справа в Андийское Койсу.

Багульские земли имеют умеренно холодный климат. Лесов мало. Есть пастбища. Более мягкими климатическими условиями, позволяющими разводить сады, обладают лишь участки, расположенные ближе к течению реки Андийское Койсу.

Небольшая по площади, но монолитная территория багульцов имеет следующий соседей: на западе (по ту сторону реки Андийское Койсу — чамчалов; на юге — тлибцов; на севере — аварцев селения Халетлари и далее ботлихцев и годобинцев; на востоке — каратинцев и ахвахцев.

Численность по данным 1925 года — 3301 чел. По цифрам районных инспекторов ЦСУ Госплана СССР (по Цхиндзиковскому и Ахвахскому районам) дана следующая таблица на август-сентябрь 1946 года¹.

Таблица I.

№ п/п	Селения	Число хозяйств	Число жителей
1.	Хуштада	309	1037
2.	Тлонцла	141	584
3.	Кванара	351	1091
4.	Гимерсо	93	353
5-6.	Тлиси и Тлибино	119	420
И т о г о :		1013	3485

¹ Хуштада, Тлонцла, Кванара — на I.УИ-46; Гимерсо, Тлиси, Тлибино — на I.ИХ-46 г.

Величина прироста за последние 20 лет (сравнительно с цифрой 1925 года) скрадывается, по-видимому, процессом ассимиляции, вследствие которого часть багулалов склонна называть себя аварцами.

Мало изученный багулальский язык относят к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы восточной, или дагестанской ветви кавказских языков. Аулы имеют свои говоры и наречия. Хуштада и Тлондода составляют одно наречие, Квандада и Тимерсо — другое; язык жителей Тлиси и Тлибишо ближе ко второму наречию.

Самоназвание: багулал (мн.ч.), багулав (ед.ч.). В имеющейся литературе, кроме термина Багулалы, приводятся наименования "ганитлала" ("ганитлало") и "кванадийцы". Первое из них А.Комаров (1873 г.) объясняет так: "Ганитлало от слова Ган — главное селение общества, известное также под аварским названием Хуштада"; от Комарова данный термин попал к И.Зарубину и Н.Яковлеву. Ошибка заключается в том, что слово "ган" (гъан) суть имя нарицательное — селение, аул, и термин "ганитлало — ганитлала" следовательно не этноним. Название "кванадийцы" (имеющееся у академика Н.Марра, И.Зарубина, Н.Яковлева) фактически обозначает часть, а не целое (группу багулалов сел. Квандада). В рассмотренных недоразумениях с этнонимами есть доля, отражающая незавершенность стадии национальной консолидации даже в первой четверти XX века (наличие аульных говоров и склонность жителей называть себя не шире, как по имени родного аула). Эти черты характерны, конечно, не для одних багулалов. Трудность выяснения этнонимов здесь в наши дни усложняется усилившейся за последнее десятилетие "аваризацией", — процесс естественный и закономерный, начавшийся до Октябрьской революции и ставший более интенсивным с созданием при Советской власти национальной аварской письменности и развитием аварской литературы.

Во избежание путаницы, еще на одном термине необходимо остановить внимание. По сообщению А.Комарова, "аварские племена делятся на две части: а) маарулал, т.е.

"горца" ² и б) багулал "в смысле грубого, бедные, нарядливые люди, едящие сырое мясо" ³. Кроме Комарова аналогичных показаний в литературе мы не имеем. Возможно, что в данном случае этот автор допустил ошибку (как у него случается не раз), смешав самоназвание описываемого нами малого народа Западного Дагестана с наименованием группы аварцев.

Приведу таблицу названий аулов на наречии багулальского языка. Общепринятые названия, помещенные в I-й графе, восходят к аварским формам.

Таблица 2.

Селения	По записям сел. Хунтада	По записям сел. Тлондода	По записям сел. Тлибишо
Хунтада	Хунтада	Гъусари	Гъундаба
Тлондода	Гъиндури	Гъиндучи	Лъиндоба
Кванда	Къванди	Къванди	Къванля
Гимарсо ⁴	Гъемарсо	Гъемарси	Гъемоль
Тлиси ⁴	Гъесси	Гъесси	Лъесси
Тлибишо ⁴	Гъобиши	Гъобиши	Съобиль

Этнонимические термины для обозначения соседних и более отдаленных народов на багулальском языке по записи в сел. Хунтада приводю в следующей таблице (см. табл. 3).

На вопрос о наименовании лезгин удовлетворительного ответа мои хунтадинские информаторы дать не могли. Лезгин по их показаниям — "лезгинади" или "хъйдакъади", т.е. "лезгин" или "кхейтаки".

² Это аварцы Хунзахского плата, а также аварцы обществ Ункратль, Технуцал, Бакли, Хидалал, Андалал, Куяла, Телетль и некоторые другие.

³ Это аварцы Кахибского района (общества Гилатль и Калеб), а также аварские общества Тляротинского и Чародинского р-нов.

⁴ По записям в сел. Тлибишо местные жители аварские названия селений Гимарсо, Тлиси и Тлибишо передают так: Гъемарси, Лисси, Либшо.

№ п/п	Н а р о д	Мн. число	Ед. число
1.	Аварцы	МагIаруды	МагIарулав
2.	Чамалалы	ЧIамалы	ЧIамалав
3.	Тиндалы	Идары	Идарав
4.	Ботлихы	БултIуды	БултIуль
5.	Годоберяны	Гьодобериды	Гьодобериль
6.	Ангийцы	Гьандиды	Гьандиль
7.	Каратыны	ЧIариды	ЧIариль
8.	Ахьвацы	Ягьвады	Ягьваль
9.	Хварцхы	Хвариды	Хвариль
10.	Бедятны	Бездасы	Бездас
11.	Цезы	ЦIумды	ЦIумль
12.	Лахы	Лакады	Лакав
13.	Даргынцы	ЦIадахIарды	ЦIадахIаль
14.	Кумыкы	ГьаргIиды	ГьаргIиль
15.	Грузины	Гуржиды	Гуржыв
16.	Ингусы	Гьалгьанды	Гьалгьанв
17.	Чеченцы (в натурн.полозе)	Кьалхиды	Кьалхав
18.	Чеченцы (в целом)	Чечанады	Чеченав

В качестве примера существования множественности терминов для обозначения этнического членения, которые, подчас, являются местными параллельными этнонимами, подчас говорят о незавершенности процесса национальной консолидации, а подчас представляют обозначения смешанных территориальных групп, приведу небольшую записку, сделанную мною в сел. Тлибшно:

1. Ахьвад (мн.ч.), ихьваль (ед.ч.)⁵ в значении — жители трех крайних на востоке батумальских селений (Имерсо, Тлиси, Тлибшно) и совокупности всех примыкающих к ним

⁵ По-аварски эти формы жители сел. Тлибшно передают так — пIахьвахьал (мн.ч.), пIахьвахьав (ед.ч.).

на востоке ахвахских селений;

2) багад (мн.ч.), багов (ед.ч.)⁶ в значении — жители трех главных багулальских селений Хуштада, Тлондада, Кван-ада;

3) кичтывад (мн.ч.), кичтываль (ед.ч.) в значении — жители основных каратинских селений (Карата, Арчо, Анчик, Рацитль, Тукита);

4) хьинцалад (мн.ч.)⁷ в значении — жители ряда селений южной части Ботлихского района, а именно — Тлох и Орто-коло (аварцы), Муны и Конхидатль (ангийцы), Ботлих (ботлихины), Нижнее Инхело (каратины).

Сведения, связанные с вопросами исторического прошлого (истории аулов) и отчасти этногенеза расположим в порядке просмотра преданий и других записанных материалов по трем этнографическим группам, на которые можно разделить багулалов: Хуштадинско-Тлондодинской, Квандинской, Тлиси-Тлибишовской.

Хуштадинско-тлондодинская группа

Соседями багулалов данной группы являются: на юге тинцалы, на севере багулалы селения Кванда, на западе река Андийское Койсу, отделяющая багулальский мир от чамалальского, на востоке ахвахские владения.

Хуштада. Предки хуштаденцев раньше не были сосредоточены в одном пункте как теперь, так как жители, впоследствии объединившиеся, делились некогда на три основные группы, жившие в разных местах: а) Эсси гъай, б) Шамхал гъай, в) Эли гъай.

Багулальское слово гъай соответствует употреблявшим-

⁶ По-аварски эти формы жители сел. Тлибишо передают так — багогал (мн.ч.), багалав (ед.ч.).

⁷ По-аварски эту форму жители селения Тлибишо передают — хьинцалав.

ся аравцами словом тлибий и тузум. Два последних выражения, наряду со словом тгай, также известны в обиходе багу-
дальской речи. Особого различия между терминами тгай,
тлибий и тузум современные багудалы не делают. Для них
это обозначение и более крупной родственной группы и бо-
лее мелких подгрупп (если данная крупная группа имеет
внутреннее подразделение на такие подгруппы или ветви).
Однако при более настоятельных расспросах можно получить
такой ответ, что тгай или тлибий это группа, а тузум под-
группа ⁸. С таким именно различием и будут употреблять-
ся эти слова ниже.

а) Поселения и земли эссинцев были расположены в не-
скольких километрах к западу от внешнего селения Хушта-
да в более низких местах, ближе к руслу реки Андийское
Койсу. Здесь, в 30 км от современной Хуштады находились ⁹
Кырах (место, населенное тухумами Салманилал и Юулеря)
и Эраи (в 2-х км от Хуштады) ¹⁰ место, населенное туху-
мом Букхал. Основным занятием жителей были колдовство,
садоводство и виноградарство. Это поселение сочеталось с
виноделием, широко распространенным в доисламский период.
Явство с тем держали скот. Эссинцы славились воинствен-
ностью. Главными их противниками были тиджалы, а также
ближайшие соседи — Эли тгай и Шамхал тгай. Кырах'цы (в
лице их передовых форпостов) с успехом, как говорят нынеш-
ние представители этого тгай, отражали набеги тиджалов,
сами же нападали на пастбища и поля Шамхал тгай'я и Эли
тгай'я (грабили скот и сжигали посевы). Свои собственные
стада они часто перегоняли на пастбищные участки элинцев.
Элинцы ловили скотину врагов, делали животным надоез на
шее и, привязав взрезанную кожу к дереву, хлестали свец

⁸ "Кьурейши кьибилалъул Гьанмиш тухумалъул" — пример раз-
яснения, записанный по этому поводу в с. Хуштада.

⁹ В настоящее время — поля колхоза, на которых находят сле-
ды старых построек.

¹⁰ В настоящее время здесь земные сараи для скота, принад-
лежащие колхозу сел. Хуштада.

с тем, чтобы те в изуродованном виде с содрванной шкурой возвращались в сторону Кырах'а. Кырах'цы не менее 5-ти раз в отместку устраивали походы против эсинцев, угоняли у них табуны лошадей, но завладеть землей все же не смогли. Кырах считался главным пунктом Эсси гый'я и наш рассказчик... его жителей (представители тухумов Салманлал и Юсупари) именовал и собственно эсинцами в качестве основного и преобладающего элемента всего гый'я. Много слабее был тухум Бульали, — "эресинцы", земля которых лежала ближе к области тиндалов. Эресинцы не в состоянии были с таким же успехом отражать экспансию Тинди и заключили мир на кабальных условиях, обязавшись ежегодно осенью платить тиндалам дань хлебом и шерстью. Такое положение длилось, как повествуют рассказчики, "пятинадцать лет". Эресинцам захотелось, наконец, освободиться от зависимости. Их поддерживали эсинцы. Против тиндалов был составлен заговор. Когда послы приехали в Эреси за очередной данью, их на третью ночь напоили допьяна. Затем эсинцам был подан из Эреси условный сигнал: женщина взойдя на холм и крикнула: "Наша черная корова пропала". По этому сигналу эсинское войско вступило в Эреси. На каждый дом, где спали враги, было назначено по десяти воинов, которые и перебили тиндалов. Спасся лишь один человек, который возвратился в Тинди и рассказал о происшедшем. Эсинский "хан" в ту же ночь приказал эресинцам со скотом и имуществом покинуть селение и перебраться в Кырах, где извселенцам обеспечили устройство на новых местах. К утру эсинцы сожгли опустевшее селение. Через три дня тиндальские войска пришли мстить, но увидели лишь кучи пепла. Они оставили в Эреси отряд и направились на Кырах. Эсинские разведчики успели предупредить о наступлении. Легенда передает: "Произошла битва, в которой было убито пять тысяч человек тиндалов. Остался в живых только один раненый, который прибежал к развалинам Эреси". Тиндальский отряд, узнав о поражении, немедленно удалился. Еще несколько раз тиндалы пробовали нападать на эсси, но безуспешно. Однажды в союзе с хвар-

ши ими они подошли ночью к башне, где сидел эссинский сторожевой пост. Предание повествует, что "тиндальские старики подкарались к башне и через отверстие в стене увидели, что там за круглым столом сидят 15 человек и едят суп одной ложкой, так быстро передавая ее из рук в руки, что никому не приходилось ждать. Решив, что этих людей победить невозможно, они поварили войско назад". Изложенные сведения местные традиции относят к доисламскому периоду, т.е. к поре, когда багулалы, по мнению рассказчика, были христианами. Стрельного оружия тогда не было.

Особая версия посвящена последующему отрезку времени — поре укрепления мусульманства, каковая для внутреннего нагорного Дагестана ¹¹ (а в это составе и для багулальской территории) падает на XV век.

Рассказ, как и все подобные легенды, схематизирует события. "Эсинец из тухума Салманилал убил эсинеца из тухума Юсулари. Кровник был выслен в Даргинский район, где жил магометане. Там он принял религию Мухаммеда и стал ученым арабистом. Но проступки некоторого времени состоялись примирение. Человек вернулся домой и начал распространять среди эсинецев ислам. Эссинский "хан" Юуп призвал его к себе, выслушал учение и решил сам сделаться мусульманином. Вслед за ним в трехмесячный срок мусульманство приняли все эсинцы". ¹² ~~От Эсин гъай'а ислам распространился в среде Эли гъай'а.~~ Однако соответствующие предания мы рассмотрим несколько ниже, когда речь дойдет до названных соседней эсинецев.

Во главе Эсин гъай'а, как видим, стоял "хан", представитель определенного тухума. В качестве такового для наиболее раннего времени старики называют тухум Юсулари. Этот тухум, говорят они, властвовал над эсинецами в течение 200 лет, вплоть до присоединения к ним других гъай'аз ¹².

¹¹ Современные Кахевский, Ахвахский и Цумадинский районы.
¹² Об этом моменте будет сказано ниже.

а после присоединения еще 80 лет. Затем власть перешла к тухуму Салманилал, а затем ее имели и иные тухумы, так как случались свержения одних и захваты первенства другими. "Но и до настоящего времени тухум Юсупари считается у нас почетным". Преобладание тухума Салманилал предания, естественно, связывают с эпохой распространения ислама. По этому поводу имеется следующая запись: "Сам хан Юсуп считал их праведниками и зисшими перед богом и людьми, потому что от них пошла наша вера и они были учеными. Их уважают и теперь. Инструктор Райс, принадлежащий к тухуму Салманилал, знает до себя "пятнадцать отцов" (поколений) и все они были арабистами". Что касается тухума Букьали, то эти люди считались ниже Салмановых и Юсуповых.

Не лишены интереса сведения об общественном устройстве этого периода.

Власть хана была наследственной и передавалась от отца к сыну. Он являлся лицом, возглавлявшим гъай и стоявшим во главе управления. Ханы были во всех гъай'ях. Они, как и другие жители, имели землю и скот, но также получали дань больше от соседних мест (если эти последние были им подчинены), чем от своих. Для разрешения вопроса о свержении хана сходились умные люди от всего гъай'я. Такое собрание называлось мажлис. На нем выступали представители тухумов. Новый "хан" избирался из состава того тухума, которому в данный момент удавалось оказаться в преобладающем положении и одержать перевес на мажлисе. Женились "ханы", преимущественно, на девушках раннего им общественного положения (большая часть принадлежавших к "ханским" фамилиям других гъай'ев или селений, как этого требовало представление о тухумной аристократии). Знатность, родовитость выражается термином гъен. Говорят, например, "Салманари гъениль агъло ида", что соответствует значению "Салмановы суть люди знатные (родовитые, относящиеся к знати)". Различение гъен и пережитки общественного неравенства тухумов существуют до настоящего времени. В каждом "хорошем" тухуме сел. Хуштада мне были названы подразделения, к ко-

торым приложим эпитет гъан, и в то же время "хорошим" тухумам были противопоставлены тухумы "низшие". Эссинские (а равно элиские и другие) "хань" — тухумная знать, "лучшие из лучших". Можно сказать, что в рассматриваемом обществе имел место процесс начала феодализации. Однако и эта часть багулальского мира и дружба, на которых я остановлюсь ниже, до развития феодализма не дошли. Замечу, что в XIX в. Хунтада вошла в состав шамилевского государства и управлялась по назначению Шамиля Закаевей из тухума Шамхал. После Шамиля управление перешло в руки бетаулов по назначению русских властей.

Общество Эси гъай с согласия "хана" выбрало трех старшин — гъадложиеб агъло (т.е. "порядок ведущие люди" или "управление ведущие люди")¹³; главный из них носил название члухлоб. Старшины выбирали несколько человек исполнителей — гъелиб¹⁴. Община имела свое войско — аскар. Им командовал гъечлэв аскарь ун ("великого войска глава"), назначаемый "ханом". Войско делилось на отряды. Каждый отряд имел два подотряда. Отряд — агъа, подотряд — къокъа. Командующий отрядом — агъа ун (т.е. "отряда глава"). В состав войска люди принимались после испытанья — сильные, здоровые, обнаружившие боевую способность. Они подвергались испытаниям двоякого характера: проверка физических качеств и навыков (бег, борьба, стрельба в цель и др.) и проверка характера (находчивость, выносливость, расторопность и т.д.). Чегозна, например, внезапно обливали холодной водой и озирали, как он на это реагирует; или незаметно клали испыт�емому в обувь камешки и следили, вынет ли

¹³ В настоящее время такое наименование носят полковые исполнители Лухтаинского колхоза, ведающие вопросами сохранности колхозного имущества и т.п.

¹⁴ В ед.ч. будет гъел; наименование гъелиб носят теперь полковые исполнители колхоза аула Лухтада, получая за работу по десяти трудовым в месяц каждый.

он их быстро (и тем проявит расторопность) или не вынет (и, следовательно, окажется надальновидным). В надлежащие периоды войско производило маневры и тактические занятия. Каждый воин должен был иметь наготове и в полной боеготовности боевое снаряжение. В старинных домах на внутренних подпорных столбах имелись вешалки — "рогач". Полеталось, чтобы на этих "рогачах" в порядке и всели лук, колчан со стрелами, меховая сумка с путевыми "законсервированными" продуктами, холодное оружие. Также необходимо было иметь наготове специальную высокую кожаную обувь (эсса). Целыми кодами по домам и проверяли боевую готовность людей. При обнаружении небрежности, на виновных налагались штрафы (зерном) — в первый раз в ординарном размере, во второй — в двойном. При третьей провинности виновный подвергался заключению. В состав войска входили мужчины из всех тухумов гьай'я. Если требовали обстоятельства, к отрядам присоединялись женщины и подростки, вооруженные всеми возможными средствами, ^{наряду с землями, которыми} имели тухумы и отдельные семьи, существовали поля, принадлежавшие гьай'ю в целом. Обработка их производилась коллективом общины, а урожай использовался для пропитания войска (если обычное индивидуальное питание воинов у себя на дому оказывалось недостаточным или невозможным). Для питания войска в надлежащих случаях каждый тухум должен был резать скот. Старинки говорят: "Люди тогда любили воевать, делать набеги, захватывать добычу. Тогда жестоко поступали с противниками, с двух хуштовс однажды содрали кожу и сбросили их со скалы за то, что они отказались идти в поход на Грузию. А в мирное время были очень веселые люди, готовили бузу, пиво и виноградное вино, играли свадьбы. Однако они были христианами".

б) Шамхал гьай по некоторым показаниям считал в своем составе три тухума: Шамхал, Кушиба, Кортлаба. По другим показаниям тухумы Кушиба и Кортлаба относились к Эсси гьай'ю. Основным считался первый из упомянутых тухумов. Владение тухума Шамхал — Дуугури (где находят следы когда-то существовавших построек) было расположено в горах

среди пастбищ в 10 км южнее местоположения современного селения Хуштада. Главным занятием шамхальцев было скотоводство; недостающий хлеб они путем обмена получали у эссинцев. Другие два тухума, территориально оторванные от Шутур, обладали землями к северо-западу от местоположения современного селения Хуштада, лежащими ближе к Къарах'у — центру эссинских владений и вообще имели больше связей с эссинцами: тухум Кушиба землями в местности Ёлрах в 5-ти км от Хуштада (в настоящее время здесь колхозные пастбища для весеннего выпаса хуштадского скота) и тухум Кортаса в местности Нарляжи в 3-х км от Хуштада (в настоящее время здесь колхозные сады, пастбища и земная ферма). Предание рассказывает, что во главе тухума Кушиба в качестве "хана" была женщина. Она вышла замуж за хундоронного человека из тухума Шамхал. Эссинцам удалось без труда присоединить к своим владениям тухум Кушиба; вскоре после этого к ним присоединился и тухум Кортаса, географически занимавший промежуточное место между землями Эсси и Кушиба. Труднее было подчинить тухум Шамхал. Этот период, как и другие моменты процесса "объединения племен", рассказчики связывают с порой воинственного распространения эссинцами ислама. Сперва эссинцы пробовали покорить шамхальцев непосредственно силой оружия, однако походы не имели успеха. Тогда придумали хитрость. Восмущенные эссинские люди засели на холмах, окружающих Шутур. В тот день на окрестных полях работали шамхальские мандари. Эссинцы выпустили на них человека, одетого в медвежью шкуру ¹⁵. Женщины в испуге побежали, мужчины были в тревогу и потянулись за мнимым медведем, покинув сады. Тогда эссинские воины свободно вошли в селение и похитили его. Шамхальский "хан" сидел на золотом катке ¹⁶ на крыше своего дома. Увидев, что се-

¹⁵ Обычный мотив в старых военных рассказах у народов северо-западного Дагестана.

¹⁶ Цилиндрический камень, снабженный деревянной рукояткой; предмет этот служит для укачивания плоской крыши жилого дома.

ление взято врагами, он спустился вниз и скрылся в подвале. Ханский дом сгорел. По преданию "хан" в то время бесследно исчез и "где он, никому неизвестно". Шамхальцы после этого разгрома частично убегали в сел. Тинди и в другие места, частично были взяты эссыдцами в качестве пленных и стали рабами. Они заселили южную часть верхней половины сел. Хуштада, где представители тухума Шамхал живут и поныне.

Между тем гидатлинцы, узнав о происшедших событиях и разорении Шутхури, захватили шамхальские пастбищные земли. Тогда эссыдцы поступили дипломатически. Они Гидатлю, с которым имели договор о мирных отношениях, уступили земли Шамхал-гъай'я за золото, а шамхальцам сказали - "ваши пастбища звали чужие, сами о них и заботьтесь, другой же земли взять негде". Упомянутая сделка с Гидатлем и ее последствия вызвали следующий рассказ, записанный мною: "По вопросу о шамхальских пастбищах сошлись в одном месте люди из общества Хуштада и люди из общества Гидатль. Гидатлинские люди положили на том месте золото и спросили: золото предпочтете или эту землю? Хуштадинские люди ответили: возьмем золото. Они знали, что взятое золото от них не уйдет, а взятая гидатлинцами земля (отделенная от владений Гидатля) все равно будет гидатлинцами утрачена. Так это и случилось".

Шамхальцы стали беспокоить гидатлинские стада, и гидатлинцы действительно вынуждены были в конце концов бросить шамхальские земли и удалиться.

в) Поселения и земли Эли гъай'я находились в 2-3 км к юго-востоку от расположения современного селения Хуштада. Их место ныне называется Хладжияруб бекъ (по имени последнего владельца, построившего здесь для своего скота бекъ, т.е. хлев). Они имели два тухума: Чалари и Гунашари (оба наименования по именам собственным, причем Чалари по имени "хана"). Главным занятием элидцев являлось животноводство. Любимой их пищей была кровяная колбаса - кушание, как пояснили рассказчики, не пригодное для правозерных му-

сультман, за что элинцев подчас и дразнят. Недостаток хлеба они возмещали путем обмена с эссинцами. Как мы уже знаем, им также пришлось обороняться от этих последних, охраняя свои пастбища. Предания упоминают о многократных стычках элинцев с эссинцами и окончательный исход борьбы возводят к той же эпохе распространения малама. Приведу рассказ, говорящий об этом событии. Эссе, присоединив к себе всех соседей кроме Эли гъай'я, стали большой и сильной группой, начинавшей сосредоточиваться, вместо прежней разбросанности, на территории, соответствующей нижнему кварталу современного селения Хуштада. Они хотели ввести ислам и у элинцев и присоединить этих последних к себе. Из-за этого они двинулись с войском на земли али, но потерпели большое поражение, так как места элинцев были очень удобны для обороны. Еще несколько раз безуспешно нападали на элинцев и наконец решили прибегнуть к помощи Гидатли. Однако и поход совместно с гидатлинцами не принес победы. Гидатлинцы вскоре отказались от участия в деле и вернулись в свои пределы. Эссинцы стали нападать в обход с возвышенности и окитали элинские поля. Элинцам надоели борьба. У них было два течения, соответствовавших двум тухумам: одно, стоявшее за продолжение войны, и другое, желавшее соединения с Эсси. Тенденция тухума Гунашари оказалась сильнее: решили призвать эссинцев для переговоров о заключении мирного договора. "Хан" от этого отказался. Тогда он был убит. Его тело разрубили на куски, сложили в мешок и зарыли в землю. Убийство произошло на месте, называемом Чало к'иваб бела (что значит "Чало убийства котловина") в 1 км на юго-восток от современного селения Хуштада. Затем элинцы выставили следующие условия соединения с Эсси: пусть эссинцы дадут нам поля в местности Хэа-лах (близ современного сел. Хуштада, к западу), виноградники на месте Чахъалли (близ современного сел. Хуштада к востоку) и место в северной части верхней половины сел. Хуштада для застройки. Условия эти были удовлетворены. Элинцы покинули свое старое селение и выстроили дома там,

где и до наших дней в сел. Хуштада живут их потомки. Ислам внедрился у них не так скоро и с большим трудом.

Так произошло "соединение племен", Хуштада стала сильной и единой. Земли были распределены по гъай'ям. Пахоту охраняли исполнители (тIздиби). Лесные угодья особенно строго охранялись — каждый тухум свое место. Жители соседнего сел. Тлондода как "малый народ" тоже находились, по эссинским легендам, под управлением Хуштады и платили хуштадцам дань продуктами животноводства и скотом, которого у них было гораздо больше. Яркий по воспоминаниям период "объединения" эссинцы связывают с именем "хана" Юсуа УП (представителя тухума Юсуаца), умершего через 15 лет после завершения дела. Это тот самый, упомянутый выше, "хан, при котором Эсси стали мусульманами. Предание говорит: "Шамхал гъай принял ислам на 3 года позже Эсси гъай'я, Эли гъай на 30 лет позже, после большой борьбы, а Тинди на 60 лет позже. Борьбу с тиндацами вел "хан" Юсуа УШ, но он не мог их осилить. Тогда пригласил на помощь гадатлинцев и дартинцев и одержал победу, покориив сел. Тинди и другие аулы тиндалов. Юсуа УШ при содействии тех же союзников взял и багудальское сел. Кванада".

Приведенная история показывает, что и аул Хуштада, как многие старые селения Внутреннего Дагестана, образовался из последующего соединения в одном пункте людей, первоначально живших в нескольких окрестно расположенных местностях. При этом ни одно из первичных поселений в данном случае не сохранилось и ни одна часть рассматриваемого аула в этом смысле не является первичной. Что касается характера приведенных показаний, то, конечно, следует признать, что здесь имеет место так же, как в подобных случаях всюду (при ответах на вопросы) пристрастность информаторов, естественно стремившихся превознести прошлое своего тухума (так что если собрать представителей разных тухумов, между ними неизбежно возникают споры), ибо приведенная история суть версия, записанная от эссинцев.

Следует заметить, например, что предания других гъай'ев роль объединителя приписывают иному лицу — "хану" Чинтиру из Шугъури, а не эссинцу Юсупу УП, причем имя этого Чинтира, как персонажа той же эпохи, известно и эссинцам.

Существование до-хуштадинских родовых поселений в упоминавшемся выше составе представляется неоспоримым, равным образом, как наличие в современном ауле трех тех же основных гъай'ев — Эсси, Шамхал и Эли. Разногласия вызываются лишь в том, какой гъай' считать "лучшим". В настоящее время наиболее многочисленным является Эсси гъай' (по некоторым показаниям он составляет 2/3 населения аула). Четкая локализация гъай'ев по определенным местам (кварталам) селения, достаточно выясненная в предыдущем изложении и показанная на схематической карте (Эсси в нижней западной части аула, Шамхал в юго-восточной половине верхней части аула и Эли в северо-восточной половине верхней части аула), в настоящее время начинает стираться. Селение теперь делится на более мелкие кварталы. Их количество — 7: Агъисса-Верхний, Гъикъиса-Нижний, Гъани къватла-Внутренняя улица, Назавал, Хамежи, Чивайкы, Гъелеси. В нем имеется общеаульный корт, т.е. площадка для мужских общественных собраний. В верхней части имеется корт Эли гъай'я. Здание главной мечети находится тоже на территории Эли гъай'я. В других частях селения было еще три малых мечети. Что касается кладбищ, то их в селении всего шесть.

Домедные до наших дней фортификационные сооружения сел. Хуштада находятся в его верхней (восточной) половине. Можно думать, что они были когда-то более значительными, чем сохранившиеся до нас вещественные остатки с одной стороны, и воспоминания, с другой.

Наиболее сохранившимися являются две башни (башня — шеб), одна из них круглая (на территории Шамхал гъай'я, по имени нынешнего домовладельца она называется Хубазаруб), служившая для защиты селения со стороны Тиси и Тинди. Другая башня — четырехугольная (на территории Эли гъай'я), (по имени нынешнего домовладельца она называется

Кьамаларуб), служившая для защиты со стороны селений Тлондода и Кванана. Крутая башня была соединена подземным ходом с особым крепостным сооружением — кьала. Кроме того, было еще две башни в северо-западной части и одно крепостное сооружение, так называемое Муцала-хьала в юго-восточной части на окраине аула; ныне эти здания в сильно переделанном виде загромажены общей застройкой, так что выявить их очень трудно.

По всем данным следует признать, что старейшей частью аула Хуштада является верхняя его половина. Предания уточняют это и указывают место Чивара анибах (первое слово — наименование какой-то птицы¹⁷, второе соответствует значению — "место среди камней"), откуда якобы началась постройка аула, недалеко от упоминавшейся четырехугольной башни (Кьамаларуб шоб) ближе к хьала, т.е. на территории Эли гьай'я. Это обстоятельство, как бы противоречащее версии о приоритете Эсси гьай'я в основании Хуштада, не должно нас смущать. Таково именно тут состояние неписанной истории в устах ее престарелых носителей. Важно лишь то, что древнейшая часть селения суть пункт, наиболее отвечающий стратегическим соображениям. Ничто не мешало ему быть эссинским центром, откуда распространялась дальнейшая застройка и рост аула.

На окраинах хуштадинской территории были тоже башни: круглая — Гьаех шоб (в 15-ти км от Хуштада), являвшаяся дозором (в ней сидел сторожевой страж в 10-20 человек) со стороны ахвахцев и гидатинцев, и четырехугольная — Чара-сала шоб, в направлении дороги на сел. Тиси и Тинди, в 10-ти км от Хуштада. Развалины этой последней мы видели, когда продвигались сюда по тропе из сел. Тиси.

Внешние связи хуштадинского общества протекали в условиях то мирных, то враждебных отношений с соседями и более отдаленными группами. Подводя итог и учитывая встре-

---

¹⁷ Какой именно — не выяснено.

чавшиеся выше упоминания, из близких следует назвать кванადийцев (жителей сел. Кваната), тиндилов, ахвахцев, аварцев общества Гидатль; из более отдаленных — даргинцев.

Из давних событий, относящихся уже к периоду после объединения, рассказывает о союзе с сел. Тинди и о семилетней войне с селением Кваната за лес Квари, находящийся к северо-востоку от Хуштады. Обе стороны имели там военные охранительные отряды и постоянно устраивали друг другу засады. При одной стычке было убито, как говорят хуштадинцы, "сорок человек наших и семьдесят человек кванадийцев; после этого лес остался за нами". На почве таких столкновений между хуштадинцами и кванадийцами возникали случаи кровной мести. На эту тему имеется, не лишенный интереса, небольшой рассказ, записанный в сел. Хуштада и как он подчеркивающий факт окончательной победы хуштадинцев. "Существовал обряд, по которому кровным мстителем мог быть тот, кто за один прием выпьет большой кубок вина. Однажды мы решили отомстить кванадийцам за убийство нашего человека. Тот, кто хотел мстить, выпил большой кубок, получил одобрение, вооружился и ночью тайно пошел в Кванату. Он в темноте подкрался к дому убийцы, посмотрел в окно, увидел врага, застрелил его через окно и спрятался на кладбище. Тогда поднялась тревога. Кванадийцы не могли найти мстителя и сказали: хуштадинцы так хорошо устраивают засады, что нам их никогда не победить. Так за нами остался верх".

Наконец, из области внешних дел селения Хуштада нельзя не упомянуть о набегах в Грузию за добычей и пленными. Пленные или выкупались, или оставались у захватчика как рабы, причисленные к тухуму захватчика. На эту тему в качестве иллюстрации приведу хуштадинский рассказ об одном грузинском пленнике. "Дело было более ста лет тому назад. У одного человека из Эли гъай'я, относящегося к тухуму Чалари по фамилии Ганжикова работал пастухом очень храбрый человек по имени Михаил. Этот Михаил еще ребенком был взят в плен в Грузии и привезен в Хуштаду. Он захотел

освободиться и нашел пещеру высоко в скалах. Чтобы узнать, известна ли эта пещера местным жителям, он у входа в нее положил сумку и другие чабанские вещи. Две недели вещи пролежали нетронутыми. Убедившись, таким образом, что пещера может быть для него убежищем, Михаил спрятал там запас продуктов. Он украл в одном хунтадинском доме огнестрельное оружие, скрыл его в камышах и в ту же ночь вернулся к стаду. Там, на пастбище, ночевали два сына Ганжикова. Они спали. Михаил заколол кинжалом одного, а другого тяжело ранил. Раненый, однако, успел выстрелить, но, не дожидаясь помощи, умер и Михаил убежал в пещеру. В то время в двух концах аула всегда находились сторожевые отряды. Вострал был знаком тревоги. Тотчас люди поднялись и обнаружили убийство. Скрывшегося Михаила искали целую неделю. В поисках принимали участие не только хунтадинцы, но и жители селений Тлондода и Кваната. Наконец сказали: нет-ли его вон в той дыре на скалах. Вскрабавшись к пещере вызвался некто Юсуп. Остальные ожидали внизу. Когда Юсуп поднялся и убедился, что убийца действительно в пещере, он из предосторожности крикнул вниз, что будто бы в пещере никого нет и спустился. Внизу он все рассказал. Тогда люди заложили вход в пещеру сеном и подожгли. Михаил выпрыгнул. В него стреляли. Будучи ранен, он не мог бежать, был схвачен, подвергнут истязаниям, которые мужественно перенес, и сожжен на костре.

Тлондода. Селение это находится в нескольких километрах восточнее Хунтады и является ее ближайшим соседом. Оно гораздо меньше Хунтады. Его жители делятся на три гъай'я: а) Шамхали гъай, имеющий внутри себя подразделения (тухумы) — Гумарилал, Колаба, Апаханари; б) Бехи гъай с подразделениями Пасилалта, Клатлахлари, Чотлоба; в) Гъачилима гъай, подразделений на тухумы не имеющий. По сведениям, полученным от старика, представителя Бехи гъай'я (члена тухума Пасилалта) — "лучшим" (в том смысле, что это местные, постоянные люди) считается Бехи гъай. Наименование его географическое. Слово "бехи" значит нижняя

часть склона 18. Шамхали гъай (по имени Шамхала, родоначальника) по этим показаниям происходит из Гидатля, а Гъачлима гъай — от пленников, не выкупленных на свободу и оставшихся в Тлондодзе. Между Беки гъай'ем и Шамхали гъай'ем было соперничество за преобладание, пережиточно сохранившееся. Делений на кварталы и локализации дворов по гъай'ям в этом сравнительно небольшом селении не прослеживается. Однако кладбище имело членение на участки по гъай'ям, ныне уже не сохранившееся. Преданий о "дотлондодинских" разбросанных поселках нет. Можно предполагать, что этот аул по своему происхождению сам восходит к первичному здесь заселению.

Тлондодинцы в прошлом имели довольно значительные крепостные сооружения, частично сохранившиеся (башни были разрушены в XIX веке во время Кавказской войны). В самом селении было три башни, взаимное расположение которых образовывало треугольник, и крепость — хъала. Башни, как говорят, соответствовали трем гъай'ям. Остатки одной башни (ее первый этаж) удалось осмотреть. Это массивная четырехугольная кладка (толща стен 65 см) с ~~интерьером~~ внутренне-го помещения 2,4 x 2,8 м. По преданию ~~башня~~ эта принадлежала Беки гъай'ю. Башня была соединена подземным ходом с двумя другими. Часть тоннеля близ здания мечети сохранилась. По словам местных жителей, главное предназначение башен — охранять воду ~~имеющегося~~ в селении родника, чтобы враги не отравили ее. Крепость хъала представляла собой прямоугольную в плане двухэтажную постройку, в которой могло помещаться "семьдесят человек военных людей". Желая подчеркнуть значительные размеры сооружения, рассказчики добавили: "Крепость была раз в пять больше здания сельсовета". В крепость по глиняным трубам была проведена вода. Имелся всего один вход. Окна были круглые 19. В кре-

18 Для обозначения различных частей склона имеется 3 термина — агъи (верхняя часть), бакъак (средняя часть), беки (нижняя часть).

19 Предполагаю, что имеется в виду особый тип окна, встречающийся в старинных постройках, напр., в Гидатле, Кособе.

пости весной 1,5-2 месяца жили военные люди кьокьаби, специально отобранные в возрасте от 18 до 40 лет, здоровые и сильные, а также умные старики". Интересно, что эти военные люди вербовались из неженатых. Их времяпрепровождение в период проживания в крепости состояло из воинской подготовки, пиршеств с употреблением вина, танцев и увеселений. По истечении положенного срока обитатели покидали крепость: старшие шли работать по своему хозяйству, а более сильные и молодые направлялись в набег для захвата добычи и пленных в различных местах Дагестана, а также в Грузии²⁰. Указанный порядок военной организации напоминает кубачинский союз неженатых. Параллельно к хьала и кьокьаби тлондодинцев являются в Кубачах гулала кал (дом неженатых), гулала акв букун (собрание союза неженатых). Следует еще добавить, что для ведения войн с соседями и отражения нападений тлондодинцы могли выставить ополчение, делившееся на отряды по 25 человек в каждом. Войском командовал игьиль ун, т.е. "войска глава", отрядом — кьокьал ун, т.е. "отряда глава".

Для обороны против внешних вторжений тлондодинцы имели укрепление Шебильи хьала в расстоянии около 0,5 км от аула в северо-восточном направлении и ряд принадлежавших обществу башен, тоже вне аула, а именно: Гьетгах в восточном направлении (приблизительно в 20-ти км), Шебальи пасах в северо-восточном направлении, в 5-6 км. Обе упомянутые башни были защитой со стороны ахвахцев и гидатлинцев. Далее — башня Кичела в юго-восточном направлении близ аула — для защиты от нападения ахвахцев; Рекьала в северо-западном направлении (близ аула) со стороны селения Кванада. В эту же систему рассказчики включают башню Чарасала на юго-западе со стороны Тинди, о которой было сказано нами выше, когда речь шла о фортификационных сооружениях Хуштада. Следует вообще полагать, что тлондодин-

²⁰ Набеги в Грузию прекратились при Шамиле /точнее — по окончании Кавказской войны в Дагестане в 1859 г.—ред./.

ские башни вместе с хуштадинскими составляли единую систему в целом находившуюся под общим контролем Хуштады, основные элементы которой служили для защиты от возможных нападений на широкой территории, главным образом с востока. Это опасное восточное направление открывало обходный путь по высотам, по которому имели обыкновение делать нападения цудахарцы, т.е. даргинцы. На общность внешних укреплений селений Тлондода и Хуштада указывают тлондодинские предания. "Тлондода и Хуштада имели союз, вместе пользовались землями и вместе их охраняли. Враги делали набеги и устраивали засады. Главными врагами были ахваццы, аварцы Гидатля, даргинцы". Несмотря на порой враждебные взаимоотношения с селением Тинди и группой других тиндальских аулов, а также с селением Кванада и группой других багулальских аулов хуштадинско-тлондодинский союз в иную пору превращался в более широкий союз, который можно назвать багулало-тиндальским и в который, помимо основных четырех селений (Хуштада, Тлондода, Кванада, Тинди), входили багулальские Гимерсо, Тлиси, Тлибишо и тиндальские Ангида, Акнода, Тиси. Союзнические взаимоотношения с тиндадами считаются старинными, а перерывы в них и случаи возникновения вражды предания относят главным образом ко времени "после распространения ислама". Названный широкий союз, естественно, служил для обороны от более отдаленных врагов — даргинцев и аварцев. Если в преданиях селения Хуштада прослеживаются воспоминания о случаях гидатлинских нападений, то те же элементы в преданиях сел. Тлондода, выдвинутого со своей территории на восток, выступают ярче. Говорится, что временами приходилось платить дань Ураде (несколькими быками в год от всего аула или по одной овце с двора). Когда же борьба между Гидатлем и соседним с ним Хунзахом приводила к победе этого последнего, дань шла в Хунзах, который был очень силен, делал нападения и никого не падал.

Из центра Гидатля Урады, по тлондодинским преданиям, в Тлондоду распространился ислам, вытеснивший христианст-

во. По вопросу о рубеже между христианством и исламом приведу некоторые соображения, относящиеся к Тлондоде и Хуштаде вместе.

а) В сел. Тлондода записано следующее предание, относившееся к делу, в аналогичных чертах обрисовываемому и хуштадинцами: "Раньше мы были христианами. В то время кругом на холмах были круглые башни, в которых находились дозорные отряды. Вооружением служили луки со стрелами. В случае опасности передавался сигнал из башни в башню, и в селении поднималась тревога".

б) Старая петроглифика, встречаемая в сел. Тлондода, равно как и в селении Хуштада, среди разных изображений дает в значительном количестве фигуру креста.

в) Наименование креста по-багулальски, как и по-азарски, хьанч (по-грузински хати, по-армянски кач).

г) Значение знака креста объясняется в сел. Тлондода так: "Говорят, что хьанч это бог. Наши женщины имели обычай изображать хьанч на хлебе для красоты и для удачи".

д) По свидетельству местных жителей, на старых кладбищах при новых захоронениях и случайных раскопках местные жители находят кресты и круглые предметы ²¹, объясняя это тем, что в христианский период люди хоронили с вещами — "ваши с луком и стрелами, пшеницу с вышивкой пушином, музыканты с инструментом, женщину с украшениями".

е) В сел. Тлондода мне удалось записать от некоторых стариков родословные в 10-12 поколений. Такая родословная восходит обычно к предку, про которого говорят, что он был христианином, а дальше уже не помнят. Отсюда, исходя в среднем на поколение 25 лет, можно вывести ориентировочную дату, близкую к середине XVII века, и полагать следовательно, что и в эту позднюю пору какие-то остатки христианства еще у хуштадинцев и тлондодинцев существовали.

ж) Считаю заслуживающим внимания приведенное выше показание о проникновении в данную местность ислама со сто-

---

²¹ К сожалению, эти предметы мне показаны не были.

роны Уради, я полагаю, что географически наиболее вероятным направлением этого процесса будет путь; Хунзах-Гидатль-тлондодинско-хунтадинское нагорье. И если в Гидатле, как это мной показано в своем месте, ислам более или менее окончательно вытеснил христианство лишь в XV в., то на территории рассматриваемого нагорья наступление того же момента, как следующего за Гидатлем звена, естественно могло происходить позднее и захватывать XVI в. и даже первую половину XVII в. Вместе с тем весь выведенный отрезок времени (XVI - первая половина XVII в.) был отнюдь порой, в течение которой происходило описанное выше территориальное объединение гъай'ев.

3) В заключение обзора хунтадинско-тлондодинской группы багулалов следует указать, что по хозяйству, материальной культуре и бытовым чертам этот комплекс представляется в основных чертах однородным и целостным.

Кванадинская группа

Данная группа багулалов граничит на юге с хунтадинско-тлондодинским нагорьем, на севере с аварцами сел. Хелетлери (за которым еще севернее начинаются владения ботлихцев), на западе с землями чамалалов (отделенными течением реки Андийское Койсу), на востоке с багулалами селений Тлиси и Тлибишо.

Кванада. Перед нами теперь самое крупное по количеству обитателей и дворов сел. багулалов, именуемое местными жителями К'ваналь и расположенное километрах в 10-ти к северу от селений Хунтада и Тлондода в качестве их непосредственного соседа, отделенного однако от них пересеченным рельефом. Предыстория сел. Кванада имеет некоторое сходство с Хунтадинской предысторией. Предки кванадинцев представляли собой четыре гъай'я (на которые до настоящего времени делятся жители сел. Кванада) - Атачаби, Хораби, Манакоби, Баргяналта, - и первоначально жили в четырех поселениях (каждый гъай в своем месте), расположен-

ных в окрестностях современного местоположения аула. Затем обитатели всех этих первичных поселений объединились, и таким образом, основался более крупный населенный центр (те же четыре гъай'я), каковым рассматриваемый аул предстает перед нами и в настоящее время. Первоначальные места поселений были следующие:

1) Лачи (в 2-3 км ²² в сторону Ахвахского района) — поселение Агачаби гъай'я.

2) Гварайни (в 1,5 км в сторону р. Андийское Койсу и современного районного центра Атвали) — поселение Хораби гъай'я.

3) Гъокъ ²³ — Ревъала (в 2-х км в сторону сел. Тлондола) — поселение Манахъоби гъай'я.

4) Тлад ²⁴ — Ракъала (в 2-х км в сторону сел. Хуштада) — поселение Барганада гъай'я. Причину объединения четырех гъай'ев и образования единого аула местные версии объясняют обычно в духе следующего, записанного мною тут показанья: "Гъай'и постоянно боролись друг с другом, производили друг на друга нападения с убийствами и грабежами. Тогда люди решили собраться в одном месте, чтобы быть сильнее, и образовали сел. Кванада". Роль объединителя некоторыми рассказчиками приписывается человеку по имени Була Пумар, которого здесь, как и хуштадинцы подобных ему по общественному положению лиц, называют "хачом". Була Пумар по преданиям жил 300 лет тому назад. Эта дата (определяющая время жизни указанного лица), равно реальность этого героя кванадийской истории и его большую роль в жизни общества подтверждаются арабской надписью на внешней стене большой аульской мечети, старинного здания, находящегося близ наиболее старой части аула. Надпись сделана на прямоугольном камне, положение которого в кладке не оставляет сом-

²² Расстояние здесь и дальше указывается по отношению к местоположению сел. Кванада.

²³ Гъокъ — нижний.

²⁴ Тлад — верхний.

нения в принадлежности его именно к этой постройке. Тут читаем: "Этот камень сделал Була Пумар, 1051 г.". При переводе на европейское летоисчисление получается 1641 г. Другие рассказчики объединение гъай'ев не связывают с именем Була Пумара и считают, что эпоха этого "хана" относится к более поздней поре. Бесспорным остается одно: в первой половине XVII века аул Квангада, как селение 4-х гъай'ев, уже существовал, ислам в нем был достаточно укреплен, и во главе управления стоял человек, имя которого одинаково передают и предания и надпись. Ввиду того, что рассказчики рисуют эпоху Була Пумара так, что Квангада со всем ее народом и укрепившимся исламом отнюдь не представляется только что основанной, я думаю, что начало периода объединения связано и тут со сменой остатков христианства религией Мухаммеда, можно полагать падением на XVI век. Таким образом устанавливается та же, что для хунтадинско-тлондодинского нагорья полутрестолетняя датировка (XVI в. — первая половина XVII в.), относящаяся к поре важных перемен.

Самый процесс объединения совершался, конечно, так же, как в сел. Хунтада. Один из гъай'ев усилился, получил преобладание и подчинил себе остальные гъай'и. В данном случае можно думать, что это был или Атачаби гъай или Хораби гъай, к которому принадлежал Була Пумар. О правлении этого последнего существует рассказ, который интересно будет привести. "Була Пумар был сильный человек из Хораби гъай'я и командовал в Квангада всеми. К нему пришли посланные из Хунзаха требовать лесные и пастбищные земли. Он пригласил их в свой дом и сказал: что могу дать, дам, а чего не могу — не просите. Потом показал им большой деревянный столб в комнате, бурку и баранью шапку. Те спросили, почему у тебя такой большой столб, такая высокая шапка и такая большая бурка? Он ответил: столб — моя жена, он держит дом и сделан из бревна, добытого в наших лесах; высокая шапка — овцы — наше богатство; бурка — моя летняя постель на пастбищах; если задумали что-нибудь из

этого просить, все равно не дам, но возьмите сто деревьев, которые мы вам срубим и везите к себе. Так хуизаути не получили того, чего хотели. Була Пумар был богат и ему подчинились не только люди Хораби гъай'я, но и остальные кванадинские гъай'я. Он ведал общегульскими виноградными садами в местности Агъикъи, так что без его разрешения нельзя было собирать урожай ²⁵. Он ведал также воинской охраной селения. Он был суров и требовал повиновения. Однажды Була Пумар, желая проверить покорность жителей, потянул всех мужчин и женщин на виноградник Агъикъи. Когда те пришли, он велел им идти обратно. Так повторялось три раза. Люди возмутились, отказались повиноваться и пожаловались сестре Була Пумара. Она же его убила" ²⁶.

Приведенный рассказ дает дополнительные штрихи к характеристике багудальских "ханов", затронутый мной выше в разделе о Хуштаде. И там и тут это явление одной категории.

Фортификационные сооружения кванадинской территории представляли собой развитую систему. Их остатки или воспоминания о них суть отображение того давно ушедшего своеобразного быта, с которым познакомились по хуштадиноким материалам и в условиях которого столь значительное место занимали военные столкновения, борьба с соседями и забота об отражении вражеских нашествий и вторжений. Башни (четыреугольные или круглые) были в поселениях "докванадинского" периода. Так, по словам жителей, еще можно видеть следы двух башен в Лачи (первичного поселка Атачаби гъай'я) и следы одной башни в Гварейни (первичном поселке Хораби гъай'я). Кроме того, в недалеком расстоянии от своего поселения Атачаби гъай'я имел дозорную башню Агъикъи шед ²⁷.

²⁵ Этот виноградник находится в 4-х км от аула; в настоящее время он принадлежит колхозу сел. Кванада.

²⁶ По другой сходной версии Була Пумар был убит братом.

²⁷ От этой башни, как говорят, сохранилась нижняя часть, высотой до шести метров.

(в сторону к реке Андийское Койсу), охранявшую названный выше виноградник, а Хораби тгай дозорную башню Хилири шеб (тоже в сторону реки Андийское Койсу). У Манакшаби тгай-я поблизости его поселения Гьок-Рекъала имелась дозорная башня Къварали шеб (в сторону реки Андийское Койсу). Наконец, кванадинские старики называют местность Рекъала на границе с землями сел. Хунтада, где якобы сохранился фундамент башни, служившей, по их мнению, для охраны от хунтадинцев. Про то же место, как мы знаем, предания сел. Хунтада утверждают обратное (башня будто бы ихняя и служила для охраны от кванадинцев). Чья бы она ни была, важно то, что таким образом взаимно подтверждается наличие в прошлом между этими соседями периода борьбы и вражды.

В самом сел. Кваната мы попали на следы существовавшего здесь целого комплекса общественных сооружений, служивших для целей дозора и обороны. Из них прежде всего надо назвать Хъала Басхъан. Это — сравнительно хорошо сохранившаяся постройка — одна из самых старых в сел. Кваната. Она представляет собой большой двухэтажный дом с плоской крышей. Кладка стен состоит по преимуществу из крупных прямоугольных блоков различных величин, образующих ряды. Многие блоки украшены линейной резьбой (изображения оседланной лошади, фантастических животных, спиралей, кругов с внутренней лучеобразной расшивкой, прямоугольников с ромбическим членением, различных фигур в виде решеток и т.д.). В расположении этой петроглифики наблюдается некоторая правильность, не дающая однако ясного разрешения вопроса (в смысле фактического ответа — были ли эти камни специально сделаны при построении дома или взяты как готовый материал из другой более ранней не сохранившейся постройки). В стенах имеются двойные и одинарные окна арочной формы, вырезанные в массивных брусках, заполняющих оконные проемы, а также маленькие овальные стрельчатые и прямоугольные отверстия непосредственно в кладке. Об окнах и этих отверстиях мы упомянем при описании внутренних по-

мещений дома. Наибольшая высота постройки 7,5 метров ²⁸. Толщина стен 60 см. Общий размер в плане 14 x 8,7 метров. Первый этаж (ныне необитаемый) — удлиненный прямоугольный зал, площадью около 90 кв.м (12,8 x 7 м), высотой в 3,1 м. Продольная стена, соответствующая главному лицевому фасаду, имеет довольно высоко расположенные амбразуры, соответствующие упоминаемым выше отверстиям во внешней стене. Под этими последними сохранились следы деревянной полки (на высоте 1,6 — 2 м выше уровня пола), стол на которой находившиеся здесь бойцы могли стрелять через амбразуры. Торцовая стена зала (соответствующая фасаду, выходящему в переулок) имеет два обычных арочных окна, прорезанных, как говорилось выше, в деревянных брусках, вставленных в проем. Окна закрывались изнутри толстыми ставнями. В одном углу зала имеется лок в подземное помещение, в другом, у задней продольной стены, деревянное зернохранилище и перегородка такой же конструкции как во втором этаже, о чем будет сказано ниже. Второй этаж, являющийся сейчас жилым, представляет собой зал, аналогичный залу первого этажа, но несколько выше (3,7 м). В нем отсутствуют амбразуры, но имеются старые окна, сходные с типом окон нижнего зала: в стене, выходящей на улицу, двойные и обычные; в стене, выходящей в переулок, — двойные. Вдоль задней длинной стены зала стоит перегородка. Она сделана из горизонтальных деревянных массивных пластин, перерубленных в трех местах короткими поперечными стенками тоже из горизонтальных пластин, соединенными с перегородкой в полдерева. Эти поперечины с лица похожи на столбы и увенчиваются характерным монументальным кривообразным выступом. Описанная перегородка (в данном случае одинаковая в обоих этажах) — основная конструктивная часть дома, типичная для старейшего слоя народной архитектуры багуллов. Она несет на себе главную тяжесть перекрытия. Нижняя часть перегородки украшена розеточной резьбой и имеет круг-

28 Так как дом стоит на склоне, тыловая его часть несколько ниже.

лые отверстия, через которые вынималась заготовленная для освещения лучина. За перегородкой кладовая. Пол зала деревянный. Из нем выделяется, уложенная каменными плитами квадратная площадка, вместо очага. В составе первоначального убранства зала имелись большие деревянные резные диваны. Один стоял у продольной стены с окнами, другой — вдоль поперечной стены ближе к очагу. Старички рассказывают, что люди, сидевшие в хъала Басхъан стреляли из луков, а в более позднюю пору из кремневых ружей. Главной линией, откуда велся обстрел, считался ряд амбразур первого этажа. Второй этаж преимущественно служил жилым помещением для стороживших, но и из него можно было стрелять. Наличие в одном и том же оборонительном сооружении одновременно сделанных узких отверстий с амбразурами и более широких окон, защищенных тяжелыми ставнями, мне кажется, признак того, что первоначально оружием действительно здесь были лук и стрелы и что наличие амбразур не является признаком, который свидетельствовал бы об употреблении только огнестрельного оружия. Это обстоятельство подтверждается: а) не раз записанными мной в разных аулах северо-западного Дагестана рассказами об употреблении лука и стрел при стрельбе из башен; б) общеизвестным фактом позднего бытования у народов Северного Кавказа и Дагестана лука (которым, как обычным оружием, правда наряду с огнестрельным, еще пользовались в первой половине XIX века).

Остается сказать о собственном наименовании крепости, усвоенном, по-видимому, в более позднее время по имени некоего Басхъан'а Халла из Атичаби гъай'я, командовавшего сторожевым отрядом и жившего пять поколений тому назад, как считают его потомки, современные хозяева данного дома, добавляя, что "это было задолго до Шамиля, тогда, когда освещением всюду служила лучина, а в крепости впервые зажгли чирах".

Называть ли описанное здание крепостью, как чувствуется из точного перевода, присвоенного ему термина, или "домом общественной стражи", важно то, что оно вместе со связан-

ным с ним другим сооружением (не сохранившейся башней, в которой тоже сидел сторожевой отряд) фланкировало наружный вход (кав, т.е. ворота) в селение. В настоящее время ворот нет. Имеется сравнительно узкий проезд или проход, образованный главной фасадной стеной хъала Басхъан и соседним домом. Башни тоже нет, но квандинцы следы ее кладки показывают в наружной стене дома, расположенного против хъала Басхъан. Бойницы башни и бойницы хъала Басхъан глядели друг на друга. Оба сторожевых отряда могли обстреливать врага с двух сторон, если бы тот вздумал подойти к воротам сел. Кванадя. Башня и хъала Басхъан соединялись между собой подземным ходом. Другое ответвление хода шло из хъала внутрь селения. Вся оборонительная линия с воротами являлась восточной границей селения. С других сторон защитой служила природная недоступность местности и эта последняя, как пункт, удовлетворявший долгим стратегическим соображениям, естественно являлась старейшей частью поселения. В наши дни это уже не окраина, а чуть ли не центр.

Квандинцам приходилось иметь столкновения и с ближайшими соседями, такими как Хунтада и Гимерсо, и с более отдаленным противником (гидатлинцами и другими). Относительно столкновений с сел. Хунтада у меня имеется запись: "С хунтадинцами мы воевали из-за пограничных земель. Был случай, мы у них взяли баранов, а они у нас лошадей. Войска обеих сторон сошлись, но боя не было, так как и мы и они согласились похищенное вернуть". События рассказчиками не датируются, но совершенно ясно, что они отражают положение, относящееся главным образом ко времени до установления русских порядков (вторая половина XIX в.) и восходящее своими корнями к предшествующим более ранним периодам.

Особенно любят рассказывать о вражде с сел. Гимерсо и о нападениях гидатлинцев. Приведу несколько преданий.

"С гимерсинцами воевали из-за леса. Они приходили на наши лесные владения и вырубали деревья. По этому поводу

случилась драка, так как мы стерегли лес и не пускали чужих, а в случае захвата воров, отбирали бревна. Однажды лет 150 тому назад тиммерсинцы без разрешения срубили в нашем лесу самые большие деревья. Кванадинский отряд из 50-ти человек пошел искать, но на них неожиданно напали тиммерсинцы и многих ранили. Наши люди тогда собрались на месте Гьёкюшля ²⁹. Тогда тиммерсинцы велели своим женщинам в селении надеть мужские дубы, чтобы казалось, что тиммерсинские мужчины дома. Затем незаметно подступили к месту Гьёкюшля и убили 40 человек наших, когда те ничего не опасались и занимались бритьем. После этого кванадинцы собрали большой отряд, напали на Тиммерс и всех жителей перебили. В живых остались один мальчик и одна девочка. Им позволили жить в опустевшем селении. От этой пары снова размножились люди, и селение Тиммерс опять возродилось".

Вот другое предание, тоже относящееся к прошлому, стереотипно относимое, со всеми качествами фольклорной датировки, тоже ко времени "сто пятьдесят лет тому назад". "Селение Тиммерс было малое, а селение Кванада большое. Тиммерсинцы решили договориться с кем-нибудь о помощи. Они обратились в Гидатль, потому что ~~именно~~ гидатлинцы, являвшиеся мусульманами, тогда как мы еще не приняли ислама, относились к нам враждебно. Они хотели распространить у нас мусульманство, а мы противились. Таким образом тиммерсинцы без труда сговорились с гидатлинцами. Гидатлинцы обещали прислать в помощь 80 чел. вооруженных всадников. Тиммерсинцы обязывались содержать это войско. Слух о приближении гидатлинского войска дошел до сел. Кванада, и мы устроили гидатлинцам ловушку. К ночи, когда отряд приближался, мы на глубоком озере, что по дороге, разложили бревна и закрыли воду, как будто это суша, а в середине развели костер. Гидатлинцы в темноте поскакали на

²⁹ На восток от селения Кванада, т.е. в сторону сел. Тиммерс.

огонь и провалились в воду. Они утонули в озере. Наши люди сидели в засаде. Они и остальных сбросили в воду".

Несмотря на то, что некоторые кванадинцы в беседе со мной проявили к этому преданию скептическое отношение, данный рассказ ни в коем случае нельзя не принимать во внимание. Реально в нем представляются багулало-тидэтинские взаимоотношения и кванадино-гимерсинское соперничество.

"Селение Кванада охраняло свои угодья при помощи сторожей и караулов. Один караул, состоящий из четырех человек, был поставлен против гимерсинцев, чтобы те не пускали на наши земли скот. Однако гимерсинское стадо переступило границу. Караульщики хотели его задержать, но на них четверых напало множество гимерсинцев. Никто в тот момент не мог прийти на помощь, потому что мужчины были в лесу на мольбище, где во время засухи молятся о дожде. Когда о происшествии всем стало известно, кванадинское общество послало в Гимерсо двух уполномоченных для выяснения дела. Имя одного Исмаил Арган, другого - Халим Гамуш. Гимерсинцы, вместо того, чтобы извиниться, сказали: пока мы живы, так и будет. Таким образом они отвергли мирное разрешение вопроса. Началось дело. Кванадинцы вырезали себе в лесу большие палки, у которых обрубали сучья. Каждый вооружился палкой. Затем разделились на два отряда, окружили гимерсинцев. Один отряд был сверху, другой - снизу. Им сказали: вы не хотели мира, так умрите. Гимерсинцы стали друг к другу спиной и вынули кинжалы. Кванадинцы принялись их бить палками. Кого убили, кого ранили, кто убежал, а кинжалы все остались на земле". Вражда между сел. Кванада и сел. Гимерсо возникала, главным образом, из-за пользования лесами и пастбищами, так же из-за воды для орошения. Пережитки этого антагонизма, правда в слабой степени, доходят до наших дней.

2) Гимерсо. Местное наименование аула Гьемал. По местным преданиям раньше селение было расположено по ту сторону реки у самого подножья отвесных скал. Пастухи

сверху определили опасность обвала, и селение переместилось по эту сторону реки. Мне пришлось быть здесь только проездом и потому гимерсинских преданий записать не удалось. Общее наблюдение показывает, что культура жителей сел. Гимерсо сходна с культурой сел. Кваната. С точки зрения экономической географии эти два аула представляют один район, который можно было бы назвать среднебагулальским (по отношению к двум другим). Но в этнографическом отношении сел. Гимерсо представляет собой особое переходное звено между багулалами сел. Кваната и багулалами сел. Тлиси и Тлибишо, ближе тяготея к этим последним.

Тлиси-тлибишовская группа

Это наиболее выдвинутая на восток багулальская группа граничит на севере с каратамаи, на западе с кванатинско-гимерсинскими багулалами, на востоке с ахвахами. На юге пролегает водораздел, за которым начинается Кахлбский район (бассейн р. Аварское Койсу). Первым, если ехать из Гимерсо, за перевалом будет небольшой аул Тлиси и сразу за ним приблизительно в расстоянии одного километра (вниз по реке) более крупный аул Тлибишо. Оба пункта взаимным расположением представляют собой в сущности одно поселение, вытянувшееся вдоль реки двумя разобщенными частями. Надо ли говорить, что в отношении культуры это единство, как единство третьей и последней в нашем обзоре багулальской группы (которую с присоединением сюда же сел. Гимерсо³⁰ можно назвать восточной), вполне подтверждается. Непосредственные связи сближают данную группу багулалов с бытом и культурой соседних ахвахских селений.

В сел. Тлиси жители делятся на два тухума (Къанпалъа и Паликьадуб). В сел. Тлибишо — тоже на два (Сумалъе в верхней части аула и Хумалъе — в нижней, причем по старой

³⁰ Об этнографической общности Гимерсо-Тлиси-Тлибишо говорит не только терминология, но и местная устная традиция.

традиции между "верхними" и "нижними" существовал антагонизм). В сел. Тлиси, в нижней части, имеется четырехугольная башня, сохранившая первый и второй этажи. В сел. Тлибишо мы обнаружили три башни, две четырехугольные и одну круглую, находящиеся недалеко друг от друга и, по-видимому, своим расположением вместе со зданием большой мечети и примыкающей к ее южной стене аульной общественной площадкой (корль) ³¹, определяющие старую центральную часть аула. Здесь же где-то по рассказам стариков находилось особое сооружение для общественных собраний - тьеч'аб миса (что значит, "большой дом"). Оно будто бы представляло собой круглую постройку без крыши, вмещавшую в себя более 60-ти человек.

Из башен наиболее уцелевшей является та, которая стоит против западной стены мечети. Она имеет в плане удлиненный прямоугольник (7,67 м x 4,23 м), сохранила 4 этажа и в высоту достигает 9-10 м. Помещения первого и второго этажей используются жителями соседнего дома. Третий этаж (размер внутри 6,20 м x 3,20 м; толщина около 1-го метра) пустой; вход в него с крыши примыкающего к башне дома. Четвертый тоже пустой и в настоящее время лишен перекрытия. В кладке башни попадаются камни с обычной линейной резьбой (изображения оленя, знаки спирали, свастики и другие).

Другая башня, расположенная вблизи первой, но несколько дальше от мечети, представляет собой развалины, по которым, однако, можно определить, что постройка имела в плане квадрат (5 x 5 м).

Третья башня (к югу от мечети) круглая, имеющая в настоящее время плоское шиферное перекрытие. В ней уцелели три этажа. Внутренние междуэтажные перекрытия состоят из матиц, брусьев и плоских шиферных досок. Нижний этаж внутри имеет в диаметре около трех метров и обнаруживает (во входном отверстии и в амбразурах) толщину стен, достигающую 70-80 см.

---

³¹ Место повседневных сборищ около мечети, где имеются каменные скамьи для стариков.

По поводу башен местные жители говорят, что в них прятались люди при военных нападениях, производившихся по ущелью с двух сторон — от селений Гимерсо и Кванада на западе и от эхвахских селений на востоке. В то время обычным оружием был лук со стрелами. Сидевшие в башне стреляли из лука через бойницы.

Основным занятием батулалов следует считать сельское хозяйство. Для более раннего времени (определяемого периодом, выходящим за границы непосредственной памяти трех-четырёх поколений), восходящего к середине XVIII века предание (сел. Кванада) констатирует наличие земледельческо-скотоводческого комплекса. Говорят, что "своего хлеба хватало и скота было в меру, но не слишком много". При этом хозяйственное значение имела и охота.

Для последующих периодов (вплоть до настоящего времени) земледельческо-скотоводческий комплекс характеризуется более конкретными чертами, а охота уже не имеет значения. Выделение отселков и хуторов особенного распространения не достигало. Сеяли пшеницу, ячмень, полбу, чёрный горох. Позднее стали сеять и кукурузу. В некоторых местностях поля разрабатывались террассовыми площадками и применялось искусственное орошение (напр. Хуштада, Кванада). Орудие для обработки земли такое же, как у соседей — легкая горная соха перец (баг). Этот предмет, осмотренный мною в сел. Хуштада, состоял из трех деревянных частей; одна часть соединяла в себе грядиль, стойку и ручку (из цельного куска дерева); вторая часть (под прямым углом к стойке) — подошва с железным лемехом; третья — деревянная дужка ("уши"), вставленная в задний край подошвы и служащая для разрыхления комьев и заделки семян. После посева при помощи переца поле еще раз запахивается для заделки семян. Борона не применяется. Молотильные доски с кремнями в описании не нуждаются.

Основной животноводческой отраслью являлось разведение мелкого скота. Летом скот держали в гоах, на пастбищах с пастухами, зимой выпасали стада по солнечным склонам близ селения.

В отдельных местностях, как видно из материалов, приведенных выше, преобладали одни или другие хозяйственные отрасли, смотря по природным условиям.

Современное сельское хозяйство багулальских аулов сохраняет комплексный земледельческо-скотоводческий характер. Оно в большей степени, чем раньше, развивает садоводство и оленеводство. Большое значение имеет внедрение агрономических знаний и навыков. Техника обработки земли шагнула далеко вперед. Однако традиционный перец в ряде аулов и в наши дни является незаменимым в местных условиях пахотным орудием. Скотоводство также получило широкие перспективы и возможности роста, вследствие регулирования вопроса с зимними пастбищами, наличия скотных дворов, ветеринарной помощи, хорошего оборудования и т.д. Важно отметить, что колхозная жизнь по новому воспитывает людей и способствует не только повышению экономического благосостояния багулалов, но и их культурно-политического развития.

Основными средствами передвижения в прошлом у багулалов были вычужный способ (ишаки, лошади), верховая езда, дичье хождение. По словам стариков, сани волокуши и арбы не применялись. В настоящее время близ багулальских селений через районный центр Агвали проходит автомобильная трасса. Некоторые местные дороги теперь разработаны так, что по ним свободно проезжает арба.

Традиционные местные производства: а) женские домашние — шерстяное ткачество (грубые сукна, паласы, грубые шерстяные материи для мешков), изготовление простых однотонных войлоков, вязка шерстяных сапог и носков; б) мужские кустарные — выделка серебряных украшений (серег, перстней, нагрудных украшений, височных обручей для женского головного убора, олях для мужских поясов, ножен для кинжалов и т.д.). В сел. Хуштада я посетил мастерскую серебрака. В ней имелась небольшая наковальня, укрепленная в камне, маленький круглый кожаный мех, различные инструменты. Серебряк оказался умевшим гравировать, производить штамповку,

лите, черновые и филигранные работы. Все перечисленное в смысле техники, но не характера изделий, не отличается от того, что можно встретить почти в любой местности Дагестана. Мастерство металлообработки передается обычно от отца к сыну, от старика к молодому.

Еще существует кузнечество, выделка деревянной утвари. Старики говорят, что когда-то были медники, делавшие кованые кувшины и котлы. В Тлибим мне также сообщили, что здесь когда-то были гончары мужчины; глина добывалась поблизости.

Значительным своеобразием отличаются у багулалов постройки и селения.

В багулальских аулах при жилых постройках имеются иногда дворы. Дворы эти небольшие, иногда неогорожденные. Часть хозяйственных помещений находится в самом доме или, как увидим, в другом квартале аула. Владение одного хозяина (дом, двор) обозначается словом авал. Жилой дом целиком и в то же время жилая комната в доме — миса.

В истории багулальского жилища можно проследить стадии. Жилые дома наиболее старого типа (теперь редкие, полуразрушенные и почти не используемые под жилье) были одноэтажные, несколько заниженные по сравнению с плоскостью улицы. Период их более широкого бытования относится к первой половине XIX в. и отсюда восходит к еще более раннему времени. При одноэтажном доме хлев — бекъ — делается отдельно на дворе — это постройка, примыкающая к дому. На дворе помимо хлева иногда имеются различные случайные сооружения, вроде навесов, небольших сараев и т.д., в том числе особый навес сеновал кхехиль, так же сделанный из брусчат амбар гьеклош.

В отношении этого последнего следует сказать, что в ряде случаев он ставится на крыше дома. По некоторым же показаниям такой амбар вошел в употребление позднее, так как в старинном одноэтажном доме зерно хранилось в больших ларях во внутренней кладовой — хлужра, отделенной переборкой от жилого зала.

Основные постройки, связанные со скотоводческой отраслью хозяйства, находились обычно (как, например, это прекрасно можно наблюдать в сел. Кваняда) не на дворе, а отдельно на краю селения, где каждый хозяин имел сеновал — клехиль (в виде одноэтажного или двухэтажного навеса) и помещения для скота (в виде двухэтажного каменного здания, имевшего внизу бокс — хлев для коров, быков и лошадей и наверху рухур — хлев для овец). Сочетание этих построек обставляло на краю аула особый довольно большой и оригинальный по внешнему виду квартал. Такое именно размещение упомянутых построек было тесно связано с замкнутой системой скотоводства и с применявшимся багулалом выпасом скота зимой на солнечных склонах близ селения. Недалеко от этих склонов как раз и располагались кварталы хлевов и сеновалов, куда каждый вечер скотина возвращалась под кров.

Разнообразие местных условий и отсюда местные различия в хозяйстве даже на такой небольшой территории, как земля багулалов (вспомним историю аула Хуштада), обуславливали и в других сторонах культуры наличие разновидностей и вариантов. Так, в один ряд в смысле времени бытования и стадии развития, со старинными одноэтажными домами можно поставить реже встречающиеся старинные двухэтажные дома, имевшие наверху однокамерное жилье, а внизу или тоже однокамерное жилье или служебные помещения. Такие дома встречаются в сел. Хуштада, где застройка вообще более тесная и скученная.

Основное жилье в доме старинного типа характеризуется по одному из наблюдений в сел. Тлондола. Перед нами однокамерное жилище — большой зал одноэтажного дома. Это помещение (миса) имеет в плане прямоугольник, близкий к квадрату. Пол земляной, потолок из жердей, положенных на продольные балки. Эти последние своей тяжестью лежат не столько на стенах, сколько на двух деревянных с резными подбалками столбах, делящих комнату на три доли, и подпорных столбах, имевшихся около стен. Между балками, плоскостью перекрытия и верхним краем продольных стен образуются

наподобие окошек под потолком равномерные просветы. Здесь выражена та же старинная конструкция, которая характерна для наиболее старых памятников Гидатля, Келеба, Тинди и других мест. Близ срединного столба находится открытый очаг; против очага, недалеко от входной двухстворчатой прорезанной в деревянной переборке двери большой диван; вся эта часть комнаты — мужская половина *меглекях* (что соответствует значению "отделение около двери"). Позади дивана у стены большой деревянный ларь для зерна и куча дров. Это место называется *гьурахьянь* (что соответствует значению "отделение с дровами"). Против мужской половины по другую сторону очага находится женская половина — *рагГалал* (что соответствует значению — "отделение с посудой"). Здесь вдоль одной стены идет низкая полка для кушинов и других вещей, а другая стена представляет собой уже упоминавшуюся выше деревянную переборку. Пространство вдоль стены, противоположной переборке, предназначено для спанья членов семьи, мужчин (в части, примыкающей к мужской половине) и женщин (в части, примыкающей к женской половине). Оно носит название *бегьун* (что соответствует значению "место постелей"). Планировка комнаты, распределение ее частей и связанные с этим бытовые моменты наглядно то, что наблюдалось в отношении стариннейших жилищ в Гидатле. И здесь, как и там, когда-то в описываемом доме жила большая неразделившаяся семья. В комнате, или зале, как мы называем это просторное помещение, сохраняется традиционная обстановка. Над очагом свешивается цепь с кованым медным котлом. Вблизи очага железный светяц на деревянной стойке. Среди утвари обращает на себя внимание: долобление из древесного ствола кадки метровой высоты (для хранения пищевых продуктов), большие долобленные деревянные корыта (для засола мяса); части ткацкого станка. Посудная стена (деревянная переборка) украшена медными коваными кувшинами, деревянными мучными мерками и другими предметами, висящими на этой переборке. На низкой полке тут же медные котлы, таганы, деревянные "рогатки" солонцы и т.д. На жердях под потолком

висят шерстяные мешки, следки, различные седельки и др.

Еще раз подчеркну, что упомянутая деревянная стена-переборка есть постоянный элемент внутренности жилища старого типа. Она считается значительной материальной ценностью, что учитывается, например, в случае покупки или продажи дома. При построении дома эту переборку сооружали особые мастера из местных людей. Строители хорошо знали свойства различных пород деревьев; для массивных частей дома предпочитали сосну. Искусно выбирались хорошие старые деревья. Рубку их было принято производить один раз в году в определенный день (какой именно — мне не сообщили). Старики говорят, что при старом очаге и черной тонке в жилищах балки, столбы и другие деревянные части хорошо консервировались, не гнили и приобретали необыкновенную прочность.

В параллель к сообщенному приведу описание еще одного старинного однокамерного жилища в сел. Кванзид, сейчас полуразрушенного и используемого владельцем в качестве домашнего склада. Дом представляет собой низкое одноэтажное здание. Оно состоит из двух смежных изолированных однокамерных жилищ, принадлежащих двум братьям (речь идет о современных владельцах). Пол помещения несколько ниже уровня улицы. Комната наиболее интересного для нас жилья имеет план близкий к квадрату. Конструкция постройки та же: потолок лежит на деревянных столбах; два столба поддерживают продольную балку и находятся в средней части комнаты, деля ее на две доли. Около столбов открытый очаг. Две стены комнаты (под прямым углом одна к другой) суть знакомые нам деревянные массивные переборки. Одна из них, снабженная деревянными гвоздями, на которых когда-то висела утварь, глухо отделяет данное однокамерное жилище от соседнего такого же; вторая образует перед входом в комнату ряд узких саней, точнее кладовую кюор, где сложены в настоящее время дрова. Раньше тут хранились более ценные вещи — овчинные шубы, запасы вяленого мяса, сыра, брата и т.п. В углу этой кладовой имеется спуск, образующий начало подземного хода, ныне заваленного. Многие дома в старину имели подземные ходы, соединя-

дися с другими домами (в данном случае с упомянутым соседним однокамерным жилищем, принадлежащим близким родственникам).

В сел. Кваната близ описанного дома я видел еще одно заброшенное жилище (тоже одноэтажную постройку) с центральным столбом, открытым очагом, большой полуторной входной дверью и двумя окнами. Вдоль стены с окнами идут пристойные деревянные подпорные столбы, а также низкая, как заваленка, полка для посуды; стена эта каменная (снаружи к ней примыкает конюшня), тогда как остальные три — деревянные, т.е. представляющие собой массивные деревянные переборки типа, о котором говорилось выше. Одна из переборок, имеющая входное отверстие, отгораживает кладовую — кьор или кьужра (внешняя стена этой последней каменная). К другой переборке снаружи примыкает хлев. В том же селении в некоторых старинных однокамерных жилищах мы видели деревянный амбар (гьеклом). Он обычно находится в распоряжении женщин. Считается, что мужчинам "стыдно входить в гьеклом".

Размер описанного однокамерного жилища дает такие цифры: 7 x 9, 7,2 x 9,2 м, 5,7 x 5,9 м; высота потолка 3 — 3,5 м.

Местные своеобразные черты представляет старинные жилые дома в сел. Тибешо, уже выходящие из употребления. Постройка этого вида напоминает невысокую двухэтажную башню; в ее плане квадрат (3 x 3 м); в первом этаже хлев, во втором жилье. Внутри такой дом осмотреть не удалось.

Дома нового типа устойчивым явлением не отличаются. Внутри они делятся на несколько комнат и напоминают также же постройки других местностей северо-западного Дагестана. В большинстве они имеют галерею по фасаду, хорошие окна, деревянные полы, чистые потолки и другие удобства. Все эти качества особенно отчетливо проявляются в домах, построенных за последние два десятилетия.

В одной жилой комнате дома нового типа нам пришлось жить в сел. Хуштада. Эта комната имела деревянный пол, шиферный потолок (опирающийся на поперечные балки, лежащие

на стенах), тахты, железную печку временку и четырехъярусную деревянную полку у одной из стен (установленную медными кувшинами и фабричной эмалированной и стеклянной посудой). Вместе с тем, наряду с этой комнатой, в том же жилом этаже имеются и другие с таким же, приблизительно, убранством.

Двухэтажный дом председателя сельсовета сел. Тлибишо, где нам тоже пришлось остановиться, представляет собой постройку нового типа. Она разделена на две комнаты. По фасаду тянется широкая галерея, на которую выходят окна и двери дома. В первой комнате, вымощенной земляной пол, живет семья. Тут у боковой стены, валево от входа, очаг-камин. В середине подпорный деревянный столб, на нем висит одежда. В углу, направо от входа, деревянная кровать. Противоположная стена против входа увешана утварью (медные тазы, лотки для теста, тарелки и т.д.); внизу тут идет "заваленка" с медными кувшинами, котлами, фабричными чугунами и т.д. По обе стороны камин под потолком — полки с фарфоровой посудой и бутылками. Ближе к самому камину на стене висят деревянные мерки, решета, ящики для хранения ложек и т.д. На полу перед камином треногая табуретка, корыто для теста. Вторая комната передняя (она была отведена нам). Пол в ней деревянный, потолок гладкий дощатый. Обстановка городская. Вместо очага — железная печка. В нижнем этаже этого дома помещается хлев, перед хлевом навес.

Выше попутно с описанием внутренности жилища я привожу некоторые сведения, касающиеся его обстановки. Дополнив и суммирую эти сведения: а) домашняя обстановка сохраняет много традиционных вещей, употреблявшихся до настоящего времени; б) из крупных предметов надо назвать лари для зерна и муки, резные диваны, кровати — все это вещи местного производства; в) из деревянной домашней утвари обращают на себя внимание долбленные кадки, лотки и корыта для теста, резные рога-носороги, резные постоны для хранения ложек, точильные чесночные ступки, резные мерки для муки и др.; г) из привозной утвари чаще всего встречаются рогачарные изделия из лакского аула Балтар и кованые медные луженые изделия

из яварских аулов Ичичале и Гопатль. В качестве предметов редких, уже выходящих из употребления могу назвать железные и каменные стровые светильники и какие-нибудь отдельные реликты, вроде, например, зиданного мною в селении Тлибично сосуда из бараньего желудка (он употреблялся для хранения масла и другой пищи в пути).

Надо ли говорить, что за время после Октябрьской революции жилищ багулалов изменились так сильно, как они не изменялись за предыдущие длительные периоды. Именно в эти десятилетия охарактеризованные дома старого типа были в большинстве заброшены. Вместо них появились новые дома, хорошо отвечающие потребностям современного быта.

Багулальские селения, как архитектурные комплексы, покажут сочетание старого и нового. Наряду с памятниками (башни, их остатки, отдельные старинные здания), также наряду с новыми законченными улицами-корридорами, встречаются совершенно новые кварталы. По общему характеру селения отличаются друг от друга. В одних, например сел. Хутата, наблюдается ступенчатая скученная застройка, в других более свободная и раскиданная (напр. в селениях Тлондода, Кванчада).

Надо еще напомнить, что в кладке внешних стен во всех багулальских селениях можно видеть много камней с разными изображениями, сделанными линейно. В этих древних петрографических изображениях особенно часто воспроизводится знак человеческой руки, радиокопечный крест, критский лабиринт, спиральные знаки, охотничьи или военные сцены, где люди вооружены луком, стрелами, копьями. При постройке новых домов обычно используют старые резные камни, собирая их и вставляя на видном месте. Изображение руки на этих камнях сами жители сопоставляют со старым багулальским обрядом, известным и у других народов Кавказа, прибивать к стенам дома руку, отрубленную у убитого врага.

Национальная пища багулалов отличий, с которых стоило бы особо говорить, не имеет. Продукты земледелия и продукты скотоводства играют приблизительно одинаковую роль. Следует

отметить, что из коровьего молока, помимо масла, делают брынзу, которую затем сушат и оставляют про запас.

Национальная одежда багулалов аналогична одежде соседних с ними тадалов и потому по данному вопросу ограничусь некоторыми замечаниями.

1. По сведениям, записанным в сел. Кванада, наиболее старинным и единственным когда-то одеянием (носимым непосредственно на теле) у женщин была рубаха из овчины, мехом внутрь, называемая гьунтаб; ее надевали и снимали через голову, так как она была, будто бы, такого же покроя, что и современное туникообразное платье. В то время, когда это одеяние было в употреблении (в эпоху до Шамиля), женщины не носили пальвар, а также не имели овчинных шуб. Мужчины в ту же эпоху тоже носили одежду из овечьей кожи. Другим видом старинного женского одеяния было шерстяное (из самотканой материи) платье гур того же туникообразного покроя. Старинный женский головной убор (чухтур, тухуна) имел раньше, особенно у молодых женщин по три пары серебряных височных обруча³². Традиционная женская и мужская обувь — шерстяные вязаные сапоги.

2. Такие же показания были записаны в сел. Тлибишо. Здесь рассказали, что и головной убор с височными обручами шился из кожи.

3. По сведениям, записанным в сел. Кванада одежду из легкой фабричной ткани было принято мазать курдючным жиром, смешанным с сажей. Это делалось, якобы, для прочности ткани, для выражения приличия и для того, чтобы одежду не приходилось стирать.

4. Непосредственные наблюдения над современным женским национальным костюмом показали следующее: туникообразное платье бывает разных цветов (белое, черное, серое, синее, красное), независимо от возраста; иногда платье подпояс-

---

³² На современных уборах бывает по две пары колец и реже по одной; носят теперь такие уборы очень немногие (не старухи).

вается матерчатый пояс. Женские шальвары (белые, серые, темные — безразлично) обычно бывают узкие, как брюки, причем их концы заправляются в голенища шерстяных сапог или кожаной обуви; рубахи во время работы ³³ высоко подтыкаются за окур, так, что "брюки" видны выше колен; чухта скрыта головным платком (белого, черного и иных цветов), накинутым на голову в виде треугольника; ойма чухта в ее старой форме, т.е. в серебрянные височными обручами, употребляется батталскими женщинами гораздо реже, чем тигральскими.

Из материалов по семейному быту остановимся лишь на свадебных обычаях и обрядах, записанных в сел. Хуттада.

а) Дело начиналось с переговоров сторон и достижения "единогласия" — *дешья буукамар* (что соответствует значению "одна мысль"). В единогласном решении должен был принимать участие "весь тухум невесты" (т.е. мать невесты и все мужчины, родственники невесты). Когда таким образом согласие получено, представителями тухума жениха передается отцу невесты подарок — угощение в комплекте одежды для парочечной. За этим приношением следует церемония. Тут же уговариваются о сроке свадьбы и связанных с этим делах. Бахтарав (жених) и Бахтарай (невеста) живут в одном ауле. Их называют этими нарицательными именами, вплоть до того дня, когда в том же ауле будет происходить свадьба другой пары.

б) По истечении назначенного промежутка времени (большая часть 2-3-х месяцев) ³⁴ играется свадьба — *бертез*. Она начинается вечером или ночью в доме невесты, куда собираются ее родственники и соседи. Такое же стечение гостей одновременно происходит и в доме жениха, куда сходятся его родственники и соседи. В дом жениха вскоре прибыва-

³³ В таком виде, например, я наблюдал женщин, идущих за водой, погоняющих лошадей и т.д.

³⁴ Если стговор был весной, то свадьбу обычно назначали на осень, т.е. после уборки урожая.

от посланца из дома невесты и приглашает к себе женихову сторону. Тогда жениховы люди быстро садятся лошадей и скачут в дом невесты, хотя бы аул был и небольшой. Процессия движется в следующем порядке: впереди едут на конях два певца, за ними на лучшем коне следует жених и рядом с ним его товарищи — гьалыг³⁵, по обе стороны жениха едут зурнач и барабанщик. За всадниками движется группа мужчин, в ее составе и отец жениха, в хвосте идут женщины (мать жениха остается дома) и несут подарки (различные продукты и угощения, а также косильные вещи). По обычаю в этот момент все члены тухума жениха обязаны были кто что может подарить невесте и ее родственникам (отцу, матери, братьям, сестрам). Отдельный подарок невеста от жениха (пять комплектов одежды) несут при этом мужчины.

Между тем со стороны невесты навстречу приглашенным идет мужской отряд, окружает поезд почетным караулом, провожая до дома невесты. Приглашенные входят в дом. Начинаются танцы, а отец невесты приглашает в отдельную комнату жениха, его товарища и отца, а также дидира, и тут совершается мусульманский религиозный обряд заключения брака³⁶. Мужчины со стороны жениха окружают комнату и следят, чтобы церемония с дидиром прошла секретно, так как в противном случае враги магическими действиями (обнажением кинжала и медленным вложением его обратно в ножны), могут лишить жениха мужской силы. После заключения брачного акта происходит пиршество. В первую очередь угощают старших мужчин и жениха с невестой; затем едят младшие мужчины, за ними женщины, тоже по старшинству. Хлеб и мясо подают в больших деревянных корытах, бузу и брагу (мед) — в деревянных чашках. Перед женихом ставит ала — большое блюдо

³⁵ Этим же словом обозначается подруга невесты.

³⁶ Отец невесты и жених подает друг другу руку; дидир произносит брачную формулу, задавая традиционные вопросы о согласии; размер "обеспечения" — магары, 4 рубля серебром.

на подставке (с фруктами, виноградом, крашеными яйцами и др.). Ему также поднят эса ³⁷ — свадебный налог из ячменя. Во время пиршества играют на струнных инструментах и поют песни поют свадебные (любленные) и воинские песни. После пиршества на крыше дома развешиваются особенно торжественные танцы под звуки зурны и барабана. Песни и здесь поют песни. На танцах присутствует жених, невеста нет. Мужчины с невестинской стороны танцуют с женщинами жениховой стороны и наоборот. Мужчина, танцующий с женщиной, обязан ей за это заплатить. Женщинам, близким к невесте (например, ее сестрам), платят больше, иной раз по 200-300 рублей. Если мужчина не в состоянии заплатить, он имеет право танцевать лишь в одиночку. Наступает наконец время снаряжения невесты и переезда ее в дом жениха. Одевают девушку подруги и мать. Лицо у ней закрыто покрывалом.

в) Для переезда невесте в дом жениха садятся коней. Поезд строится в определенном порядке. Вперед идет всадник "очищающий путь", за ним следует верхом два ланца; далее идет пешком мужчина, ведущий на поводу лошадей невесты. За сидящей на коне невестой пешком идут ее подруги, мать, группа родственников совместно с женщинами жениховой стороны (среди которых обычно бывает сестра жениха или какая-либо другая важная и близкая женщина, специально посланная для проводов невесты). Мужчины несут приданое. Мужчины (тоже представители обеих сторон) окружают свадебный поезд почетным караулом. На улицах поезду ставит препятствия мальчишки и парни и пропускают лишь, получив выкуп. Но заранее еще, до снаряжения этого поезда, в свой дом из дома невесты спешат на конях жених, его отец, товарищ и еще 10 человек смирн, чтобы все приготовить к встрече. Поезд невесты встречают так же, как встречали раньше поезд жениха. Во время приближения невесты к дому жениха, его отец уходит. Из дома также удаляется сестра жениха. Мать невесты приближается к матери жениха и вручает ей подарок.

³⁷ По-аварски — лъедер; этот налог теперь перестал быть исключительно свадебным и может употребляться в любое время.

Люди расходятся. Невеста с подругой вступает в предназначенную комнату. Перед ней ставят ала с угощением. Сюда же прибывает жених с товарищем. Жених кладет руку на грудь невесты и молодых оставляют наедине. Товарищ жениха сторожит дом, где почуют молодые, до утра, отгоняя любопытных. Невеста по обычаю оказывает жениху сопротивление, что может повторяться и в последующие ночи, целую неделю.

г) На следующий день утром мальчишки собираются и ходят по аулу с криком "яри! яри! яри!". В доме невесты и в доме жениха их обсыпают орехами, фруктами и сладостями. В тот же день в доме жениха устраивается брачный пир такой же, какой происходил в доме невесты до ее отъезда оттуда. Приглашают и невестину сторону, посылая за гостями особую посланца. Затем невестину сторону обычным порядком встречают, доводят до дома, принимают и угощают. В последующие дни подобные пиры устраиваются в доме товарища жениха и подружки невесты. Все вместе взятое может длиться 15 дней.

д) Первого ребенка молодая рождает в доме своей матери.

Изложенный вариант свадебного цикла относится к прошлому (традиция второй половины XIX в.), но и при современных свадьбах он, как говорится, "берется за основу".

Что касается брачных норм, то раньше существовала эндогамия, как у аварцев — брачные связи заключались в пределах одного гъай'я или одного тухума.

Несколько замечаний относительно религиозных верований в их современном состоянии. Наряду с исламом, нормы которого хранит преимущественно старшее поколение, имеются некоторые пережитки, возможно относящиеся (по своему происхождению) к поре до исламской. Приведу некоторые из них.

1. Для предохранения от сглаза человека или скотины делают амулеты из дерева каркас, которое у багудалов сел. Хуштада называют аызга, а у багудалов сел. Глондода — митута. Этот обряд — оставок иochитания дерева, называемого у аварцев, народов Азербайджана и Туркменистана словом

дагдай, дагдаган, дагае.

2. Предохранением от слеза средством считается ветка калачего растения тухъа (авар. - хъарахъ); ветку терновника ставят, например, в жлоб.

3. Шкурка ажа - глужрукъыл хъоча (т.е. "ажа шкура") употребляется как магическое средство для исцеления от укусов коровьего вымени. Вымя заболитной коровы трут шкуркой. Шкурку ажа также используют для обеспечения хорошего урожая в огороде или на поле; для этого надо перед засевом вынимать семена из этой шкурки, которая служит как бы оболочкой.

4. Панцирь черепахи - ракъахъоьхал считается магическим средством для облегчения родов. Обычно с этой целью живот роженицы трут черепашьим панцирем.

5. Если урожай картофеля будет на полях хороший, то от слеза на окраине сежения ставят высокую жердь с изображением птицы или с птичьим чучелом (это я видел сам в селениях Квасада и Гимерсо) 38.

6. В качестве приворотного средства указывают на различные травы, а также другие вещества.

7. Для прекращения засухи жители сел. Хуштада ходят на урочища Абатъори и Белекъяре.

Багулалам, как и другим народам Дагестана, известен весенний общественный праздник первой обрядовой запашки.

Приведу терминологию обозначения родства, записанную в сел. Хуштада.

Отец	ыш
мать	ила
брат	васс
сестра	ясс
сын	вава
дочь	яш
внук (сын сына)	вашавуш вава
внук (сын дочери)	яшъиль вава
внучка (дочь дочери)	яшъиль яш

38 А также у годоберущих.

вучка (дочь сына)
 дядя (брат отца)
 дядя (брат матери)
 тети (сестра матери)
 тети (сестра отца)
 дед
 бабка
 двоюродный брат
 двоюродная сестра
 троюродный брат
 троюродная сестра
 четвероюродный брат
 четвероюродная сестра
 племянник (сын брата)
 племянник (сын сестры)
 племянница (дочь брата)
 племянница (дочь сестры)
 теща
 тесть
 свекровь
 свекор
 зять
 ребенок
 прадед

ваиятуй яш
 имаиув васс
 илаиуль васс
 илаиуль ясс
 имаиуй ясс
 гийчГайма
 гийчГайла
 вассаб
 яссаб
 ссебав
 ссебай
 кГвабав
 кГвабай
 вассун вама
 ассуль вама
 вассуй яш
 ассуль яш
 гьаиГуйльиь ила
 гьаиГуйльиь има
 илакбар
 илакбар (унгбек вабуз има)
 нуса
 мачи
 имеме

Изобразительное искусство багулалов проявляется в богатой резьбе по дереву, на мебели и утвари. Стиль орнамента — примитив, характерный и для других соседей этого народа и в первую очередь для тиндалов. Прекрасная резьба иногда украшает диван — кьонда или деревянную кровать — тах. Следует указать, что у багулалов сохранились песни на родном языке. Вместе с тем часто поются и аварские песни.

Современные багулалы активные строители социализма. Среди них много орденоносцев (участников Великой Отечест-

венной войны), много передовиков колхозников, заслуживших правительственные награды за доблестный труд в сельском хозяйстве. Растут кадры местной интеллигенции.

АХВАХИ

Ахвахи населяют юго-восточную часть района, названную по их имени и смежную, отделенную водораздельным хребтом, западную половину Кахибского района. Географическая ахвахская территория таким образом расчленена на две половины.

Первая — Нижний Ахвах — находится в правобережье бассейна реки — "Ахвахской речке", и называется по-аварски Къашал Пъахъбалал, т.е. "плохие ахвахи", на ахвахском языке — в смысле совокупности жителей — Ашвадо (т.е. "ахвахи"). Тут имеются следующие селения: 1) четырнадцать поселков, объединяющихся по имени главного наименования Лъэгъилъ (Тлад-Магъилъ)¹; 2) Инк'агъа, или Инк'а гъани, т.е. "Большой аул" (Клуцъа-росо); 3) Изанилъ, что соответствует значению "надтопь" (Изабио); 4) Къулъ, что соответствует значению "из плоских камней" (Лологъонилъ). Названные населенные пункты лежат невисоко на холмах и в котловинах у реки. Климат этой части ахвахской территории умеренно холодный, довольно мягкий, здоровый. Селение Къулъ (Лологъонилъ) находится несколько ниже, не на реке.

Вторая половина ахвахской земли, так называемый Верхний Ахвах, расположена в левобережье бассейна р.Аварское Койсу и называется по-аварски Рахъу Пъахъбалал (т.е. "далекие ахвахи"), на ахвахском языке — Ригъидадо (в смысле совокупности жителей) и Ригъидал (в смысле пространственной совокупности). Сюда входят селения: Лъанолъ (Лъанусал — Тянуб) и Пъаголъ (Пъагосел — Цегоб). Третье селение Ригъалъ (Ракунсел — Ратлуб) в феврале 1944 г. (после депортации чеченцев — ред.) было переведено в новый район². Указанные два селения расположены

¹ Эти поселения следующие: Лъэгъилъ (Тлад Магъилъ), главный; остальные — Къакъаралъ (Кванкъеро), Цъахололъ (Цъахал-кули), Хласаг'алолъ (Хласаг'алало), Цадилъ (Цанли), Гель-ц'лорхъе (Манибъи), Къедонилъ (Къурунъ), Шущукъарилъ (Шущукъари), Цакъидари (Цакъидари), Гъадарилъ (Гъадари), П'ахололъ (П'ахолол), Яраг'ололъ (Яраг'олол), Цахололъ (Цахолол), Штаб.

² Включая часть земель Восточной Чечни (ред.).

значительно выше р. Аварское Койсу, на больших горных массивах. Климат тут суровее.

В скосских поселениях более общеизвестные наименования аулов на аварском языке, которые мы будем употреблять в дальнейшем в формах — Тад-Магитль, Кудинб-ресо, Изани, Лологонитль, Тляндуб, Цегоб, Ратлуд.

Небольшая колония ахвахцев — сел. Вахъахъ (по-аварски — Ахаклари) — до 60-ти хозяйств — имеется в Закатальском районе Азербайджанской ССР.

Соседями ахвахцев в Дагестане являются на севере — карачины, на западе — багуалцы, на северо-востоке аварские аулы Месторух и Ингордах и далее аварцы Хунзахского района; на востоке и юго-востоке аварцы общества Гидатль и Калеб Кахибского р-на; на юге — аварцы Тляротлянского района.

Численность ахвахцев на перепись 1926 г. — 3720 чел. Современные цифровые данные по сведениям районной инспекции ЦСУ Госплана СССР Ахвахского и Кахибского районов, показаны в следующей таблице.

Таблица I.

Название селений	Число хозяйств	Число жителей
В Ахвахском районе на I/XII-1945 г.		
Тад-Магитль	182	601
Кудинб-ресо	162	526
Изани	71	280
Лологонитль	89	386
И т о г о :	504	1793
В Кахибском районе на I/X-1946 г.		
Цегоб	141	522
Тляндуб	121	412
И т о г о :	267	935
В с е г о :	771	2728

Кроме того, в с.Ратлуб до перемещения в новый район значилось на I/I-1944 г. 181 хозяйство и 513 жителей.

Таким образом, общий итог даст цифру 3241 человек. По тем же источникам в 1944 году число ахвахцев в Ахвахском и Кахбоском райснах составляло 3763 человека. Разница в приведенных цифрах зависит от отдельных, сравнительно небольших переселений, имевших однеко место за последний период почти по всему Ахваху. Это обстоятельство, а равно процесс ассимиляции аварцами скрывает картину притока.

Почти не исследованный ахвахский язык имеет два основных наречия в соответствии с двумя подразделениями территории. Он относится к андо-динойской подгруппе аваро-андо-динской группы восточной, или дагестанской ветви кавказских индоевропейских языков. Для письменности, преподавания в школах и сношений употребляется аварский язык, которым большинство ахвахцев владеет.

Самоназвание ахвахцев — ашвадо (мн.ч.), ашваль (ед.ч.). Современные люди среднего поколения склонны этот термин употреблять в аварской форме (Пашвахух) и считать себя теми же аварцами, но лишь имеющими "свой отдельный аульный язык" — факт, характерный и для большинства других народов андо-динской группы с их "аварской", в широком смысле этого слова, культурой.

Таблица 2.

Этнонимы на ахвахском языке

Народ	Мн.ч.	Ед.ч.
Аварцы	Ильали	Ильалово
Каратинцы	Кикириндо	Киримты
Багулалы	Багвадо	Багвалты
Тиндалы	Ильбидидо	Ильбидиты
Чамалалы	Чамало	Чамалалты
Годоберинцы	Гьодоберидо	Гьодобериты
Ботлихины	Болыдо	Болыиты
Андины	Падидо	Падиты

Хваршани	Хъвалидо	Хъванильи
Бажитани	Бажанильи	Бажанильиво
Цези	ЦутIадо	ЦутIальи
Лаке	Гъомокильи	Гъомокисе
Даргинце	Ахъумалидо	Ахъумалильи
Кумыки	ИъарIидо	ИъагIильи

По рассказам стариков Нижнего Ахваха (записано в с.Тад-Магитль) эта часть территории со старейшими селениями Тад-Магитль и особенно Кудяб-росо является основной. Сюда очень давно пришли люди, предки ахвахцев. Они увидели удобную местность, покрытую лесом и остались. Другие направились дальше и образовали Ратлу Ахвах. "Грузины", (т.е. христиане - ред.), которые тут жили до ахвахцев, удалились в "Грузию". От них остались следы поселений: во владениях Кудяб-росо - где Гъалакхильи и во владениях Тад-Магитля - где ШагIа и где ЧIагIиди; там в земле находят черешки. Это был "золотой век", ибо, как рассказывают старики, "грузины нам говорили: когда мы жили, где вы живете, то варили хинкал из личинчатой муки, и в воде само собой образовывалось масло". По преданиям, записанным в с.Кудяб-росо указывается конкретное место, откуда сюда пришли предки ахвахцев - Пунта (т.е. старая территория обитания цезов) (отсюда, по-видимому, иногда употреблявшееся в литературе наименование для Нижнего Ахваха - Пунта-Ахвах). "Пунта - плоская страна, там много снега, люди искали лучших земель и нашли здесь". Те же версии подтверждают приведенные сведения с грузинах. Они также повествуют о некоем "грузинском царе" или "хане" по имени Чагури, взимавшем дань с шести ныне не существующих селений, находившихся в окрестностях Кудяб-росо и Изани, а именно - Шундуге, Гъаштоге, Хъзпигиже, Шулаггани, Шелари, Шаралке микхильи. Современных ахвахских аулов тогда не было. Резиденцией Чагури являлось поселение Шундуге, в одном километре от Изани, где в нескольких десятках метров от дороги показывают особый камень с выемкой, служивший "хану" меркой для сбора дани. Каждое

хозяйство должно было ежегодно наполнять эту мерку "костным маслом" (т.е. маслом, добытым из овечьих костей). При выходе замуж девушек Чагури пользовался правом первой ночи. Одна невеста, имевшая трех братьев, плакала перед свадьбой, боясь предстоящего позора. Братья приготовили отравленную стрелу, подстерegli "хана" Чагури, когда тот находился на дворе, и убили его выстрелом из лука. Здешние люди и сам Чагури были христианами. "Все это было при прадедах наших дедов 300 или 400 или, как некоторые думают, 500 лет назад. А ислам распространился уже после".

Что касается происхождения ахвахов, то этот вопрос, по-видимому, следует связывать с изучением нескольких вопросов: выяснения родства с лидийцами (пезами), фиксации некоторых аварских элементов (есть, например, указания местных жителей на происхождение одной из тухумных ветвей сел. Кудияб-росо из Хунзаха), процессах инфильтрации со стороны Гривани и др.

Ахвахи вели войны из-за пастбищ и скота с соседями, главным образом с каратинцами и аварцами Гидатля. Для защиты от нападений в их аулах имелись башни (себа), не сохранившиеся до нашего времени. Ахвахи рассказывают: "Карата и Гидатль составили против нас союз. Союзники хотели взять наши горы и скот. Они договорились одновременно напасть. Но каратинцы в назначенный день не пришли, и гидатлинцы остались одни. Гидатлинцы забрали наш скот на месте, называемом Косихье (в 5-ти км южнее сел. Кудияб-росо). Мы подняли тревогу и направились против них. Наш человек по имени Духьила оказал впереди на белой кобыле. Он условился, что подкрадется к гидатлинцам, похитившим скот, отвлечет на себя их внимание с тем, чтобы ахвахи внезапно напали на врагов. Так и сделали. Духьила спрятался на лужайке, заросшей ядовитой травой и, выстрелив из кремневки, попал в шею гидатлинцу, спокойно игравшему на зурне и стерегшему похищенный скот. Затем Духьила вышел из засады и поскакал по открытому месту. Гидатлинцы стали в него стрелять, израсходовав все заряды и сделавшись безоружными, так как

на зарядание кремневок требовалось много времени. Тогда наши люди напали на врагов, вернули скот и взяли в плен 60 человек гидатлинцев. Потому то и называли нас "плохими, т.е. спасенными, ахвахами". Рассказы гидатлинцев, разумеется, рассматривают события с другой точки зрения и прославляют доблесть своих людей. Естественно, они больше касаются области Ратлу Ахвах, как соседней. Рассказывают, что Гидатль имел против ахвахцев свои форпосты — Хучада (против Верхнего Ахваха) и Дагбаша (против Нижнего). Главным противником был соседний с Гидатлем Ратлуб. В начале XIX в. там случилась чумная эпидемия, и гидатлинцы присоединили к себе эту область. Имеются рассказы о разрушении гидатлинцами Ратлуба и о возникновении вновь этого аула "от одного человека, спрятавшегося в пещере".

Переданные рассказы о соперничестве с гидатлинцами и карачинцами, ахвахские старинные легенды отражают события довольно поздние, восходящие ко времени с XVIII в. В середине XIX в. ахвахи поддерживали движение Шамхал, а до того были вынуждены платить дань кунзахскому хану.

Аварский термин "племени ахвахи", в смысле "спасенных", ахвахское предание связывает историю и с более поздним временем, говоря о том, что в середине XIX в., "при Николае" ахвахи оказали сопротивление войскам царя и потеряли убитыми до 70-ти человек. Могилы этих героев (гъзады) находятся в Кудияб-росо и в Тад-Магитле.

В колониальный период царская власть считала ахвахов ненадежным народом, а во время Октябрьской революции, как мне рассказывали, "наши четыре аула Тад-Магитль, Кудияб-росо, Изани и Долотгоитль были не в пример соседям с самого начала революционными". Вполне установленным можно считать факт активного участия ахвахов в партизанских отрядах Дагестана во время гражданской войны. Центром этого движения был Тад-Магитль, точнее его поселок, носивший название "Штаб" (фактический штаб партизанских отрядов 1920 года), бывший до 1936 г. районным центром. Самое наименование района "Ахвахским" местные жители объясняют

как знак уважения к их революционным заслугам.

В характеристике, которую дают себе ахвахи, главным их качеством считается храбрость. "В Дагестане, — говорят старики, — всегда знали ахвахов, как настоящих людей, и потому их называли пхочина". "Нам в лицо никто не осмелится сказать плохие ахвахи". "Соседи пугали детей ахвацинами, и в шумихах аулах мальчишки бросались бросить камень и прокричать из Ахваха". "Ахвахи обязательно отомстят, если их обидеть". "Труса у нас не считают за человека, и женщины его презирают".

Ахвахская колония в Азербайджане, о которой в литературе совершенно не упоминается, была основана выходцами из Нижнего Ахваха в конце XVII или в начале XIX в. (во всяком случае намного позднее обоснования в Закатальском районе аварцев). Прочита переписания остается неизмененной. По сведениям 1932 г.³ — это единственное село ахвахское селение — Алахдара — насчитывало 42 хозяйства и 235 человек жителей. Оно относится к Дварскому сельсовету Закатальского района Азербайджанской ССР и расположено к северу от Двар в ущелье. Жители Алахдара, окруженные аварцами, как позднее приехали лишены хороших земель, считаются чужаками и держатся особняком. Мужчины занимаются утилизацией. Женщины на базарах продают шерсть, покупают продукты, также работают на табачной фабрике и археологическом заводе. Эти имеющиеся у нас сведения может быть не вполне соответствуют положению дел на сегодня, но они хорошо разъясняют одно недоразумение. В прессе prominently сообщалось о загадочном народе "ксай", обнаруженном якобы в северном Азербайджане. Л.М.Моллисет-Бекоев в статье об обычаях кавказцев на Кавказе, характеризуя перешедшие следы матриархата, ссылается и на этот "девичий народ". Между тем нет никакого сомнения, что перед нами не более как мало известная груп-

³ Кимов М.М. Демография Закатальского р-на // Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР. Рукопись № 62.

на "азербайджанских" ахвахцев, случайно привлекая внимание кличкой, которой закатальские аварцы окрестили своих немногочисленных дагестанских соотечественников под впечатлением общеизвестной активности ахвахских женщин при отсутствии мужчин, когда эти последние удалялись для своего вынужденного промысла в лес.

Основное занятие ахвахцев — земледелие в сочетании со скотоводством. Возделываются пшеница, ячмень, черный горох, а также кукуруза и картофель. Садов мало. Старики указывают, что по воспоминаниям существовало виноградарство и виноделие. Нахотное оружие глебеце (аварский дуруц) не отличается от образцов ботлахского, андийского, годоберинского и других. Более новый вид глебеце, осмотренный нами в Кудияб-гессо, усложнен стойкой, соединяющей гризиль с подольбой и тем самым образующей форму четырехугольника. Для обмола та употребляют обычные доски с кремнями, для катан — серп-гербула. Скотоводство имеет пастушеский характер с заготовкой кормов. Летом овцы пасутся в горах, зимой на теплых склонах гор, обогреваемых солнцем и находящимся преимущественно издалека от аулов. Зимних пастбищ на плоскости нет.

Домашние и кустарные производства: обработка кожи, шерсти, дерева. Были раньше местные серебряки. Привозные вещи: гончарная посуда из сел. Балхар, медная утварь из аварского селения Ичичали, из азербайджанского (татского) сел. Лагидж, а также из лакских селений; различные деревянные изделия из каратинских аулов (сосуды, утварь, дощатые амбары); тонкие шерстяные ткани — из каратинских аулов. Очень оригинальным, не имеющим аналогий в этнографии Кавказа, является изготовление ахвахскими женщинами восковых сосудов для воды. Это производство в настоящее время, конечно, не существует; о нем рассказывают старики. Воск с примесью толченого древесного угля и рубленного волоса тщательно разминали и лепили от руки род толстостенного кувшина без ручек, называемого рагва. Такой сосуд был или цилиндрической формы, или имел в средней части выпуклость

наподобие куртина. При носке воды рагва поддерживался широкой шерстяной лентой, был якобы достаточно прочен и удобен. Показание, записанное в сел. Кудияб-росо, было подтверждено в отношении ахваццев стариками соседнего аварского аула Асаб.

Ближайшим к ахвацкой территории узловым транспортным пунктом является Ботлих. От него можно проехать на автомобиле до районного центра Ахвацкого района — сел. Карата; дальше приходится пользоваться тропами. Перевал в Кхибский район не высок и не труден, равно как перевал в Цумадинский район через сел. Тлосмо. Сани волокули не употребляются, эрбн также. Основные способы передвижения в прошлом — верховой и выночный.

Селения по-ахвацки — бьани, часть селения (квартал), а также хутор — гье. Наиболее крупные ахвацкие селения отличаются друг от друга: сел. Кудияб-росо состоит из трех кварталов ("Верхний", "Нижний", "За дорогой"), сел. Тад-Матиль, как указывалось выше, представляет собой группу из 14-ти разбросанных населенных пунктов (здесь, следовательно, гье — не квартал, а отдельный поселок). Постройки в аулах не очень скучены. Старинные дома встречаются чрезвычайно редко. Один из них (в селении Кудияб-росо) обращает на себя внимание. Это высокое башнеобразное здание в 3 этажа с плоской крышей, внутри однако сильно переделанное, так что первичная планировка неясна. Второй и третий этажи имеют, кроме окон, "лоджи". Лоджии для фасадов домов здесь вообще типичны. Гораздо реже встречаются открытые террасы (преимущественно, в новых домах). В отличие от ботлихских, андийских и, отчасти, годоберинских домов, ахвацкие с внешней стороны менее открыты: их стены обладают большими пространствами глухой кладки и кажутся более массивными. Большинство домов двухэтажные: в первом этаже хлев, во втором — жилье. Часто вход в хлев сделан с боковой стороны, а вход в жилое помещение с другой боковой стороны. Фасад прорезан лишь лоджией на уровне второго этажа. Если верхний этаж имеет террасу, то вдоль нижнего ей соот-

выступает каменная аркада, ведущая в хлев и служения для хранения князя и домашнего инвентаря. Для хлена, находящегося в первом этаже дома, бывает характерно употребление в перекрытии ложного свода и каменных столбов с арками. Иногда в первом этаже помещается сеновал, в хлев стоит стельно. Иногда сеновал делается в виде большой открытой лодки по фасаду. Амбар находится обычно в жилой комнате. Бадьерные плотовики не развиты, однако встречаются. Иногда перед домом имеется каменный забор, отделяющий от улицы огород. Жилища — чили, хлев — бажу, сеновал — бетъя, амбар — инкулу.

Внутренняя планировка жилища, давно переставшего быть однокамерным, неустойчива. На памяти старшего поколения существовала центральная открытая печь, над которой свешивалась телячья кожа. Теперь всюду распространены пристенный очаг-камин. В жилых домах входная дверь обычно ведет в небольшую залу или коридор, по обе стороны которого размещаются жилые комнаты. Наиболее типичные интерьеры представляют залу и основную комнату с очагом-камином. Дожил (открытое с одной стороны помещение, сообщавшееся прежде с внутренней комнатой) служит главным образом для пребывания семьи в теплые время года. Здесь можно увидеть прежде всего два крупных разных деревянных предмета — диван и ларь для муки и зерна, затем — тяжелый стол (рану с навешенной сеновой, наклонно приложенной к стене), низкие треногие табуретки и другие предметы (треугольную шестереческу, сделанную из цельного куска дерева, балхарские кувшины для соевания масла, медную утварь, посольные зыблочки с обжаренной, переложные дощечки с зерном). Большинство этих вещей встречается и в основной жилой комнате, имеющей окна. В середине этой комнаты подпорный столб, у одной из стен — очаг-камин, у другой — деревянный амбар (инкулу) каратинской работы (сделанный из вертикальных досок или обтесанных брусков), снабженный дверкой, украшенный рядами развешенных вокруг дверки тарелок и медных тагов. Среди домашней утвари надо упомянуть еще деревянные тече-

ные чеченские блюда, каратинские дати для теста ⁴, баг-
ляльские деревянные рогатые солонищи, деревянные цилиндри-
ческие разные мерки, долбленные из кружков кадки, деревян-
ные уполовники, детские люльки, производимые в сел. Доло-
гонитль, деревянные точеные прялки ⁵. На горизонтальных,
параллельных плоскостях потолка жердей висят овчинные
шубы, различная одежда, мешки, бараньи курдюки. Ближе к
отопу к стене прибито особое приспособление для хранения
ложек — ряд узкой полочки с дырками, в которые вставлены
ложки ⁶.

Спят в описанной основной комнате, а также в лоджии
или в других комнатах, среди которых часто имеется парад-
ная, обставленная на городской манер. Во многих жилищах
пол земляной. Потолок состоит из необделанных жердей,
лежащих на поперечных балках.

Ни в типе построек, ни в характере обстановки жилища
по наблюдениям, сделанным в селениях Тад-Магитль, Кудияб-
росо и Изани, ничего специфически "ахвахского" или узко
местного нет. — — — — — Равным образом нет и каких-либо релик-
товых черт. Это, в основном, то, что наблюдается и в сосед-
них местах в большей степени к северу от Нижнего Ахваха,
ножели к югу ⁷.

В пищевом режиме ахвахов видную роль играет продукты
животноводства: баранина, коровье мясо, брызга из овечь-

⁴ Лоток для теста напоминает продолговатый, с чуть припод-
нятым бортиком столик на четырех, очень низких, ножках;
эта вещь, обычно, висит на стене тыловой стороной наружу,
украшенной цветным расписным узором.

⁵ Прялка-держатель в виде столбика на подставке; подставка
имеет вид куба с выдвигаемым ящичком; в верхнюю часть стол-
бика прялки вставлена под прямым углом кость, по которой
скользит нить.

⁶ Реже встречается другой тип в виде висячего ящика с ячей-
ками.

⁷ В аулах Верхнего Ахваха, расположенных значительно юго-за-
паднее, мы не были, но имели косвенные данные о том, что
тамошние постройки носят несколько иной характер, приме-
ная к телу, распространенному в аулах аварских обществ
Индатль и Келесб.

его молока, творожный сыр и т.п. Старики, сравнивая свой народ с соседями, склонны подчеркивать: "без масла и мяса наши люди не могут жить".

Животноводческая традиция отразилась и на костюме. Очень употребительны, например, мужские и женские овчинные шубы накидки с локтями длинными рукавами, доходящими почти до самой земли. Не раз также приходилось видеть мальчиков в белых войлочных бурках без ворота, с грубыми коричневыми разводами на спине (не орнамент, а особая метка — знак собственности)⁸. В этих, весьма грубых бурках, мальчики, как я видел, возвращались из школы. В числе мужских одеяний имеется особая куртка (кыучара) из войлока. В прежнее время войлок в качестве материалов для одежды использовался значительно больше, равно как грубая шерстяная самодельная ткань (ниши). Рассказывают, например, что женское покрывало поверх головного убора когда-то делалось из тонкого войлока⁹, а платье-туникообразная рубаша (тлюко) — из "ниши".

Женский головной убор раньше обладал некоторыми чертами, позволяющими его относить к "кахибскому" типу¹⁰ на правах, так сказать, "ахвакского варианта" (несколько об этом можно судить по словесным описаниям, ибо до наших дней он не дошел). Такой убор имел серебро по налобной дуге и пару круглых височных блях с длинными серебряными цепочками или навесками. Этот старинный убор теперь заменен простой мехкообразной чухтой или небольшим головным платком. Из других частей женской одежды наиболее сохранным оказывается туникообразное платье, иногда подпоясываемое матерчатим кутакон, и шарвары со штанинами, напоминающими узкие брюки. Обязательное ношение женщинами шаль-

⁸ Такая же метка бывает на белых постельных ковриках.

⁹ Более точного разъяснения по этому поводу я не получил.

¹⁰ Распространен у аварцев Кахибского района в 6 селениях общества Гидатль, также в селениях Кахиб, Гоор, Коллоб и др.

вар, по рассказам стариков, было введено Шамилем.

В целом можно сказать, во-первых, что сохранившаяся одежда старого образца у ахвахцев не дает каких-либо местных типологических различий и ее элементы можно встретить в различных местностях всей аваро-андо-цезской территории, во-вторых, что она в той же мере, как у всех их соседей, вытесняется заимствованиями из города.

В своем общественном и семейном быте ахвахцы во многом сходны с другими народами той же группы. Мы ограничимся немногими замечаниями.

В ахвахских селениях не было никаких владетелей. Жители управлялись самостоятельно. До Шамиля ахвахцы платили дань аварскому хану. Жители селений обычно делились на родственные группы. На ахвахском языке это понятие выражается словом экъеш, ("корень людей", от слова "экъе" - корень, река). У аварцев это понятие выражается словом тлибил или тухум. Это последнее слово мы и будем употреблять. Названия ахвахских тухумов в разных селениях различные. Число тухумов в селении обычно пять, шесть. По достоинству одни тухумы считались "лучшими" - более многочисленными и богатыми, другие - "худшими". Все люди, несмотря на это, признавались равноправными, за исключением потомков пленников, так называемых лагов. Тухумных кварталов и кладбищ не помнят. О башнях говорят, что отдельных башен у тухумов не было. Однотухумцы помогали друг другу в беде. Их родственная солидарность особенно ярко проявлялась при кровной мести, когда в той или иной мере в этом деле принимал участие весь тухум. Брачных запретов между членами разных тухумов старики не помнят.

Приведу терминологическую таблицу системы родства.

Таблица 3.

По-русски	По-ахвахски
1. Внук по мужской линии	Вашо, ваша, вашоша
2. Внучка по мужской линии	Вашо яше
3. Внук по женской линии	Яшотли вашо (Яшотли вашо - ред.)
4. Внучка по женской линии	Яшотли яше (Яшотли яше - ред.)
5. Сын	Ваша
6. Дочь	Яше (Яши - ред.)
7. Племянник по мужской линии	Ваццо ваша
8. Племянница по мужской линии	Ваццо яше
9. Племянник по женской линии	Яццо ваша (Яццо ваша - ред.)
10. Племянница по женской линии	Яццо яше (Яццо яше - ред.)
11. Брат	Вацци
12. Сестра	Яцци (Яацци - ред.)
13. Отец	Има
14. Мать	Иля (ила - ред.)
15. Дядя по отцу	Имо вацци
16. Бабушка по матери	Ило вацци
17. Тетка по отцу	Имо яцци
18. Тетка по матери	Ило яцци
19. Дед	В разговоре родственников - имо има; дети называют деда - ингца има; в разговоре чужих - инкца экива, т.е. "большой человек"
20. Бабушка	В разговоре родственников - ило яля; дети называют бабушку - инкца иля, т.е. "большая мать", в разговоре чужих инкца акка, т.е. "большая женщина".

Религия ахвахцев - ислам суннитского толка. Имеются до-
исламские пережитки. Праздник первой борозды унчохе, т.е.

"выход быков", справлялся в день весеннего равноденствия. Обряды прекращения засухи устраивались на высоких горных местах. Для Нижнего Ахваха особенно славилось урочище близ киратинского селения Тукита, где коллективно молились, превращали особо почитаемый камень, резали барана и угощались.

Изобразительное искусство ахвахцев представлено орнаментом геометрического стиля в резьбе по дереву, сходным с аналогичными мотивами искусства багулатов, тиндалов, соседних аварцев и других. В ахвахских аулах на зданиях имеются петроглифические изображения — разные камни с изображениями спиралей, крестов, елочек, треугольников и других знаков.

Не изученный фольклор этого народа имеет разнообразные жанры, в том числе песни — лирические, шуточные и другие. Песни исполняются на родном языке. Иногда поются песни и на аварском языке. Мужчины поют под аккомпанемент струнного музыкального инструмента — ландур.

Приведу фрагмент песни, записанный на ахвахском языке; в русском переводе. Это обращение к девушке:

Ты там, я здесь. Приду к тебе и возьму сына.

Ты на горе Туручи, я на горе Тахо.

Приду и возьму тебя на гору Тахо:

Ты в Цухатили, я на горе Чвани.

Хочу, чтоб мы были в лесу Чхо.

Можно сказать, следовательно, что ахвахский материал, наряду с адыгейским, дает повод для пересмотра существующего мнения о безоговорочном отсутствии у малых народов Дагестана песен на родном языке.

Бежитины. В существующей литературе бежитины (самоназвание — бежитлас) обозначаются еще термином грузинского происхождения — калучины (калучинцы). Авары, окружающие бежитинцев, называют их и все бежитинское общество — Хсанал, что в какой-то мере является и вторым самоназванием данного народа. Бежитинцам известен грузинский термин Камаки, которым грузины называют бежитинский аул Тлядал и его жителей. Но даже в настоящий момент у бежитин твердого представления о своем едином названии и этническом единстве не существует. Бежитинская культура находится в большой мере под влиянием окружающей аварской культуры, с ее письменностью, которой пользуются бежитины.

Территория обитания бежитин — отдаленная от центров горная зона Тляротинского района. ~~В настоящее время~~ Колесная Аваро-Кахетинская дорога, проходившая через бежитинские земли, в настоящее время разрушена и местами превратилась в тропу, годную только для проезда верхов. Климат местности суровый. Зимой выпадают большие снега.

Соседями бежитин являются на юге грузины (Кахетия), на западе (до переселения) — цезы, на северо-западе — хварзины, с остальных сторон — авары Тляротинского и Кахибского районов. Культурные и экономические связи с Кахетией были чрезвычайно сильными.

Бежитины населяют аулы Бежита (свыше 400 дворов), Хчархота (свыше 30 дворов) и Тлядал (свыше 120 дворов). Аулы старинные. Первые два, расположенные рядом, образуют один сельсовет, второй сельсовет — тлядальский.

Численность бежитин по переписи 1926 г. — 2549 чел.^I Сюда входят и 157 чел. гинухцев (по более поздним местным данным 1933 г. — 244 чел.) — жителей аула Гинух (теперь

^I В остальных переписях бежитины не учитывались.

переведенного в новый район), находящегося несколько на отлете в пограничной полосе бывшего Цунтинского района, близ ныне переселенного цезского аула Кедеро. Некоторые исследователи считают гинукское наречие особым языком, родственным бежитинскому. В самом бежитинском языке, очень мало изученном, различаются говоры по аулам.

Основное занятие бежитин — скотоводство, главным образом, разведение мелкого скота в соединении с земледелием; аналогичный тип хозяйства имеется у соседей — тляротинских аварцев. Кутани — на плоскости в Баба-Юртовском районе. До революции на зимние пастбища шли в Грузию, отчасти пользуясь родственными связями, но за последние два столетия довольно значительное число бежитинцев перешло в Грузию и основало там свои дворы и хозяйства. Главные хлебные злаки — ячмень и просо. Кроме того, сеют пшеницу, рожь и разводят картофель. Кукуруза привозится из Грузии. Земледельческие орудия те же, что у аварцев.

Годовой круг сельскохозяйственных работ таков: посев в начале мая, покос с середины июля, уборка хлеба с полей — в августе, молотьба в сентябре, заготовка дров, вывоз навоза на поля и починка дорог — поздней осенью, перегон овец на летние горные пастбища — в конце мая, возвращение скота с гор — в конце сентября. Мужчины пахут, все остальные полевые работы выполняют женщины. Стрижкой овец и их доением занимаются мужчины. Крупный скот зимой держат в хлебах. Своего хлеба на год не хватает, чего отнюдь нельзя сказать о продуктах животноводства. Чаще, чем во многих других местах Дагестана, гости здесь без особых трудностей угощают жареной бараниной, свежей или вяленой.

В связи с ведущей скотоводческой отраслью хозяйства бежитинские женщины изготавливают много грубых подстильных войлоков и шерстяных вязаных изделий. Развита также обработка кожи и овчины, шитье овчинных туф. Из кустарных производств можно отметить златокузнечество (виделка женских серебряных украшений с чернью, гравировкой, филигранью) и кузнечное дело.

Оба главных бежитинских аула отличаются по сравнению с аулами тляротинских аварцев своими крупными размерами, меньшими следами разрушений, неизменным местоположением внизу, у самой реки, и отсутствием башен. Последнее обстоятельство однако не означает отсутствия у бежитинской крепости. Известно, что бежитины вместе с аварцами в старину совершали набеги на Грузию, а при Ираклии II даже величали дань натурой и деньгами с грузинских селений Приахазанья, Сабуэ, Шельда и некоторых других.

Ландшафт, окружающий бежитинские аулы, довольно живописен. Склоны, идущие к реке, то каменисты, то покрыты кустарником, то представляют собой пахотные и пастбищные участки.

Постройки в аулах поставлены вдоль берегов более или менее правильными параллельными рядами, постепенно повышающимися по мере удаления от реки. Издали это создает картину ступенчатости. Однако, на деле планировка отличается от обычной планировки большинства аварских аулов, где нет такой правильности.

Дома очень высокие, большей частью трехэтажные, иногда четырехэтажные. В кладке стен употребляется не только рваная горная порода, но и круглый речной камень. Устой под висят балконами и углы зданий подчас состоят из сложенных в клетку брусьев с промежутками, заполненными крупной речной галькой и глиной. Крыши плоские, но в Тлядале, как знак грузинского влияния, можно насчитать до десятка домов с шатровым четырехскатным перекрытием, сделанным из драги. Для Дагестана это совершенно необычная картина. На фасадах нередко большие прямоугольные проемы, глухо забранные почерневшими от времени толстыми колотыми досками с маленьким двойным квадратным прорезом. Это нечто иное, как окна старинных зимних, ныне уже заброшенных комнат, находившихся в непосредственном соседстве (за переборкой) с помещением для скота. Некоторые дома имеют только частично каменные стены, так как верхние этажи по фасаду и по бокам делаются в ряде случаев дощатыми или плетеными из хвороста.

Вообще тут, как и в Тларота, характерно сочетание в постройках камня и дерева. Плоские крыши по краям аккуратно обложены берестой. Каменные четырехгранные трубы на крышах, имеющие боковые дымовые отверстия, перекрыты шифером, землей и той же берестой.

Очень типичной чертой является вынесение хлебного амбара из основной жилой комнаты, где он обычно помещается у аварцев, наружу — на крышу, на террасу или на площадку около входа во второй или третий этаж дома. Хлебный амбар представляет собой капитальное, из колотых досок, срубное, преимущественно кубической формы, сооружение, напоминающее небольшой домик с плоским перекрытием и низкой дверью.

Нижние этажи современных бежитинских домов заняты хлевами и сеновалами, а верхние — жилищем. Последнее бывает во втором и третьем этаже, хлев — в первом или втором этаже, сеновал — большей частью во втором этаже. Упомянувшееся выше старинное зимнее жилье находилось рядом с хлевом в первом или втором этаже, тогда как летняя комната была выше. Входные двери в этажи и наружные лестницы ведут с разных сторон дома: чаще в хлев с фасада или сбоку, на сеновал — сбоку, в жилое помещение — с тыловой стороны.

Внутренняя обстановка бежитинского жилища большей частью непритязательна. Здесь имеются пристенный очаг каминного типа, нары для сидения и сна, покрытые полосатой шерстяной тканью или однотонным войлоком, деревянные хлебные лари с резьбой, деревянные точеные блюда, долбленые деревянные цилиндрические сосуды, начиная от очень больших, в том числе маслобойки грузинского типа, на которых работают не сидя на полу, как на аварских маслобойках, а стоя, грубые медные кувшины лакской работы, глиняные неполитые грузинские кувшины, крюки для мятья овчин, полуклонные рамообразные ткацкие станки, веретена и оригинальные по форме шерстечесалки, на которых можно работать только сидя на довольно высоких нарах, а етнольд не на полу, как всюду в Аварии.

Выходя из жилой комнаты на террасу, поддерживаемую столбиками, иногда украшенными резьбой, встречается нары, висящие на жердях шубы и овчины и иногда ульи в виде долбленых, положенных горизонтально колод с подвешенным вблизи конским черепом (от слеза).

Пища бежитин в значительной мере отражает преобладание скотоводства: употребительны сыры четырех сортов, кислое молоко, коровье масло, мясо в разных видах. Зерно перед размолотом поджаривается для пресных лепешек слегка, для толокна — сильнее. Толокно смачивают водой и подают в виде увлажненной муки. Чтобы его есть, надо зажать в кулаке горсть этой муки и сделать таким образом плотный комочек. Едят толокно без всего, или употребляют его вместо хлеба с сыром, мясом, яичницей, медом. Из проса, пшеницы или ржи готовят хинкал, начиненный яйцами, сыром, мясом или без начинки. Бедные семьи, которым не хватает хлеба, широко используют в пищу дикорастущие съедобные растения в вареном или квашеном при помощи молочной сыворотки виде. Оригинальное кушанье делают из оленьего желудка. Желудок начиняют сыром, рубленным соленым мясом и маслом и сохраняют как консерв. Перед употреблением фаршированный желудок режут ломтами вместе с начинкой и поджаривают или варят. Весьма любимым блюдом является жареная или вареная форель, которой много водится в реках.

Женский национальный костюм напоминает, но не повторяет в точности, одяние тляротинских аварок. Носят платьевых туникообразного покроя, крученный матерчатый пояс, иногда фартук, завязывающийся на нее. На голову вместо чухты, т.е. мешка, скрывающего волосы, надевают платок, завязывающийся узелком над лбом. Поверх платка накидывают шаль, обыкновенно огибающую подбородок. Женщины очень любят нагрудные серебряные навески, большие кольцевые серьги, браслеты — вещи местного производства. Фартуки и фартучные завязки украшаются серебряными монетами. Шуб женщины не носят. Мужчины же обычно носят овчинные шубы с длинными лож-

ными рукавами.

Из мужского комплекта очень интересен встречающийся у бежитин, равно как у тляротинских аварцев самого верхнего участка, особый вид верхней одежды, преимущественно используемой чабанами. Это необычайно примитивная по покрою длинная широкая прямая куртка с прямым разрезом спереди из грубого белого или темнокоричневого войлока. Куртка состоит из четырех основных частей: большого куска, образующего спину, передибавшегося на плечах и спереди дающего пол, двух рукавов и низкого воротника. В остальном мужская одежда нивелирована, за исключением, может быть, штанов косого покроя, которые часто и теперь шьются из светлого домашнего сукна, и округло мохнатой папахи из черной бараньей шкуры.

Самой оригинальной, специально бежитинской, частью мужского и женского одяния являются шерстяные вязаные сапоги, по форме и орнаменту которых аварцы без ошибки определяют национальную принадлежность их носителей. В этих сапогах бежитины могут ходить круглый год — и по сухой земле, и по грязи, и по снегу. Сапоги отличаются хорошей вязкой. Мужские сапоги в голенищах немного ниже женских. Вязка на подошве плотная и толстая. Носы умеренно загнуты. Орнамент сделан и вязальной техникой и дополнительной шелковой цветной вышивкой. Мужчины употребляют также шерстяные узорные носки. Кожаная обувь сравнительно редка.

Материальная культура бежитин в целом складывается из сочетания местной основы и вкладов тляротинско-аварских, с одной стороны, и восточно-грузинских, с другой.

Историческим соответствием не раз употреблявшегося термина "тляротинские аварцы", основанного исключительно на современном административном делении ДАССР, будет старый местный аварский термин Антль-ратль ("семь земель"). Антль-ратль был союзом семи аварских вольных обществ, территория которых почти полностью совпадает с пространством нынешнего Тляротинского района. Из всех соседей бежитин названный союз имел наибольший удельный вес в развитии культуры опи-

сываемого народа. Один из сильнейших членов этого союза, а именно общество Анцух — составляло некогда с бежитинскими поселениями одно целое, покрываемое термином Анцух. Вот почему при перечне семи земель Антль-ратля аварцы иногда приводят еще и восьмую землю, так называемый Хванал, обозначая особо этим словом входившую в союз, а именно, в Анцух, совокупность всех бежитинских аулов с их жителями. Анцух-бежитинское сотрудничество было мощным объединением, которому, например, соседние цезы вплоть до первой половины XIX в. — платили дань. В мирных и военных связях Антль-ратля с Грузией естественно большее участие выпадало на долю расположенного у дверей Кахетии Хванала.

Таким образом бежитины, как и ряд других обществ Антль-ратля, представляли собой тип высоко развитого "вольного общества". Они были живым звеном сложного союзного целого, имели очень значительный по местным масштабам международный кругозор и в широких пределах поддерживали внешние сношения. В таком именно состоянии бежитинские общества во второй половине XIX в., под влиянием общих условий, вступили на путь капиталистического развития, которое было прервано Октябрьской революцией.

Хванал представлял собой, собственно, два крупных аула: Тлядал и Бежита, ибо Хочархота располагается совершенно рядом с Бежитой, образуя с ней почти полное единство. Оба эти аула обладали небольшой, но цельной территорией и своим, бежитинским, языком. В известной мере жители Хванала отличались особым складом культуры, но экономическую общность разделяли с более широкой группой окружающих их аварцев. Оба аула Хванала имели одну и ту же общественную структуру, характер которой можно проследить на примере Тлядала, оказавшегося более крепким хранителем традиций.

Тлядал делится по сей день (т.е. в 1940-е годы — ред.) на шесть родственных групп, для наименования которых бежитины пользуются терминами "тухум" или "тлибил". Эти шесть тухумов образуют две группы, вполне соответствующие двум

авалям (кварталам), на которые до сего дня делится Тлядал: группу Дьарудатгысса ("Нижние") и группу Кьедагысса ("Верхние"). Тухумы каждой группы между собой живут мирно, но между группами "верхних" и "нижних" существуют остатки антагонизма и обособленности: мальчишеские драки, не совсем изжитая вражда взрослых ("раньше друг с другом как звери были", говорят старики), отдельные мечети ("низкие" ходили в свою, а "верхние" в свою).

Земельные угодья обеих групп были тоже отдельными, причем леса и пастбища принадлежали целым тухумам, а пахотная земля делилась по отдельным хозяйствам. Водяные мельницы не состояли в частной собственности, а тоже принадлежали определенным тухумам.

На кладбище каждый тухум до настоящего времени имеет строго определенную часть. Зимой 1945 г. один тлядальский старик умер на отдаленном хуторе. Старуха с большими трудностями доставила его тело в Тлядал, чтобы похоронить. Был сильный мороз. Парни, не разобравшиеся в старых обычаях, ночью жгли на кладбище костры и оттаивали мерзлую землю. К утру могилу вырыли. Каков же был ужас вдовы, когда она узнала, что яма приготовлена не на участке, принадлежащем тухуму умершего, а на чужом.

Бежитинский тухум, представляющий собой совокупность людей, возводящих свое происхождение к еще более далекому предку и менее отчетливо помнящих свое родство с другими тухумами той же группы, имеет трехстепенное строение, подобное концентрическим кругам. Тухум состоит из нескольких частей, каждая из которых называется "илош агьлу" ("родство") или просто "агьлу". "Агьлу" в свою очередь состоит из нескольких меньших частей, каждая из которых именуется "илош билъо" ("дом"), или просто "билъо". Наконец, "билъо" делится на отдельные семьи. Число "агьлу" и "билъо" бывает четным и нечетным. Агьлу и билъо, будучи частями тухума, особой общественной собственностью, которая членила бы собственность тухумную, в большинстве случаев не имеют. Эти группы характеризуются, главным образом, ясно осознаваемыми более

или менее близкими степенями родства.

В тухумном строе Тлядзала существовал до сравнительно недавнего прошлого в пережиточном виде институт кровной мести. Кровные отношения возникали главным образом между тухумами "верхней" и "нижней" групп, реже — между тухумами одной группы и еще реже между "агьлу". Более узкие родственные группы принимали более активное участие в осуществлении кровнничества, коснувшегося их сочленов. С большей легкостью можно было примириться кровно враждовавшим членам одного агьлу, нежели людям, относящимся к более широким группировкам. Замена мести выкупом между тухумами была сравнительно труднодостижимой. "Цена крови" исчислялась в натуре 40 коровами, либо соответствующей их стоимостью. Если примирение не могло быть достигнуто, то кровные отношения заканчивались по принципу "око за око". При отсутствии примирения убийцу, по решению стариков, высылали без семьи в соседние аварские аулы на срок от пяти до десяти лет. Мстители могли его там убить. По возвращении, он обычно примирялся.

Не только кровная месть, но и вообще весь тухумный строй в Тлядзале испытывал значительные изменения. Вполне возможным, хотя и трудным, был переход из одного тухума в другой. Основное затруднение заключалось в наличии тухумной собственности. Тухум, из которого человек хотел выйти, обычно сопротивлялся. На этой почве даже бывали случаи убийств. Дело поступало к мулле, который вел переговоры со стариками. Если вопрос улаживался, то старались переменить и личный пахотный участок выходящего из тухума во избежание чересполосицы. Причины перехода в другой тухум — брачные соображения, мотивы личных взаимоотношений, стремление присоединиться к группе более авторитетной в общественном отношении.

Браки было принято заключать предпочтительно в пределах одного тухума и даже в пределах более узкого круга родства, каковым являлось "агьлу".

Среди божитинских тухумов зарождалось неравенство. Одни считались сильными и знатными, другие — слабыми и не-

знатными. Наиболее сильным признавался тухум ХлассакГомал, принадлежавший к Верхнему авалу, в среде которого, как выражаются местные жители, были "ханы", на самом деле, конечно, не феодалы, а родовая знать. В первой половине XIX в. в названном тухуме особенно славился некий Саид, имевший 8 братьев и одну сестру. Саид имел дом, представлявший собой "орлиное гнездо", и расположенный на самом верху. На постройку Саид заставлял родичей таскать камни. Он пользовался лучшими настоящими участками. Не довольствуясь этим, Саид возмнил желание захватить участки из земель нижнего квартала и послал людей с пущем для запашки чужого, нижнего, пахотного надела. Возникла кровная вражда, ибо Саид и его родственники в ходе дела убили трех братьев из нижнего тухума Чахьад. Оставшийся в живых четвертый брат по имени Баларакь решил мстить. Он тайно связался с сестрой Саида, которая сообщала, что Саид в такой то день пойдет осматривать ковую мечеть Верхнего квартала. Тот действительно вышел, но так как опасался выстрела кровника, то переоделся в женскую одежду и шел, окруженный группой женщин. Баларакь издали приметил, что у одной из женщин мужская голова, смекнул в чем дело и метким выстрелом убил переодевшегося Саида. После этого вражда продолжалась.

Несмотря на внутренние, т.е. собственно бажитинские, и союзнические с аварцами связи, тлядацы вступали отдельными группами с хачаротинцами и анцухами в столкновения на почве споров из-за летних пастбищ и лотков выгонов. К движению Шамеля тлядацы целиком присоединялись, и старики доселе хранят память о доблести отдельных лиц.

Просмотренная картина структура старого общественно-го устройства бажитин в основном повторяет аварскую, но обнаруживает, как видим, несколько более сложное сочетание концентрических кругов, которых насчитывается девять, а именно, идя от более крупных к малым, Агль-ратль, Анцух, Хванал, аул, авал, тухум, агьлу, бильо, семья.

Будучи мусульманами суннитского толка, бажитины сохра-

нили следы более ранних верований, в том числе общедатгестанский весенний обряд первой запашки с последующими состязаниями и выпеканием обрядовых кольцеобразных хлебов.

Бежитинский орнамент в вышивках, вязании и резьбе по дереву примыкает к аварскому, давая вариант геометризованного образца, в частности, с богатым наличием (в резьбе по дереву) солнечных мотивов. Бежитины обладают довольно развитым фольклором с песенной традицией. Знания русского языка среди населения ничтожно.

Колхозное строительство, школьное дело и политико-просветительная работа, ведущаяся на аварском языке, достигают весьма значительного уровня. На колхозных собраниях женщины принимают заметное участие, не отрываясь, однако, даже и тут от вязания шерстяных сапог и покачивания легких, плетеных из хвороста, джелек с младенцами, с которыми они приходят на собрание в большой зал мечети, ныне превращенный в колхозный клуб.

Хунзалы. Самоназвание хунзалов — хунзалис. Грузины хунзальское общество называют Энзеби.

До переселения (на равнину — ред.) хунзалы занимали пять аулов Тляротинского района: Горбутль, Нахада, Родол, Хеледа, Дорбал, в непосредственном соседстве с бежитинами, ниже по тому же ущелью, на северо-восток от бежитин, ближе к аварцам Анцуха.

В отличие от бежитинских аулов хунзальские, ныне опустевшие аулы, малы, расположены на окружающих реку высоких горных массивах изолированнее и малодоступнее. В них имеются остатки башен.

По отзывам бежитин хунзалы отличались воинственностью, храбростью и склонностью к набегам.

По языку, а по-видимому и по быту, хунзалы ближе всего стоят к бежитинам. В старой литературе иногда встречается даже полное их отождествление. Окружающее население — бежитины и аварцы — зачастую тоже считают или считали хунзалов теми же бежитинами, но лишь обладающими особым наречием.

Некоторые местные версии группу хунзальских аулов прямо причисляют к обществу Хванал.

Приведенные факты свидетельствуют о значительности бежитинско-хунзальской близости. Однако, в настоящий момент нет оснований отбрасывать принятое лингвистическое деление, выделяющее хунзальскую речь в качестве особого языка и причислять этот маленький народ к бежитинам.

Хунзальский язык мало изучен.

Этнографические сведения по хунзалам отсутствуют.

АРЧИНЫ

Арчинцы живут в Чародинском районе Дагестанской АССР. По старому административному делению место их обитания входило в состав Кавикумухского округа Дагестанской области.

Этот маленький по численности народ (по публикации 1873 г. — 592 чел., по публикации 1895 г. — 765 чел., по данным переписи 1926 г. — 854 чел., по полученным на месте сведениям в 1945 г. — 985 чел.) имеет лишь один аул (на высоте около 1,8 км над уровнем моря) и шесть окружающих его отселков, самый дальний из которых находится в расстоянии 5-6 км. Все упомянутые семь арчинских поселений лежат в долине правого истока р. Кара-Койсу (называемого по-аварски Риэ-ор), представляющей собой горную зону с довольно суровым климатом, лишенную фруктовых садов, богатую летними пастбищами и сравнительно бедную лесами. Зима начинается в октябре. Скот держат не только на склонах, но и в ауле.

От Цума (районного центра) арчинский аул находится на расстоянии около 30-ти км; до Кавикумуха считается около 45-ти км. Автомобильных дорог нет. Можно проехать только на арбе или верхом.

Соседями арчинцев являются на востоке лаки, на западе аварцы. На этнографической карте, следовательно, этот малочисленный народ выглядит небольшим дитяшником, окруженным территориями двух вышеуказанных крупных горских народов Дагестана.

Арчинский аул (45 хозяйств) на арчинском языке называется Арша; по-лакски Арчи; по-аварски Ручиб или Арчиб.

Общепринятый термин "арчинцы" основан на лакском наименовании. Его можно было бы заменить термином, основанном на аварском наименовании "арчибы".

Самоназвание — аршашиб (ед.ч. — аршашду). По-аварски — рочисал, или арчисал.

Арчинские отселки носят имена: Кубатл (19 хозяйств),

Хилик (50 хозяйств), Алчиноб (55 хозяйств), Хилиб (55 хозяйств), Кисер (25 хозяйств), Калиб (9 хозяйств). Некоторые из них, как видно, по числу хозяйств превосходят Арчиб.

До Революции отселки были лишь зимними хуторами, расположенными ближе к выгонам, лугам и запасам сена. По старым адатам три летних месяца полагалось жить в Арчи, а остальные 9 на хуторах. Нарушители такого правила по решению общества карались штрафом.

После революции (когда известная доля арчинских горных пастбищ была отрезана за счет закрепления за Арчи, зимних пастбищ на плоскости, в нынешнем Кизлярском районе) отселки превратились из сезонных хуторов в настоящие аулы, ибо часть жителей перешла туда из самого Арчиба на постоянное жительство. В связи с этим верхний квартал Арчиба в настоящее время — грудя полуразрушенных покинутых жилищ, причудливо вырисовывающихся своими контурами по верху гребня.

Арчинский язык по принятой лингвистической классификации входит в состав восточно-кавказской, или дагестанской семьи афетидов на положении отдельного языка. Его сближают то с аваро-андо-дыкойской группой, то с лезгинской, то с языком лаксов. В дошедшем до нас состоянии арчинский язык суть смешанный, роднящийся своим наиболее древним слоем с лезгинской группой, но вследствие долгого пребывания народа в соседстве с аварцами и тесной культурной связи с этими последними, ставший во многих отношениях близким к аварскому. Как у самих арчинцев, так и у соседних аварцев и лаксов распространено мнение, что арчинский язык "самый трудный" и "единственный в мире". По этому поводу существует местные народные предания и легенды (творец измыслил все языки; когда дело дошло до раздачи их народам, то самый трудный пришлось взять самому малому, т.е. арчинцам).

Помимо родного языка, многие арчинцы владеют, как правило, аварским, а также лакским.

Особая близость арчинцев к аварской культуре несомнени-
зна. Примечательно то обстоятельство, что аварцы ушалья
Рис-тор считают арчинцев своими единоплемениками, лишь
говорящими на другом языке. Это безусловно признак значи-
тельной культурной близости.

По антропологическим данным (1913 год) арчинцы име-
ют смуглый цвет кожи, волосы черные и русые; цвет глаз
большую часть темный; рост выше среднего; головной ука-
затель гипербрахицефалический.

Происхождение арчинцев не выяснено. По рассказам
стариков народ делился на родственные группы, так называ-
емые тухумы. Сейчас общее количество таких тухумов более
50-ти. Они сводятся к первичным 17-ти. Одни тухумы счита-
ются местными по происхождению, другие якобы происходят
от двух легендарных братьев, когда-то вышедших из Ирана.
В литературе второй половины XIX века приводится предан-
ние о том, что арчинцы раньше были сильным народом, все-
вавшим с соседями (аварцами и лаками) и исповедовавшим хри-
стианство. Среди современных стариков воспоминаний об
этой версии зафиксировать не удалось. Старики уверали,
что их народ был первым в Дагестане, принявшим от арабов
ислам. То же самое про себя говорят и соседние лаки. Но в
пример тому окружающие аварцы гораздо реже хранят леген-
ды о христианстве, предшествовавшем распространению му-
сульманства. По аварским легендам арчинцев считают выход-
цами не то из "Рума", не то из "Индии", ссылаясь на то,
что в "Мекке" встречались люди, будто бы говорившие на
арчинском языке.

Можно предполагать, что арчинцы вместе с лаками дей-
ствительно получили ислам (суннизм) раньше своих соседей
аварцев.

И лингвистические данные, и некоторые этнографичес-
кие особенности, выделяющие арчинцев из окружающей их
среды, свидетельствуют о том, что в лице этого маленького
народа мы имеем остатки древнего местного стойкого этни-
ческого элемента, правда, принявшего вклады от соседних

и прилих групп, очевидно сильно уменьшившегося в численности, но все же не ассимилированного до конца.

Основным занятием арчинцев являлось и является пасторное пасторное скотоводство, главным образом разведение овец. В старое время хозяйство Арчиба было более земледельным, почти не пользовавшимся перегоном стад зимой на плоскогорья. Овцы большей частью оставались в горах круглый год на подножном корму. Арчинцы считались богатыми барановодами. В настоящее время арчинцы имеют колхоз, по мощности занимающий в Чародинском районе второе место. В нем числятся около 12 тысяч голов мелкого скота и около 600 голов крупного. Экономика в значительной мере изменилась, ибо колхоз широко пользуется кутанами. Скот перегоняется на кутаны в сентябре, в горы же возвращается в начале июня. За стадами следуют колхозные чабаны (около 50-ти человек) и подсобный персонал (около 120 человек). При колхозе скотные дворы, фермы, ветеринарный пункт.

Своего хлеба, как и раньше, не хватает. Мясо в Арчи дежение мучи. Колхоз возделывает зрелую пшеницу и яровой ячмень. Пшеницу сеют в апреле, урожай собирают в сентябре. Покосом занимаются после уборки хлеба. Обмолот производит собственные молотильные доски.

Оплата трудодней в арчинском колхозе за 1944 год распределялась в следующем: 370 г масла, 280 г сыру, 305 г шерсти, 500 г мяса, 380 г зерна и деньгами — 6 рублей 80 коп. Хороший колхозник вырабатывает в год до 600 трудодней.

Из местных производств можно указать лишь на ряд подсобных домашних занятий: шерстяное ткачество, изготовление обуви и швейных нуб, деревообработка.

Каждая хозяйка имеет большой запас самодельных шерстяных мешков, переметных сум, паласов (для постелей, стен и полов). В каждом доме также вы найдете большое количество здесь изготовленной утвари и мебели, украшенной резь-

---

¹ Пахотное орудие типа легкого плуга (ред.).

бой. Таковы мерки для муки, солоницы, ложки, вилки, детские шашки, сундуки, лари для хранения муки и зерна и т.д.

Глиняная посуда идет из Балхара, медная — из разных ланских аулов. Впрочем и среди самих арчинов есть лужичники и медники, уходявшие раньше в отход в разные места Закавказья.

По первому взгляду Арчи почти ничем не отличаются от соседних аварских аулов. Улицы узкие, кривые, дома скучены. Однако сохранившиеся старые постройки очень высокие и велики. Некоторые здания крыты нефером (почти плоское перекрытие).

При более детальном ознакомлении с бытом выясняется ряд чисто арчинских особенностей.

В устройстве жилища, например, обращает на себя внимание особое зимнее помещение семьи в старых домах, занимавшее второй этаж (или даже в первом этаже и летних комнатах — в третьем). Это зимнее помещение очень низкое (до 1,5 метра) и темное. Хлеб для него служит как бы естественным отоплением. В углу, в цели освещения, лежит куча щепок, тогда как очаг, костер для приготовления пищи, находится посредине. Целовидные дыры в стенах выводят дым наружу и отчасти освещают это мрачное убежище. В настоящее время такое жилище встречается редко.

Хозяинка зачастую в теплые время года ночует в низкой зимней комнате, чуть свет приподнимая лок и выходя через него на третий этаж, где спят остальные. Если зимой приехал гость, то его, конечно, устраивают в летнем, отапливаемом печкой временной, помещении, где, как правило, хранится все лучшее достояние дома.

Достоин внимания то, что раньше, на памяти старшего поколения, одно из этих зимних помещений (или даже просто определенный овечий хлев), в каждом квартале Арчибы отдельно, являлось местом зимних женских сборищ. Женщины со всего квартала в количестве 30-40 человек и больше приходили сюда из домов на весь день, рассаживались на полу

и под общую беседу занимались рукоделами. Та, которой нужно было готовить обед или сделать что-либо необходимое по хозяйству, случалась, справляла дело и снова возвращалась в этот своеобразный клуб.

Как видно, арчинская зимняя комната очень типична для старого быта описываемого народа, хранящего особенно ярко выраженную старую традицию кочевнико-скотоводческого обихода. Тут помнят еще о таком устройстве жилищ, когда в одной камере помещались и люди, и (за неполной легкостью перегородкой) скот.

Жизнь в тот период, восходящая к середине XIX в., была чрезвычайно замкнуто. Брачные связи строго ограничивались пределами родного аула. В другие места из родного аула отлучались мало. Существовали почти только собственным натуральным хозяйством. Занятие пастбищ для парней и мужчин считалось делом почета: кто на чабан и у кого было скота, тот не человек. Чабаны должны были отличаться силой, ловкостью, выносливостью, умением лечить раны и ушибы (при помощи овечьей бараньей кожи и лубков). Они также должны были уметь играть на свирели.

В том же направлении отличия арчинской культуры подмечаются самими аварцами, когда они говорят об арчинском способе доения овец (аварцы доят в бурдюк, арчинцы в котел) и об арчинском способе сушки мяса (у аварцев на солнце, у арчинцев в тени), считая свои приемы менее совершенными.

В жилище арчинцев встречается еще один элемент, отражающий прежние нравы — охотничьи трофеи. Занятие охотой являлось, должно быть, у них когда-то делом не менее важным. По этому поводу у аварцев есть такие наблюдения: арчинские охотники ходят по горам, как и чужие чабаны, так что страшно смотреть; по пятницам они турсы не били, и если кто шел, то шел ночью, днем совершал молитву.

Внутреннее убранство современных арчинских домов поражает порядком, чистотой, обилием утвари, посуды, мебели.

Это верхний этаж дома. В нем теперь, в большинстве случаев, живут круглый год. Кухня ставится на каменном очаге типа камин, а передняя комната — небольшой железной печкой, обогреваемой летом. Если в кухне все обставлено "по-кавказски" (лишь для муки, баландская посуда, медные и деревянные сосуды, висят на балках и стенах, стоящие на полу или расположенные близ очага), то в передней комнате много вещей городских. Здесь имеются застекленные окна, столы, стулья, а рядом с ними ильменские дагестанские треугольные табуретки, резная мебель, медные тазы на стенах и босая обувь, привешенная к матецам. Вдоль одной стены на гвоздях висят шляпы, головные уборы, ожерелья. Именно эти предметы банального убранства снова обратят нас к чисто арчинским особенностям арчинского быта.

Наиболее интересной является головная повязка (чухта). Разговоры о ней начинаются далеко от Арчи: арчинцы, мол, дикий народ, их женщины половину лица закрывают серебром. Действительно, названный убор представляет собой совершенно уникальный по характеру вариант. Арчинская чухта, будучи (как и во многих других местностях Дагестана) длинным чепцом или мешком, скреплявшим волосы, имеет особую несимметричную нашивку из серебряных монет, широкую слева и узкую справа. Эта полоса от височных частей идет вниз и огибает подбородок. При этом левая щека почти целиком оказывается покрытой серебром, а правая лишь обрамлена. Темная часть (спускающаяся спереди ко лбу) обшита серебряными шариками, цепочками, кораллами. Один из осмотренных экземпляров показал, что слева нашито 50 монет (разного достоинства, от гривенника до рубля) в 3-4-5 рядов, а справа всего 15 монет в два ряда; левая сторона, кроме монет, имела поверх них двенадцатисантиметровую навеску из цепочек, заканчивавшихся бляхами с зерном и гранировкой.

Чухту описанного типа в наши дни в повседневной жизни носят (девочки, девушки и молодые женщины) сравнительно редко, но вовсе вышедшей из употребления в Арчибе эта вещь считаться отнюдь не может.

Местное население "левое серебро" склонно объяснять, если не библейской легендой (бог сотворил Еву из левого ребра Адама, в память чего женщинам и надо закрывать левую щеку), то знаком уважения к мужу. В старину женщины, как говорят, даже спали в этой чухте, лежа на правом боку и обратив серебряное нащечное украшение в сторону лежащего рядом мужа.

Можно думать, что несимметричное украшение арчинской чухты пережиточно отражает ярче, чем это часто встречается, древнейший слой представлений, связывавших головной покров с задачами оберега и предохранения носительницы от несчастия и глаза.

Кроме чухты излюбленными являются комбинированные ожерелья (из сочетаний бусин, кораллов, янтаря, бирюзы, серебряных цепочек, блях, связок, нанизанной на нитку, сушеной гвоздики) и такие же грудные навески.

Остальные части женского костюма мало отличаются от соседнего аварского или дагестанского (туникообразное платье-рубашка, платье в талию с серебряным поясом, войлочные сапоги с загнутым носом, овчинная шуба в талию с простыми нормальными рукавами, овчинная накидка с длинными ложными рукавами). Мужская одежда аналогичная аварской.

В отношении общественного и семейного быта арчинцы также имеют кое-какие отличия. В прошлом этот небольшой народ входил в состав соседнего аварского общества Ду-срах, или Рис-ср, время от времени платил дань жанам казз-кумухским. Люди делились на тухумы, ныне смешавшиеся "как мука", и считались равными. Тухумное деление ныне почти забыто. Аулом управляли выборные старшины. Земля была частью в личном пользовании семей, частью во владении общества. Общественными землями распоряжались старики, причем покосы и пастбища распределялись по самостоятельным хозяйствам. Самостоятельным хозяйством считался дом, принадлежавший жанату. Поэтому практиковались особенно ранние браки: мальчика женили и объявляли молодоженов отдельным домом. Об этом обычае общественного распределения зе-

мель и связанных с ним ранних браков у арчинцев рассказывают и агарцы.

Общественная форма распределения земель вместе с указанным выше обыванием общественной регуляции сезонного проживания в ауле и на хуторах представляет собой заметную в старом слое обычаев Арчи тенденцию крепкой власти, сосредоточенной в руках почетных стариков, власти, которой община (сперва основанная на основе родовых групп, а позже ставшая соседской), как определенному адату, неуклонно подчинялась.

Положение женщины и в прошлом в некоторых отношениях отличалось чертами свободы. Агарцы отмечают: у нас муж с женой и брат с сестрой на свадьбе и праздниках вместе не танцевали, а у арчинцев танцевали. Женщины играли большую роль в хозяйстве иной жизни селения и выполняли главные сельскохозяйственные работы. Они же доставляли раньше на своих спинах хлеб и сено с полей и покосов.

К свадьбе, как она играется теперь, родители жениха готовят невесте два комплекта одежды, украшений и обуви. Женщины все это торжественно несут в ее дом. Через несколько дней невеста надевает подаренную одежду, давая тем самым знать, что начинается свадьба. В день свадьбы перед вечером родные жениха идут за невестой. По дороге поют, и все окружающие узнают из этого о готовящемся событии. После ряда церемоний девушку берут под руки (по одну сторону ее подруга, а по другую представительница жениховой родни) и ведут к жениху. Здесь ее встречают и сажают на особое место. В той же комнате происходит пир, на котором присутствует также жених среди мужчин. После угощения и танцев гости расходятся и в комнате остаются лишь молодые и подруга невесты. Вскоре подруга уходит, и молодые остаются одни. Утром одна из родственниц жениха входит к ним и берет свадебную рубаху девушки к себе. О невинности невесты знают только она и жених. Дней через десять из дома родителей невесты к молодым несут добро, принадлежащее невесте. Еще дней через десять невеста

возвращается к своей матери одна, живет здесь два-три дня и затем возвращается к мужу.

Первого ребенка рождает в доме мужа, причем помощи со стороны своих родных (как у соседних аварцев) не получает.

В домашнем быту арчинцы отличаются большим гостеприимством. Приезжий холостой мужчина, даже не будучи гостем, по обычаю пользуется со стороны арчинских женщин известными заботами и уважением. Так, если он даст хозяйке муку и попросит что-нибудь (суп, сыр, масло и т.п.), она, возвратившись, принесет и ему от себя мясо, сыр, масло и т.п.

Достаточно твердое в прошлом мусульманское правовое не изгладилось у арчинцев некоторых старых, комусульманских обычаев. Один из них касается дня весеннего равноденствия. В этот день семья должна обязательно хорошо покушать. Поэтому арчинцы заранее запасаются продуктами и готовят лучшие кушанья. Если своих запасов нет, то покупают их на стороне хотя бы ценой самого дорогого обмена. Считается, что хорошо устроиться в эту заветную ночь нужно, чтобы быть сытыми и богатыми в течение всего года. Едва ли надо пояснять, что в упомянутом обычае кроются остатки праздника (связанного с забытым обликом и именем языческого божества) в честь весеннего урожая и плодородия, столь широко распространенного не только у близких соседей, но и в среде других горских народов Дагестана.

Очень распространённый у арчинцев орнамент (главным образом в резьбе по дереву) не лишен своеобразия. Он геометризирован, очень четок, строг и почти не дает форм развитого растительного стиля, характерного не только для Дагестана, но и для всего Ближнего Востока. Строгий арчинский орнамент особенно хорошо проявляется на больших резных ларях. (Резных хлебных амбаров и колонн в домах, как у аварцев, в Арче нет). По типу орнамент арчинцев весьма архаичен, близок к соответствующему слову изобразительного искусства Аварии и вместе с этим последним хра-

нит предания отдаленного до-мусульманского периода.

Что касается серебра и других ценных материалов, то златокузнечество тут большей частью являет собой казачи-мукские или кубачинские образцы, либо заменяется простыми связками монет, блях, бусин, гвоздичных пучков.

Культура Арчи в целом дает картину смешения поздних форм, значительной нивелировки и архаичных ранних по происхождению местных реликтовых форм. Будучи связанной с вариантами соседних культур (особенно аварской) она не утратила ряда оригинальных черт, отложенных наличием не только особого языка, но и существованием, как мы видели, ряда определенных хозяйственных и бытовых признаков.

Кайтаки являются преобладающим этническим элементом Кайтакского района ДАССР, где в соседстве с ними имеется еще небольшое количество даргинцев, кумыков и горских евреев, и пограничной с ним (с юго-востока) полоса Дахадаевского района (в основном даргинского). По старому административному делению эта территория входила в Кайтако-Табасаранский округ Дагестанской области. Географически она определяется, как средняя часть бассейна р. Улду-чай, впадающей уже вне Кайтакского района в Каспийское море.

Восточная часть территории кайтаков предгорная и равнинная, соприкасающаяся с приморской низменностью Дербентского района, западная — нагорная. Аул Маджалис (районный центр Кайтакского района), расположенный приблизительно в центре области, как раз лежит у подножия гор. Аул Ицари (уже в Дахадаевском районе), являющийся точкой, наиболее выдвинутой на восток, наоборот находится в глубине гор. В силу сказанного в одной части территории обтакая кайтаков климат мягче, в другой — значительно суровее.

Общее количество кайтакских аулов — около 60-ти. Наиболее видные из них: Маджалис, Ицари, Бармамай, Ахмед-кент, Варсит, Давыгат, Дибасхи, Карапан, Кершик, Куладжа, Лима, Керки, Чумлы, Янги-кент².

Сами себя кайтаки делят по группам аулов на общества Ирчамул, Шуркант, Катаган, Ицари, составлявшие так называемый Верхний Кайтак (западную половину территории) и на Нижний Кайтак, или Каракейтак (восточную половину территории).

I Этнография кайтаков почти не изучена. В настоящей статье использованы материалы экспедиций Института этнографии Академии наук СССР 1940 г. и 1944 г. В статье сохранено принятое у Е.М.Шиллинга написание этнонима кайтаки, в отличие от более позднего — кайтаги (ред.).

2 В ряде аулов население смешанное, не целиком кайтакское (Маджалис, Чумлы, Янги-кент и др.).

Кайтаки соседят — на западе с даргинцами и кубачинцами, на юге с агулами и даргинцами, на севере с даргинцами и кумыками, на востоке с табасаранцами и кумыками. Численность по переписи 1926 г. — 14424 человека³. Самоназвание — хай-лакка.

Кайтакский язык по лингвистической классификации входит в даргинскую группу дагестанской, или восточно-кавказской ветви афатидов. Письменность — даргинская.

Османский путешественник XVI в. Эвлия Челеби, бывавший кайтаков на Кавказе в 1647 году, записал на их языке несколько десятков слов. Анализ этого материала обнаруживает в ту эпоху наличие у кайтаков мятальских языковых вкрадков. Современник Тимура Низам-ад-дин Шахи свидетельствует о древности этого народа в 1395 г. в Тохтамышу.

Сопоставление двух названий диники говорит о том, что в этногенезе кайтаков, наряду с древней местной кавказской средой, играли известную роль золотоордынские пришлые элементы, происшедшие в Дагестан с севера.

Религия — ислам суннитского толка. Типично почитание пиров (святых мест, больших частей могал), отражающее еще предшествующий исламу период.

Местные предания о принятии исламизма при Абу-Муслиме (в VIII в.) носят в значительной мере следы поздних книжных вымыслов. В эпоху Тимура кайтаки были по свидетельству современника людьми "без веры" (с точки зрения мусульманского правоверия). Венецианец второй половины XV в. Барбаро писал, что среди них много христиан. Таким образом позднее упрошение ислама среди кайтаков является несомненным. Этому не противоречит факт первого проникновения религии Мухаммеда в Кайтак еще при арабах.

Обе половины Кайтака, а равно часть соседней даргинской территории, входили в состав известного на Восточном Кавказе сильного феодального владения, так называемого уц-

³ В остальных всесоюзных переписях кайтаки не выделялись, а учитывались в составе даргинцев.

ийства Кайтаковского, во главе которого стоял уцмий. По преданиям, этот титул был установлен арабами в VIII в. Все за зарождение феодальных отношений в Кайтаке, особенно в полосе, прилегающей к Каспийскому побережью, следует относить к эпохе раннего средневековья.

Наиболее старые уцмийские памятники (из сохранившихся) относятся к началу XV века. Это датированные надгробия в ауле Кала-Корейш (ныне переселенном в новые районы бывшей Чечни). Последнее резиденция уцмий была перенесена в даргинский Уркарах (современный районный центр Дахадаевского района), а затем в Маджалис (основанный в конце XVI века) и в аул Хан Мамад-кала, Башли, Янти-кент. Отдельные ветви уцмийского владетельного дома жили также в различных даргинских аулах соседней полосы.

Кайтаковские общества (особенно горные) сравнительно в малой степени зависели от князей. Уцмий больше ведал установлением судебных норм (от XVII века имеются кодексы писанных адатов), внешнеполитическими отношениями и военными делами. Основные массы кайтаков (преимущественно их большие горские общества) жили в условиях пережитков родового строя, сохраняя в общественной жизни массу самых архаичных явлений. До настоящего времени сохраняется деление их на родственные группы (тухумы), представители которых, однако, не помнят своего родства дальше трех поколений. В местах более близких к княжеским резиденциям население ощущало феодальный гнет и борлось с князьями. Существует легенда о разрушении народом, восставшим против владетелей, несомнящихся деушек, ныне не существующего княжеского селения Арица. "После этого, — повествует легенда, — владетели разошлись в разные места по стране и от них то и повелось в Дагестане у разных народов впоследствии князья".

Основные занятия кайтаков — в горных частях скотоводство (главным образом разведение овец), в соединении с земледелием, в предгорьях и равнинных частях на первое место становятся хлебопашество и скотоводство.

В зоне произрастания фруктовых деревьев аулы окружены садами и виноградниками. Садоводство и виноградарство являются старыми отраслями хозяйства кайтаков. Кайтацкая лоза, по мнению стариков, древнее дербентской. Рассказывают, что по обычаям аулы (или даже группы аулов) выбирали стариков, которые распоряжались садами и виноградниками. Отдельные хозяева без их разрешения не могли входить в свои сады и раньше установленного срока не имели права срывать ни одной кисти винограда. За нарушение взымался штраф. В торжественный и заранее объявленный стариками день начала уборки винограда все отдавалось по-праздничному и начинали работу. К садам съезжались гости из других мест. Здесь же устраивалось что-то вроде имитированного базара и общественного сходбища.

Из кипяченого виноградного сока делали особое довольно крепкое вино (муст). В начале зимы, когда вино было готово, устраивался особый праздник, во время которого хозяева катились на санях, запряженных быками. В середине саней ставился кушан с новым вином, которое тут же распивалось. Все эти порядки, как видим, мало вяжутся с установившимися модами и отразают, очевидно, традиции до-мусульманского Кайтака.

В горях техника обработки земли очень примитивна. Обмолочивают рожь, например, ударами снопов о камень.

Горные области до Революции земными pastбищами на плоскости (кутанами) в основном не пользовались. Была развита система хуторов, где летом содержался молочный скот. Следует указать, что кайтаки в прошлом и теперь в Дагестане первых мест по овцеводству не занимали и не занимают.

Когда-то достаточно видное место в ряду занятий занимала охота. По принятым обычаям охотиться любил коллективно. Собирались группа мужчин. Один из охотников отбирал у всех помидоры и бросал их на две стороны. Шомголы разбирались взглядом, и таким путем образовывались две партии: одна предназначалась для засады, а другая для гона зверей навстречу засадам.

Много мужчин с декабря до мая уходило (как уходит и теперь) в отдаленный промысел (теперь на дербентские виноградники, рыбные ловли, различные работы по железнодорожной линии, строительству каналов и т.п.).

Из домашних и кустарных производств надо упомянуть о шерстяном и хлопчатом ткачестве, производстве особых плущенных вышивок, деревообделке (изготовление сундуков, ларей, кроватей и т.д.), кузнечестве и камнерезном деле.

В древнее время кайтаки использовали конопли как текстильное растение. Награжденные конопляные ткани шли не только на мешки и подстилки, но и на пошивку мужской и женской одежды. Факт, заслуживающий большого внимания.

Художественное значение имеют лишь упомянутые вышивки, резьба по камню (надгробия и детали украшения каменных домов), и, отчасти, деревообработка (резьба на утвари, мебели и на деталях внутренней жизни).

Подушечные вышивки представляют собой большие прямоугольные куски домашней материи (из льна, хлопка или хлоп-ка), окрашенные в темноватый цвет и вышитые крупной гладью. Орнамент стар по происхождению. Он дает солнечные и спиральные мотивы, завитки, овалы и перекликается с древней дагестанской петроглифкой, встречающейся в кайтакских горных аулах, а также по всей Аварии. Этими вышивками особенно славилась раньше кайтакские аулы Бартимай, Абие, Чабане и др. (в Кайтакском районе ДАССР). Ими обшивались подушки, хранимые в жилищах на полках стойки (на ребре), так что весь рисунок был сразу виден. Кубачинские антиквары в начале XX века возили кайтакские подушечные вышивки за границу и сбывали их там за хорошие деньги.

Упомянутые вышивки являются на Кавказе предметом единственного в своем роде и мы можем рассматривать их, как один из оригинальных элементов национальной культуры кайтаков, хранящей изобразительные традиции предков, несомненно связанные со старейшим наследием кочевнического Дагестана.

Не менее интересна кайтакская резьба по камню, лучше всего представленная старинными надгробными памятниками.

В ней также бросается в глаза удивительное обилие так называемых солидных и спиральных мотивов того же самого стиля. Эти мотивы встречаются и в кайтакской резьбе по дереву.

Таким образом, все названные производственные отрасли художественного творчества как-то объединяются и отображают в обиходе характеризуемого народа определенный и ныне еще живой слей, восходящий, если не к начальным, то во всяком случае к весьма ранним страницам прошлого.

Кайтакские селения восточной части области сближаются с типом соседних кумокских и вообще предгорных поселений. Постройки не столь скучены и не столь высоки. Часты каменные и саманные одноэтажные дома. Перед домом нередко бывает двор, обнесенный каменной оградой с большими деревянными воротами. Во дворе по краям элев, сарай и другие хозяйственные помещения. Дом чисто выбелен. Имеет плоская кровля хорошо укатана. В комнатах много городской обстановки. Типично местным является деревянный столб с резной подбалкой, пристенный очаг-камин в основной комнате, утварь из Балхара, Кубачей, Казикумуха, также вещи собственно кайтакского производства.

Селения западной части Кайтакской территории переносят нас в обстановку уже настоящих дагестанских нагорных аулов и подчас сохраняют элементы глубокой старины.

На стенах высоких и больших домов тут много примитивных линейных вырезанных изображений (фигуры людей, животных, свастические мотивы, солнечные диски и т.д.). Попадаются настоящие древности, например, каменные скульптурные изображения барсов в стиле и времени знаменитых "албанских рельефов" Кубачей (XIII век). В жилищах этой полосы встречаются открытые очаги с топкой по-черному, двойные окна, имеющие резной столбик посередине.

Такой аул обычно делится на кварталы. В каждом квартале (часто в особом помещении) большая общественная печь (шиферная плита с топкой) для выпечки лепешек, в то же время служащая местом женских собраний и бесед. В ряд сучаев деление аула на кварталы соответствовало делению его

на тукумы, ныне смытавшиеся, но не вполне забытые.

В нагорно-кайтакских архитектурных ансамблях нередки фортификационные постройки — стены с воротами, башни. Особенно примечательны такие сооружения в ауле Идари. Проехав всего тут близ селения на гору возмывается отдельная башня. Идаринская башня закрывала единственный подступ к селению с северо-запада, куда обращены бойницы, тогда как стороны, глядящие на аул, тухумы, здесь не считали одного лишь входного отверстия. В самом селении, внизу, в груде сросшихся жилых построек, видны остатки старых монументальных, обрамленных на запад, стен с краем арочными воротами. По характеру кладки эти стены очень напоминают древние дербентские. В них попадаются тут же откосы облицовки с расположением плит попеременно "на обрешет", ребром и плашмя. В отличие от окружающих островий они сложены из очень крупных обтесанных и хорошо пригнанных блоков.

Перед нами остатки сооружений феодального периода. Общество Идари, подчинявшееся идику, было крайним на юге, укрепленным пунктом его владений, близким к земным углам, казакмухского ханства и самостоятельного вольного даргезского общества Сюрги. Стратегическое расположение идаринских укреплений, относящихся к разным эпохам, вполне оправдано. Башня построена, по-видимому, не позднее XV—XVI вв., когда резиденция уцмы, или членов его дома, была еще в горах. Своими бойницами башня как раз глядит в сторону общества Сюрги.

Что касается остатков идаринских крепостных стен, то датировку их, по-видимому, надо связывать с древними стенами Дербента. Внешнее сходство тут не случайно. Можно полагать, что эти стены были некогда конечным звеном колоссальной крепостной стены, шедшей непосредственно от Дербента в глубь страны, и предварительным обследованием прослеженной как раз приблизительно до этих мест.

По преданию башню строили из материалов, добываемых на каменоломнях в окрестностях Идари. Доставка шла конвейером: 800 человек стояли цепью, соединявшей каменоломню

со строительной площадкой и передавали из рук в руки камни. До обеда передача шла с южной стороны, после обеда — с северной. Бревна возили на ласа между Кала-Корейшем и Сулаккентом.

О системе охраны рассказывают, что первый отряд дозорных сидел в башне, второй караулил на дороге. В самом ауле перед вечером запирали крепостные ворота. Местные предания говорят о нападениях на Ицар с египетских и персидских полчищ шаха Аббаса. Перо будто бы видели все окружающие посевы, так что ицаринцам приходилось литься горным бурею, но овладеть укреплением не могли.

Ицаринская башня круглая, более широкая внизу и более узкая вверху. По форме и деталям она несколько напоминает образцы западно-европейской средневековой военной архитектуры. Кладка сухая, состоящая из рядов неровных, не очень крупных, необтесанных камней. Для связи в кладку в разных местах заложены бревна ~~закладные~~ или в поперечном направлении, т.е. по толще (типичный местный строительный прием, применявшийся до настоящего времени). По верху башни идет пояс консолей, образуемых рядом постепенно выпускаемых камней и брусьев. На консолях были, вероятно, машикули, и зубцы, не сохранившиеся. Башня имеет пять этажей. Высота ее достигает 16-18 метров. Толщина стен на уровне второго этажа 1,5 м. Внутренний диаметр на том же уровне около 7-ми метров. В стенах башни имеются бойницы в виде узких стрельчатых отверстий с прямоугольными образами. Входное отверстие, тоже на уровне второго этажа, имело деревянную дверь с двумя створками, бывавшими на шпах.

В отношении пищи, одежды, обычаев и других сторон культуры с кайтаки очень близки к соседним даргинцам, с которыми у них издавна установилось известное единство, подкрепленное духом местной, крепко сложившейся общности. В быту было, например, устраивать между аулами (безразлично кайтакскими и даргинскими) общественные праздники. Один аул угощал другой. Мужчины собирались и объявляли соседям: идем к вам. Те готовили для гостей угощение и старались их

принять как можно лучше. Аул, не выполнивший этого пред-
зидла покрывал себя позором. Тули уже и отдельные люди
не ходили в гости.

С кумыками (точнее с их ханами и беками) воинственные
кайтаки в старину не ладили и совершали на них личицеские
нападения.

Кайтаки обладают богатым фольклором, в составе которо-
го особенно интересны историко-эпические мотивы о борьбе
с иранскими известиями в военной доблести.

В целом культура этого небольшого народа, частично
смешавшегося с даргинцами, имеет свой облик и безусловно
восходит корнями к глубокой древности восточно-кавказского
афетического мира.

Этот небольшой народ (население одного аула) следует отнести к числу интереснейших, давно занимавших внимание ученых разных стран и старейших по происхождению, жителей южного Дагестана.

Наименование кубачинцев имеет свою историю. С IX века арабские географы называли данный народ персидским словом "зирехгеран" (т.е. кольчужники). С XVI века оно сменилось турецким словом "кубачи" (равнозначным по смыслу персидскому). С той поры до настоящего времени турецкий термин (в форме "Кубачи" — название аула и "кубачинцы" — название его жителей) стал общепотребительным. Между тем сами абorigены испокон веков называли себя (как называют и теперь) иначе. На их языке имя аула будет Урбуг, а его жители — урбуганте (мн.ч.).

Не исключена возможность, что этот народ, географически находившийся в пределах Кавказской Албании, относился к албанским этническим элементам Кавказа, как о том высказывает предположение акад. Н.Я.Марр. Как бы то ни было, его древняя восточно-кавказская принадлежность (по-видимому, усложненная персидскими вливаниями влизи (Сасанидов) не подлежит сомнению. Легенда о европейском происхождении кубачинцев, впервые высказанная впервые европейскими путешественниками XVIII в. и известная местным жителям, реальной основы не имеет.

Кубачинский язык относится к дагестанской, или восточно-кавказской семье языков. Вместе с даргинским и кайтакским он образует отдельную группу, называемую лингвистами даргинской. Письменность даргинская.

Численность по данным 1926 г. — 2579 чел.¹

Аул Кубачи находится в Дахадаевском районе ДАССР недалеко от районного центра Урхар (по прежнему районированию в границах Каистаго-Табасаранского округа Дагестанской

1. В других всеобщих переписях кубачинцы не выделялись и учитывались как часть даргинцев.

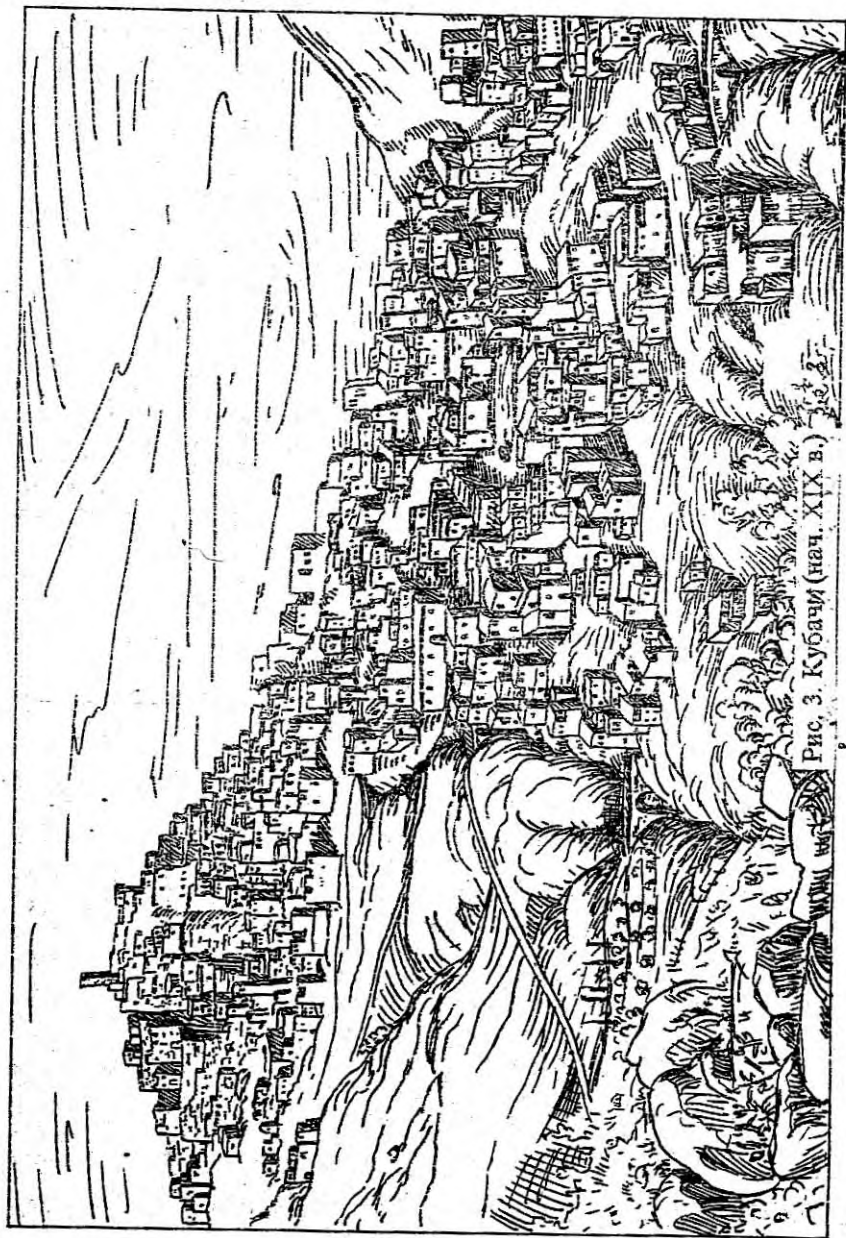

Рис. 3. Кубачи (нач. XIX в.)

области), располагаясь в пределах высоких и в прошлом труднодоступных нагорий. До настоящего времени попасть в Кубачи на автомобиле можно только из Уркараха и то не во все времена года. Раньше существовали только верховые и пешие ходные тропы. Колесный способ передвижения в традиционном слое кубачинской культуры отсутствовал.

Аул расположен на южном склоне крутого гребня. Ссадом он смотрит на юг, в сторону противоположных довольно округлых пастбищных гор. Далеко внизу течет река. Кое-где виднеются террасовые поля и кустарники. Лес расположен дальше. Фруктовых деревьев нет. Климат суровый. В теплое время путешествия по тропам становится небезопасным. Бывают случаи, когда даже местные люди срываются и летят в пропасть.

Кубачинская, ныне очень небольшая, территория, находясь в южной половине района, окружена со всех сторон даргинскими и кайтакскими аулами. Еще в XVIII в. она была более значительной, насчитывая по большому радиусу вокруг Кубачей до десятка аулов. Урочища со следами заброшенного обитания и местные легенды говорят о значительности страны зирехгеранов в отдаленном прошлом. Но и тогда центром этой страны была, по-видимому, все та же точка, тот же уцелевший до нашего времени, как след прежнего величия, аул Кубачи.

Уменьшение численности кубачинцев и количества их аулов объясняется длительным процессом даргино-кайтакской ассимиляции, против которой в конечном счете удалось устоять лишь элементу наиболее устойчивому и жизнеспособному, сохранившему почти неприкосновенно все особенности своей более высокой культуры.

Основное занятие кубачинцев, подтверждаемое литературными памятниками разных эпох на протяжении более 12 столетий, оружейное дело и вообще металлообработка. Этим делом занимались поголовно все мужчины. Женщины вели домашнее хозяйство, помогали мастерам и готовили тоже на продажу вышивки. Для получения продукции (в старую пору исключи-

тельно. холодного и затем огнестрельного оружия, кольчуг и панцирей) в Кубачи стекались заказчики со всего Кавказа. Не ограничиваясь тем, кубачинцы производили много вещей на обит и сами их продавали не только на Северном Кавказе и в Закавказье, но в Иране, Турции, Месопотамии, а с конца XIX в. — в городах Российской империи и Западной Европы.

Сельское хозяйство всегда играло в их экономике незначительную, чисто подсобную, роль: делались небольшие посевы, держали немного овец и коз. Была обычная из года в год весной покупать коров, летом их содержать на окружающих аул пастбищах и получать таким способом необходимый запас масла и сыра, а зимой снова продавать. Единственное домашнее животное, которое кубачинцам было нужно всегда, которое они очень любили и за которым заботливо и умело ухаживали, это был конь. Верховых лошадей употребляли для частных разъездов и деловых путешествий.

Нужные продукты питания кубачинцы приобретали без особого труда у соседей. Соседи были связаны с кубачинцами многими экономическими нитями. Некоторые аулы готовили для наших золоткузнецов древесный уголь, другие — полуфабрикаты (кленки и разные кузнечные изделия), третьи — ткали по кубачинским заказам из своей и кубачинской пряжи сукна, поступавшие затем в Кубачи и сбывавшиеся торговцами Кубачей в разных местах Закавказья под маркой "кубачинских шалей". Судзукент поставлял в Кубачи глиняную посуду, Сутбук — великолепные (изготовленные в кубачинском вкусе) каменные резные наличники для каминов, подставки для прялок и надгробные плиты. На кубачинский еженедельный базар соседние аулы несли свои произведения — чугуры (музыкальные инструменты), подковы, серпы, деревянную утварь, пищевые продукты и гнали предназначенных на убой баранов.

Из обширной серии старых кубачинских металлообрабатывающих производств уцелела лишь выделка кинжалов и шашек в оправе. С появлением огнестрельного оружия утратилось в начале XIX в. изготовление кольчуг, налокотников, мисерск

и т.п. Во второй половине XIX века прекратилось производство кремневых ружей и пистолетов. Исключительные силы переключались тогда на расширение видовой разнообразных женских украшений (серег, браслетов, перстней, нагрудных навесов, поясов, височно-подбородочных цепочек и т.п.), стремени, гаварей, седельных украшений, мужских поясов, блестящих ошейников и холодному оружию.

С самого конца XIX века кубачники стали делать вещи городского спроса (портсигары, спичечницы, ложки, изящную серебряную утварь и т.п.). В наше время набор объектов городского спроса еще более увеличился.

К тем же кубачникам неизбежно направляются взоры казаческих ваяльчиков, когда надо готовить ценный представительский подарок или какой-нибудь монументальный мемориальный предмет. Подарок бакинских рабочих В.И. Ленину в 1922 г. был выполнен мастерами Кубачей. Они же делали оружие для подполковника товарищу Олжонекидзе, серебряную цепочку для альбома товарищу Сталину и многое другое.

Кубачинские металлосты или, как их можно назвать, златокузнецы, обладают совершенной и многосторонней техникой. Среди них есть специалисты разных отраслей: гравировки с чернью и без черни; насечки (инкрустации) ценными металлами до кости, рогу и жемчугу; филигранны (акварельной и накладной); цветной эмали, серебряного литья, серебряной кожи и, так называемой, монтировки. Каждая отрасль имеет много технических приемов. Часто один и тот же мастер владеет двумя-тремя отраслями и в своих произведениях комбинирует гравировку с насечкой, филигрань с эмалью и т.д.

Мастерство передавалось от отца к сыновьям. Мальчиков с 10 лет обычно обучали в домашней обстановке гравировать сперва на медном блюде, а потом уже — по серебру. Блестящее владение техникой у мастеров соединяется в неразрывное целое с художественно-творческими началами.

Орнамент кубачинского златокузнечества не примитивен. Сохраняя оригинальность, он живыми нитями связан с искусством Ирана, Турции, Ирака; в нем есть и мотивы, встреча-

емно на сасанидском серебре, в элементы, самими кубачинцами называемыми "бранским", "стамбульским", "франкским", "московским". В целом это изящнейший, тонкий, изобретный и предельно насыщенный растительный узор, строящийся симметрично ("туфта", т.е. ветвь, дерево), или представляющий собой несимметрично спиральную разбивку, покрывающую все поле ("мархарай", т.е. заросль). На нем выделяются сложные медальоны (тамги) отдельными пятнами, цепными сочетаниями, бесконечно варьирующиеся обрамления ("дум" — поно). Весь узор строится из 15-20 основных мелких элементов ("Бучи" — головки) — листочков, почеч, розеток, лепестков, ветвей в ординаре, удвоении или усеченно. Богатство и разнообразие ornamentации достигаются искусными сочетаниями и чисто композиционными ходами.

Помимо этого своего стиля, органически входящего на правах самостоятельного варианта в более широкий комплекс развитого искусства Ближнего Востока, кубачины по спросу многонациональных заказчиков умеют менять манеру. Из под их руки выходят рисунки, которые они сами называют грузинским, армянским, черкесским, лезгинским, аварским и т.д.

Искусство Кубачей оказало и оказывает большое влияние на искусство соседних народов на довольно широком пространстве, выходящем за рамки Дагестана. В Дагестане кубачины и сходные с ними по работе казакмудухи являются главными представителями и укрепителями пласта развитой "восточной" ornamentации, антиподом которой будет пласт примитива, сосуществующий и порой переплетающийся с первым (в большей степени в обиходе других этнических народов Восточного Кавказа, меньше у самих кубачинцев).

Помимо златокузнечества в Кубачах существует еще два металлообрабатывающих производства: изготовление медной кованой посуды и литье медных жетонов. Удельный вес этих отраслей менее значителен, ибо они, главным образом, удовлетворяют внутренний спрос ближних и дальних соседей и, в первую очередь, самих кубачинцев. Следует подчеркнуть, что и медная ковка и медное литье тут не лишены художествен-

ной значимости, а по типу изделий дают формы, единственные в своем роде на Кавказе.

Кубачинский кованный из меди ведровидный сосуд "чукнус" и своеобразное его удвоение — "мучал" (кованный водоносный кувшин) восходят в своем происхождении к перзерикутой вверх ногами (имеющей форму усеченного конуса) подставке большого восточного светильника. Такие светильники имели распространение в странах Ближнего Востока в эпоху предневековья. В Эрмитаже имеются их образцы, датирующиеся XII—XIII вв.

Большой оригинальностью отличаются изготовляемые в Кубачах медные кованные кувшины, совершенно непохожие на аналогичные сосуды других мест.

Еще интереснее меднолитейское дело, являющееся отраслью нигде, кроме Кубачей, на Кавказе не сохранившейся. Помимо того, что котлы хороши по качеству, известны по форме и деталям и чрезвычайно удобны для распространения в Дагестане открытых очагов и очагов типа каминя, они и традиции их изготовления являются ценным историко-культурным памятником. Они ведут прямое происхождение от древних бронзовых котлов, сходной (полусферической) формы, датирующихся XII в., найденных в тех же Кубачах и других местах Дагестана и представленных богатой коллекцией в Эрмитаже.

Кубачинские меднолитейщики делают, кроме котлов, небольшие ручные светильники, прототипом которых надо считать аналогичные объекты XII—XIII вв., происходящие из Месопотамии и Малой Азии.

Последняя отрасль, о которой нужно сказать и которая достигла в Кубачах значительных успехов, будет подделка антиков. С конца XIX века и вплоть до Октябрьской революции кубачинцы стали ездить за границу, продавая свои изделия, кайтакские вышивки и подлинные антикварные (большую частью восточные) вещи, которых и доселе много хранится в дагестанских сиклях. Помимо подлинных антиков, предприимчивые мастера стали изготовлять и поддельные. Поездки за границу, знакомство с европейскими музеями и коллекциями

лучших антикварных фирм разумеется еще более расширили и без того широкий художественный кругозор кубачинцев. По мощности, разнообразию и качеству производств аул Кубачи занимает не только в Дагестане, но и на Кавказе в целом, едва ли на первое место.

Из кубачицких домашних производств следует назвать изготовление женщинами войлока и пошив из него сапог, также прядение. Ткачество в Кубачи отсутствует. Упомянувшиеся вышивки золотом и цветными нитками теперь в продажу не идут, а делаются исключительно для себя.

Мужчины, кроме своего обычного мастерства, на досуге режут по камню и дереву, украшая домашнюю утварь, мебель и детали построек. Орнамент этих работ, равно как орнамент вышивок, воспроизводит тот же галатскузичский стиль.

Постройки аула Кубачи отличаются от соседних даргинских величиной и многэтажностью. Некоторые дома (считая с подземной конюшней) имеют пять-шесть этажей. Будучи врезающимися в склон, они с тыловой стороны значительно ниже. Все здания выросли друг с другом в одно целое и общим сочетанием образуют колоссальный ансамбль, верхние ступени которого отстоят от нижних на 100-150 м. Узкие улицы resultуют густую застройку и иногда пролегают среди них темными тоннелями. Зачастую плоские крыши нижних домов являются надворными площадками верхних.

Архитектурный облик Кубачей на пространстве всей вышесказанной зоны Кавказа можно считать наиболее ярким, развернутым и полным выражением типа максимально разросшегося ступенчатого поселения.

Среди жилых домов можно видеть остатки общественных сооружений — мечетей (никогда не имевших тут минаретов), крепостных стен, башен (круглых и четырехугольных) и развалин зданий дворцового типа. Некоторые из этих памятников изобиловали каменными рельефами и стилизованными архитектурными художественно обработанными деталями (тимпанами, пилястрами и столбиками, относящимися к обрамлению оконных проемов). Лучшие фрагменты после Революции были приобретены

Эрмитажем. На них дана орнаментация (к ряду мотивов которой восходят узоры нынешних кубачинских златокузнецов), а также изображены барсы, гепарды, сцены охоты, борьба всадников, рукопашной борьбы, состязания в стрельбе из лука, пятия хмельного напитка из серебряных кубков (таких же, какие можно встретить в Кубачи доселе), работы на прялке (типа ольского к современной кубачинской) и др.

Упомянутые кубачинские рельефы, условно называемые албанскими (область Кубачей входила в северные окраины Албании), датируются XII—XIII вв. Здесь еще в начале второго тысячелетия нашей эры в глухих горах сохранялись старейшие культурные традиции Восточного Закавказья, уже утраченные в более открытых низких областях. К тому же времени можно приурочить и развалины некоторых старых общественных зданий Кубачей, особенно тех, которые были связаны с рельефами.

Весьма интересно, что некоторые изобразительные мотивы рельефов (как было видно, имеющие точки соприкосновения с нынешним кубачинским бытом) по стилю и содержанию совпадают с аналогичными мотивами, встречаемыми на упоминавшихся древних бронзовых котлах, а отдельные крохи этих мотивов оказываются еще не утраченными на кубачинских литых котлах новейшего происхождения, ведущих, как мы помним, свое происхождение от бронзовых.

Таким образом, можно констатировать, что отдельные (из пространственных здесь) элементы и пласты кубачинской культуры перешли к другим и в более целостном виде восходят к одной и той же, отдельной от нас пятой, шестой столетиям, поре.

К числу общественных сооружений аула Кубачи относится водоснабжение, представленное сассайлами (в количестве до 20-ти), устроенными на естественных родниках.

Канализационная система состоит из множества сточных канав, частично открытых, частично проходящих под домами. Внизу канавы соединяются в один общий канал, выносящий нечистоты в речку. Благодаря крутости склона, при дожде

вся сеть быстро выкачивается.

Кубачинское жилище дает образец дифференцированного дома, разбитого на множество комнат. В верхних этажах живут, нижние предназначены для хранения домашних вещей, дров, семян, остатков продуктов; тут же хлеба и конюшни.

При наличии комнат, обставленных на городском манер, в доме обязательно имеется по крайней мере одна комната, убранная по-кубачински. Ее чистый и гладкий пол сделан из хорошо сложенных неправильных плит, щели между которыми тщательно законопачены и побелены. Потолок — добротный, досчатый, с правильными четырехугольными брусками. Подпорок столбов нет, матицы держатся на стенах. Окна небольшие. Их рамы (равно как дверные рамы) обычно украшены резьбой. У одной из окон помещается очаг-камин с дымоходом, облицованным камешной резной доской. Внутренняя стенка каминная имеет массивное окошко, бросающее свет на котел с варящейся пищей. Огневой щели нет. Ее заменяет железный трехножник; если же отягнется котел, то и трехножника не нужно, так как котел висит когти. Площадке для огня по бокам обрамлена ступеньками для наклонной укладки горящих дров.

Слез каминя, в плоскости параллельной потолку, висит плоская резная деревянная решетка, служащая для хранения хлебных лепешек и бараньих колбас. Рядом с каминном необходимая для стрельбы посуда и медный литой светильник с нефтью.

Остальные три стены комнаты обычно заняты богатейшей выставкой утвари, причем вещи либо висят правильными рядами от потолка до пола, либо расставляются на многоярусных полках.

Нижнюю полку обычно занимает литые котлы, выстроенные по формату, начиная от самого большого. Все они снабжены коваными медными, ярко начищенными крышками. Рядом с котлами или выше выстроены большие модные водоносы (мучалы), декоративно выделяющиеся вычерненной, слегка глянцевитой, гофрированной поверхностью. Еще выше идут полки с мелкими кувшинами, лужеными чашками, стеклянными сосудами, антика-

ми. На верхних ярусах стоят сверкающие желтой медью узорные ведровобразные нукнуны. В состав вещей, развешанных по стенам, входят медные тази и блюда, медные чашки, фарфор и фаянс.

Незначительная часть всего этого богатства используется в повседневной жизни. Большинство вещей суть привычное украшение жилища, заветное отцовское или материнское наследие, достояние супругов (когда-то свадебное ко дню свадьбы), знак домашнего благополучия, фонд ценностей, которые в случае нужды можно реализовать.

В некоторых кубачинских жилищах можно найти засаидскую бронзу, керамику XII-XIII вв., иранские (расписные кобальтом) фаянсовые блюда, китайский фарфор, венецианское стекло, старые русские узорные штаты, разнообразную пенную медную утварь из Закавказья, Ирана и Средней Азии.

Если в домах паричцев, аварцев или лаков можно иногда напасть на единичные ятики, то в кубачинских домах они встречаются десятками. Накопление их было в обычае и плутилах златокузнецов и предшествовало, конечно, возникновению в Кубачах позднейшего антикварного промысла.

В других комнатах жилища вы найдете горы постельных принадлежностей, привозные ковры, деревянные маржи, прялки, сулейманские глиняные кувшины, бурдюки с сыром, запасы муки, масла, мяса и т.д. Многие самые простые вещи (грабли, чесночные ступки, мерки для зерна, солоняны) покрыты тонкой кубачинской резьбой.

Старый быт Кубачей не знал иной мебели, кроме низенькой трехножкой табуретки. И в наши дни жизнь тут проходит на полу — на коврах, паласах, подушках.

Способы приготовления пищи и самая пища мало отличаются от того, что можно наблюдать в соседних аулах. Разве только пищевой режим кубачинцев богаче и обильнее. Излюбленные блюда — хингал, плов, баранья колбаса.

Подстать домашней обстановке кубачинский женский национальный костюм, полностью сохранившийся в употреблении до сего дня, в свою очередь (в противовес мужскому, ничего

примечательного не представляющего) обладает большой оригинальностью и пышностью, на лицевой поверхности черт изысканности. Основная одежда — общеджестанское платье-рубаша туникообразного покроя. Праздничная рубаша делается из бухарской, индийской или русской парчи. К ее рукам прикрепляются особые манжеты, вышитые замчуром, по установленному раз и навсегда образцу. В праздничном комплекте шабры тоже парчевые. При выходе на улицу кубачинка (зимой и летом) одевает короткую, стеганую на вате, обязательно парчевую рубку, сделанную в такой же стеганой мехом. Спереди рубка снабжена двумя серебряными цепочками с филигранной застежкой для закрепления под вставленным назад положением во время работы. Головной убор состоит из трех частей. На волосы надевается повязка (чухта). Налобная полоса этой повязки у взрослых черная, у девочек вышита золотом. Сверху чухты одевается полотенеобразная, всегда белая, повязка, скрывающая лицо и охватывающая плечи, спину и грудь. Эта повязка (ка?) имеет на строго определенных местах вышивки золотом и цветным шелком. В вышивках, помимо обычного кубачинского орнамента, встречаются изображения птиц и стилизованных знаков, воспроизводящих подобие арабской надписи. Каз кубачинка не снимает и дома. При выходе на улицу полагалось накидывать (особым пыльным спереди напуском) третью часть головного убора — шаль. Лучшими шальями считались иранские (шелковые, с тканым золотым узором). На украшение чухты, каза, рубки, рубашки жюрге употребляли куски дорогих слупских поясов. Обувь — белые войлочные (по покрою отличавшиеся от мужских) сапожки с загнутым носом и вышивкой. В состав женского праздничного убранства входят еще незамкнутые широкие филигранные браслеты с камнями, перстни (с гнездом величиной почти в грецкий орех), унизывающие все пальцы; серебряная навеска на чухте, обрамляющая подбородок.

Кубачинку в ее полном убранстве без труда можно выделить в любой галерее типов, где она, даже будучи поставленной рядом с самыми богатыми по одежке фигурами, не за-

теряется и не утратит своеобразия. При всем том по основному и перечному элементу своей одежды — туниксообразному платью (если отбросить все на него наложенное), она сразу приближается к тем же даргинкам, абхазцам Кайтаго, или аварцам (в позднейшем облике этих горняков) и даже может быть с ними соотнесена.

Материальная культура кубачинцев в целом являет картину значительного уровня, корни которого наlying не связывать с воздействием такой развитой страны, каковой была Кавказская Албания, широких (преимущественно восточных и далеко выходящих за пределы Византии) связей и большой самостоятельности, соизмеряющейся, однако, с известной близостью к культуре ряда других морских народов Дагестана и в первую очередь ближайших соседей.

Социальный строй Кубачей накануне Октябрьской революции представлял стадию резко расчлененного общества, в котором выделялся слой капиталистических предпринимателей, ведущих крупные антикварные операции, владевших мастерскими (разбросанными по городам), пользовавшихся наемным трудом. Разбогатевшие мастера эксплуатировали мастеров бедняков на почве распределения заказов, закупки готовых изделий и их сбыта.

Этой позднейшей стадии еще в середине XIX века предшествовала другая, когда даргинско-кайтано-кабардинское население (вместе с Кубачами) считалось достоянием владетельного князя (ушана) и когда Кубачи представляли собой крепко спаянную общину (так называемое вольное общество), лишь номинально подчинявшуюся ушану. Алаты и порядки кубачинской общины того периода старшее поколение помнит доселе, а кое-какие их остатки и пережитки даже сохраняются.

Из века в век община боролась за самостоятельность с ушаном, резиденция которого (и члены его дома) порой были почти рядом с Кубачами — в Кала-Корейне, Уркарахе, Диб-галанте. Следует думать, что на каком-то отрезке времени представители ушанской династии (если не сам князь) жили в Кубачах, ибо местное обывание представителей владетельной

фамилии, во-первых, менялось, во-вторых, сосредотачивалось подчас не в одном пункте даргинско-кайтаской территории, а одновременно в нескольких.

Однако, если уцмийские элементы когда-то обосновались временно в Кубачи, то таковой факт относился, конечно, к очень отдаленному прошлому. Местные легенды об этом сохранили скудные воспоминания. Смутно говорят также литературные источники XVIII в. Развалины дворцовых зданий с рельефами своей датированной как будто подсказывают, что это могло быть в эпоху, близкую к XII-XIII вв. Далее, очевидно, кайтаские феодалы были вытеснены кубачинцами и в Кубачи не возвращались.

Более отчетливыми являются предания о приятствах, которые в последующие времена община золотокузнецов ставила уцмий по части его владений в Кубачи. Князь мог тогда пребывать только в поезде к кунаму.

Буддя независимость, кубачинцы в то же время (в лице старшин и отдельных влиятельных жителей) установили за своим сулом славу надежного нейтрального места, где тот же уцмий и другие князья Дагестана (например, шамхал Тарковский, хан Кюринский) оставляли в случае надобности на хранение свои ценности, или сходились для деловых встреч. По документам переписки Ермолова видно, что такое положение существовало даже в первой трети XIX века.

Независимость экономически сильного и в бытовом отношении чрезвычайно замкнутого, державшегося за свои обычаи и нравы, кубачинского общества (в последние столетия утраченного дух воинственности, не вмешивавшегося в военные дела соседей и предпочитавшего для себя соблюдение мира, столь необходимого для налаженных торговых связей) заключалась, главным образом, в полном внутреннем самоуправлении. За остальным Кубачи и не гнались. Они оказывали уцмий знаки уважения, дарили подарки, платили за провоз товаров и пользование пастбищами и признавали за владельцем права внешнеполитические.

В основном в таком же духе Кубачи на протяжении многовековой истории имели отношения с другими феодальными центрами Дагестана, а также с внешними завоевателями (арабами, монголами эпохи Тимура, иранскими захватчиками разных времен), давая, впрочем, (как свидетельствуют и литературные памятники и легенды), иногда отпор силой оружия.

До середины XIX века (т.е. до введения новых порядков русскими) по общественному устройству Кубачи представляли собой крупную общину, делившуюся первоначально на два кузта (квартала) — верхний и нижний и самостоятельно управлявшуюся коллективным старшиной. Сведения об их количестве (от 4 до 25) и характере полномочий (выборность или наследственность) по показаниям авторов XIX в. идут то в ту, то в другую сторону. По-видимому, на деле и число старшин в разное время колебалось, и практика выборности фактически перекладываясь с принципом наследственности. Старшинами были обычно наиболее влиятельные, способные и состоятельные люди, могшие отстоять внутреннюю независимость Кубачей.

Все жители считались свободными и равноправными, и лишь потомки пленных в общественном мнении обладали меньшим достоинством, предостерегавшим, например, "лучшим" заключать с ними браки.

Родовое деление общины давно утратилось. Она делилась однако (как делится и теперь) на довольно большое количество не очень крупных родственничьих групп патриархального характера, для обозначения которых употребляются термины *джинс* или *тайпа*. Кубачинский *джинс* по числу членов меньше, чем аварский *тлосил*. Представление о родственности *джинсов* друг с другом стерлось. Официальную фамилию, предоставляемую в паспорте, мужчина чаще всего имеет по имени отца. Но он при этом отлично знает, к какому *джинсу* относится и кто еще входит в данный *джинс*. Наименование *джинсов* производится от имен собственных или от слов, имеющих характер прозвищ (например, *каменная голова*, *шайтан*, *уполонник* и т.д.). Часто также имя *джинса* воспроизводит наименование какого-

либо животного, например, волка, барсука, лисицы, козленка, холощенного барана и т.п. На кубачинских кладбищах джины сохраняют свои участки. В случае смерти мужчины, члены его джины собираются в дом умершего для угощения и восхваления качеств покойного. В память умерших на чужбине и погребенных вне Кубачей на площади или на улице аула близ верхнего кладбища ставятся каменные памятные плиты. Общественных угодий джины не имели. Земля была распределена между семьями. Браки (считавшиеся возможными только между лицами, жившими в Кубачах) представители разных джинов заключают друг с другом без ограничения, но при этом все-таки учитывается достоинство каждого: есть "лучшие", есть "худшие" (в зависимости от количества родни, фамильных преданий, богатства, происхождения — эдакий это элемент или прищип). Члены джинов, произошедших от пленников (грузин или персов), естественно квалифицировались как пришлые. С этой точки зрения сказать кубачинцу, входящему в чисто местный джинс, — "ты перс" или "ты грузин" равнозначно оскорблению. Имеется ряд преданий на тему о том, что такие-то и такие-то джины произошли от пленных персов, захваченных во время шахских вторжений в Дагестан. Что касается грузин, то рассказывается, что 5-6 поколений тому назад в аварских набегах на Иор среди прочих "лезгин" участвовали и отдельные люди из Кубачей. Они то, якобы, приводили из Кахетии пленных. Потомки пленных получали свободу.

Помимо джинов или тайи, кубачинское общество членения не имело. При поголовном почти занятии мужчин златокузначеством следов цехового устройства не обнаружено. Специальность тех или иных мастеров большей частью была наследственной и каждый джинс гордился своими людьми, если их искусство приобретало славу.

Что касается членения аула на верхний и нижний кварталы, то оно уже не соответствует размещению джинов. В нем интересны однако очень заметные остатки антагонизма между верхними и нижними, проявляющегося в детских играх, шутках, взаимоотношениях взрослых, обрядах, преданиях и

даже особенностях говора и возможно восходящего к древнейшей первичной дуально-родовой структуре.

Институт кровной мести в Кубачах давно прекратил существование. Случаев настоящего кровничества за последнее столетие старожилы не помнят. В самом низу, близ Сулевкента, показывают следы развалин двух башен, которые считались убежищем кровников. В случае убийства старшины выслали виновного из Кубачей, и он по преданиям поселялся в одной из башен. Башни были окружены условной границей, за пределами которой мстители могли убить кровника, если тот ее переступал.

В семьях чрезвычайно развиты до настоящего времени обычай гостеприимства и款待. В знак уважения к гостю было принято закурить огонь в камине и поддерживать непрерывное горение, даже если бы дело было летом.

В бытовом обиходе сельской общины кубачинцев (несмотря на значительный уровень ее развития, экономическую мощь, выделение слоев богатых джигосов, состоятельных мастеров и торговцев воздействию федеральных порядков и даже известной омычки кубачинской верлушки с соседними владетельными элементами) существовали заметные остатки более архаических общественных форм — пережитки патриархального уклада, родового строя, стадии перехода от материнского права к отцовскому и следы патриархата.

Живучесть этих реликтовых элементов в домашних обычаях и бытовых особенностях оказалась столь сильной, что они не совсем стерлись и в позднейшие времена — в период капиталистической дифференциации и в послеореволюционную пору социалистического строительства. Проявляется, например, в плеза (как старая черта) своеобразная свобода женщин и девушек, хотя бы и балансирующая с противоположными по духу установлениями ислама. "Женщины участвовали в увеселениях мужчин" — пишет акад. Френ (первая половина XIX века). "Вдова разорит аул" — поется в песне второй половины XIX века, а автор XX века, Рейнеттс, как будто комментируя приведенную строку, описывает обычай почух (происхо-

лишних вне жилищ) свиданий вдов и разведенных женщин с мужской холостой молодежью, причем дети, рожденные от этих случайных отношений, содержались за счет всей общины. Кубачинцам в прошлом не чуждо было вольное сожительство с мужчинами, подобное даргинскому обычаю пленения чужаков.

До наших дней в Кубачах существуют, известные тут старики, особые институты — так называемые "женские дома", "дома девушек" (в них собирались для бесед, работ, угощений и куда мужчинам запрещалось входить) и "женские убежища", т.е. постройки на определенных "женских урочищах" для укрытия от непогоды, где на открытых местах происходили женские гуляния, коллективное прядение и обрядовые поминовения умерших.

Если мать пользовалась особой общественной известностью (а такие случаи не являлись редкими), фамилия детей устанавливалась по ее имени. Кубачинки имели в старину женскую мечеть, что обитовало также в некоторых глухих даргинских и аварских аулах, и женскую духовную школу с местными преподавательницами. Корни большинства приведенных фактов восходят, конечно, к далеким и забытым тенденциям эпохи распада матрианского права.

К той же эпохе — периоду перехода к патриархату, относятся и существовавшие до недавнего времени в Кубачах пережитки, так называемых "мужских союзов", в своей первооснове аналогичных наблюдаемому у первобытных народов Океании, Африки и Америки. Речь идет о специальной организации мужской холостой молодежи и неженатых людей зрелого возраста, называемой по-кубачински "гулала эвн букун" (т.е. "собрание группы неженатых").

Организация сформировывалась летом через два года на третий и действовала в течение 1,5-2 месяцев. Участие парней и подростков считалось обязательным. Все члены союза делали денежные взносы и оставляли залогом (какие-либо ценные вещи). Внутри себя союз холостых имел сложную иерархию из старших и младших. Коллектив старших всеми руководил и пользовался престижем. Союз занимался ежедневно обрядовыми танцами на площади, куда участники выходили тор-

жественным маршем в строгом порядке. Все важные общественные дела Кубачей на этот период союз захватывал в свои руки. Битали ему подчинялись. Неподчинение влекло за собой штрафы и другие наказания. Нося характер игры, союз фактически пользовался общественным весом, далеко не шуточным, и имел внутри себя строжайшую дисциплину. Исключение из его состава считалось большим позором на всю жизнь. Непи-санный устав носил признаки военной корпорации. Имелся особый "дом неженатых", куда посторонние и особенно женщины не имели права входить. В церемониях союза наблюдались черты запретности, таинственности, ограждения авторитета, изоляции от женской половины аула, союз выполнял военные и судебные функции и функции по охране имущества. Члены союза имели барабан, собирающий их на выступления, неприсвоенный жезл играющих, а также маски. Последние для существования союза обставлялись очень торжественно. Устраивался шуточный обряд посвящения всоной, впервые участвовавших в организации; исполнялись обрядовые песни по воду, за дровами; готовилось угощение. На площади в эти дни разворачивались мимические сценки, изображавшие похищения женщин. Персонажи были в масках и в кольчужных мисирках. Судя по приносимым большим искусственным деревьям, украшенным сотнями насаженных на ветки вареных яиц и увешанных мишенями для стрельбы в цель. После пиршества и заключительных обрядов корпорация распускалась.

Общественные предания повествуют о существовании в Кубачах уже не условно игровых союзов неженатых, в действительных органах власти, носивших черты ранне-военных организаций и состоявших из стариков и общества мужской, тоже неженатой, молодежи. О героизме и военных подвигах этих богатырей (батырте) рассказывают многие легенды.

Сличение преданий данного цикла с позднейшим комплексом гулала аке букун (в котором участвовали многие, доселе здравствующие, кубачинцы) показывает, что игра союза неженатых суть весьма точный сколок с когда-то существовавших форм, свойственных древнейшим ступеням доклассо-

вой структуры общества. Описанный кубачинский реликт среди других народов Кавказа зафиксирован (правда, в усеченной форме) пока только у даргинцев.

В семейном быту кубачинцев, помимо отмеченных выше обычаев гостеприимства, особенно отличающихся черт не прослежено.

Родители проявляют большую заботу о детях; особенно часто, как и их отцы, художественно одаренных. В норму важнейших моментов домашнего воспитания мальчиков входит, естественно, приобретение их (приблизительно с десятилетнего возраста) к тайнам резьбы и напояльни. Девочки перенимают от матерей хозяйственные навыки и искусство вышивок. Женщина в семье пользуется уважением и полнолично ведет все хозяйство. Свадебные обряды утратили, в основном, элементы архаики за исключением, может быть, широко практикующихся и тут игр и спев с масками, напоминающих игры сойма несе-натих.

По религии кубачинцы мусульмане суннитского толка. Ислам, впервые проникший при арабах, укрепился у них не раньше XIV в. Даже в конце XVIII в. (по свидетельству Источного, приведенному на основе показаний местного осведомителя) неподалеку от Кубачей, в горах, можно было натолкнуться на единичные случаи существования приверженцев "старой религии", выделившихся по этому случаю из общины. Однако слои мусульманства настолько всецело возобладали, что следов какой-либо старой религии обнаружить современным наблюдателям почти не удается. Нападают лишь крохи такие, например, как остаток почитания лягушки (забытый культ петрона плодородия), употребление в обрядово-игровом действии вышеупомянувшегося "яичного дерева", очевидно восходящего к той же семантике обилия и плодородия; образ птицы, как специально женского апотропея; почитание могил с неприкосновенными деревьями, подобное кайтакскому представлению о пирах; вера в спасительность многочисленных амулетов (подобных дербентским и азербайджанским).

Помимо таких отдельных, большей частью доисламских, местных языческих черт, легенды и литературные источники указывают на существование в Кубачах элементов иудаистских, сектантско-зороастрийских и христианских.

Так, арабский географ Масуди (X век) говорит о наличии у зирехтеранов трех религий — христианства, иудаизма и ислама. Путешественник XIII века, испанский араб Гарнати, описывает специфический погребальный обряд, принятый зирехтеранцами (расчленение тела умерших, при котором кости складывались в мешки, а мясо отдавалось на съедение птицам). Наконец, кубачинские, даргинские и кайтакские предания единогласно приводят одну и ту же версию о принадлежности Кубачей к христианству в то время, когда их соседи были уже правоверными мусульманами. На этой почве, якобы, происходили между теми и другими войны, в результате которых жители Кала-Корейша похитили резные двери кубачинской церкви и водворили их у себя в мечети. Этой церковью считается одно из старейших зданий Кубачей (т.н. женская мечеть), которое в преданиях именуется "килисой" (армянским храмом). Упомянутые же двери "килисы" (обладающие тонкой резьбой с геральдическим изображением животных и датирующиеся XIII веком) до сего времени хранятся в кала-корейской мечети.

Следы христианства, иудаизма и зороастризма в быту кубачинцев теперь не прослеживаются. Можно однако предположить, что когда-то они имели место. В Хаварском Семьндере (в районе современной Махачкалы, т.е. не столь далеко от кубачинского нагорья), как известно, одновременно существовали и ислам, и иудаизм, и христианство. В гористых местностях Дагестана и в Дербенте и до сейчас иудаизм представлен древними по происхождению группами, так называемых, горских евреев, говорящих на татском языке. Наконец, известно, что даже в XV в. на той же территории Дагестана были христианские епископы. Что касается зороастрийских влияний, то они шли со стороны иранских вкладов в страну зирехтеранов (вселений людей из Ирана, о чем есть упоминания в некоторых восточных источниках). Следовательно, в

в более древние эпохи (XIII-XIV века) у кубачинцев, по-видимому, наблюдалось весьма сложное синкретизированное переплетение верований, в котором особенно заметную роль играли местные примитивные религиозные представления, не вытравленные с корнем победившим в конечном счете исламом.

Кубачинцы имеют оригинальный, мало исследованный фольклор, в котором особенного внимания достойны историко-героические повествования о войнах с соседями и нашествиях персских войск, предания о древнем общественном устройстве, эпические (смелые и жизнеутраченные) лирические песни, ярко воскрешающие отдельные стороны и особенности кубачинского быта.

В настоящее время кубачинцы, взамен расформированного недавно колхоза, объединены в крупную производственную металлообрабатывающую артель, имеющую значительное подсобное хозяйство. Артель выполняет большие государственные заказы и особенно ответственны тонкие и сложные работы. В целях подготовки кадров создана специальная школа на 100 человек с трехгодичным сроком обучения мастерству. В ней занимаются не только мальчики, но и девочки (чего раньше никогда не было), проявившие прекрасные способности. В ауле также создан музей. Есть средняя школа, клуб, ряд точек по бытовому обслуживанию.

Произведения лучших мастеров попадают на общесоюзные конкурсы, экспонируются на выставках, как в пределах СССР, так и за границей).

Древняя по происхождению и многогранная культура кубачинцев систематически поддерживается государством и неизменно пользуется широким общественным вниманием.

Динамика численности малых народов Дагестана

/аюдо=цевская и даргинская группы, арчинцы, в тыс./

Народ	1886 г.	1926 г.	1939 г. /оценка/
1. Кайтагы /кайтаки/	14,4	14,4	17,0
2. Андийцы	7,6	7,7	12,0
3. Каратины	7,2	5,3	6,0
4. Дидойцы /дидой, цезы/	4,9	3,3	7,0
5. Чамалалы	3,9	3,4	4,0
6. Ахвахцы	3,6	3,7	5,0
7. Тиндалы	3,3	3,8	5,0
8. Бекетины /капучины/	2,3	1,5	2,5
9. Кубачинцы	2,2	2,4	3,0
10. Багулалы	1,5	3,0	4,0
11. Хваршины	1,4	1,0	1,0
12. Ботлихцы	1,4	3,4	3,0
13. Годоберинцы	0,99	1,4	2,5
14. Арчинцы	0,8	0,9	1,0
15. Хунзалы	0,8	0,1	нет
16. Гунзиоцы	нет	нет	0,2
17. Гинухцы	нет	нет	0,1

х Таблица составлена Н.Г. Волковой по материалам: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1893; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.У. М., 1928 ; Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аваро-андо-дидойские народы 18, 20, 98, 130 - см. также Аварцы, Андийцы, Ахвахи, Багулалы, Бактены, Ботлихи, Гинухи, Годоберинцы, Дидойцы, Каратины, Тендалы, Хваршины, Хунзалы, Чамалалы

Аварцы 20, 24, 26, 27, 36, 37, 50, 56, 60, 73-75, 82, 95, 97-100, 102, 112, 116, 129, 130, 149-152, 154, 166, 172, 202, 205, 207, 213, 215, 216, 218, 221, 225, 229, 230, 233, 236, 237 - см. также Аваро-андо-дидойские народы

Агулы 240

Агъваль 152 - см. также Ахвахи

Арабы 39, 113, 241

Армяне 27, 34, 39

Арчины /арчионы, аршандис, арчисал, рочисал/ 228-231, 233, 234, 236, 237

Ахвал, Ахвалы, Ахвалъе 75, 98, 152 - см. также Ахвахи

Ахвахтидирал 26 - см. также Ахвахи

Ахвахи /ахвахи/ 26, 75, 98, 102, 112, 127, 130, 149, 152, 153, 166, 169, 201-203, 213-215 - см. также Аваро-андо-дидойские народы

Ахъушлалты /ахъушилты/ 131, 204 - см. также Даргинцы

Ахъушаль 98 - см. также Ахвахи

Ашвадо 201 - см. также Ахвахи

Албаны 97

Андерев 98 - см. также Андийцы

Андийцы 23-25, 29, 36, 37, 39, 40, 42-44, 46, 48, 49, 54, 55, 60, 62, 63, 65, 69, 71, 74, 75, 78, 79, 82, 98, 100, 106, 116, 122, 130, 144, 152, 203 - см. также Аваро-андо-дидойские народы

Багвадилов 98 - см. также Багулалы

Багвалав 130 - см. также Багулалы

Багвальсул 75, 203 - см. также Багулалы

Багвало 26 - см. также Багулалы
 Багов 153 - см. также Багулалы
 Багулав 150 - см. также Багулалы
 Багулалы 26, 73, 75, 97, 98, 112, 129, 130, 149-151, 153, 154, 172,
 182, 192, 198, 197, 199, 203, 215 - см. также Аваро=андо=дидойс-
 кие народы
 Беханельные 204 - см. также Бекит^ины
 Бекьал 98 - см. также Бекитины
 Бекнадира 26 - см. также Бекитины
 Бездас 152 - см. также Бекитины
 Бекитины /бекиты, бекитлас/ 26, 98, 131, 152, 204, 216, 218, 220,
 221, 222, 225-227 - см. также Аваро=андо=дидойские народы
 Бекиталы 131 - см. также Бекитины
 Билол 26 - см. также Аварин
 Болхиты 203 - см. также Ботлихи
 Болхиты 98 - см. также Ботлихи
 Ботлихи 24, 26, 29, 37, 74, 75, 77-79, 82, 84, 86, 87, 92, 95, 97, 98, 112,
 128, 130, 144, 149, 152, 172, 203 - см. также Аваро=андо=дидойские
 народы
 Буйхадя -/буйхал/ 75 - см. также Ботлихи
 Булбуль 152 - см. также Багулалы
 Бульдира 26 - см. также Ботлихи
 Булхалы 130. См. также Ботлихи
 Бутурул 26 - см. также чеченцы

 Падилы 203 - см. также Андийцы
 Пандалы 130 - см. также Андийцы
 Пахвалы 130 - см. также Ахвахи
 Гинухи 216
 Годоберинцы 26, 37, 74, 75, 82, 97, 98, 129, 130, 132, 133, 140, 141, 144,
 146, 149, 152, 198, 203 - см. также Аваро=андо=дидойские народы
 Горские евреи 38, 239, 268
 Грузины 77, 113, 152, 216, 263
 Гуржия 152 - см. также Грузины

Гьалбимов 98 - см. также Аварцы
Гьалгъаяв 152 - см. также Ингуши
Гьандил 152 - см. также Андийцы
Гьаргиль 152 - см. также Кумыки
Гьодобериль 152 - см. также Годоберинцы
Гьвандил 75 - см. также Андийцы
Гьобидди 75 - см. также Годоберинцы
Гьобидиль 130 - см. также Годоберинцы
Гьодобердилал 26 - см. также Годоберинцы
Гьодобериль 203 - см. также Годоберинцы
Гьюкисе 204 - см. также Лаки
Гьумакиль 131 - см. также Кумыки

Даргинцы 20, 56, 98, 131, 152, 166, 204, 239, 240, 246-248, 267
Дядовдирел 26 - см. также Цезы /дидойцы/

Евреи 27

Зирехгеран 246 - см. также Кубачинцы

Индарав 152 - см. также Тиндалы
Ильалове 213 - см. также Аварцы
Ингуши 17, 23, 152 - см. также Гьалгъаяв
Индарал 75 - см. также Тиндалы

Кайтаки /кайтаги, кайтапы/ 20, 131, 151, 239-242, 246, 247
Капучины 216 - см. также Божитины
Каратины 26, 37, 74, 75, 77, 78, 96, 97, 98, 100, 109, 113, 115, 117,
120-122, 126, 130, 132, 149, 152, 202, 203
Кубачинцы 14, 16, 20, 56, 131, 240, 248-253, 259-261, 263, 266,
267, 269 - см. также Зирехгеран, Кубечи, Урбуганте
Кубечи 248 - см. также Кубачинцы
Кумыки 38, 75, 98, 130, 152, 204, 239, 240, 247
Кирель 130, 203 - см. также Каратины
Кичвал 153 - см. также Каратины

Кікілалал 98 - см.также Каратини

Кікіларадирал 26 - см.также Каратини

Кікіирди /кікіирлътъе/ 75,98 - см.также Каратини

Къванал /къванал, гвандал/ 25 - см.также Андийци

Кънялав 152 - см.также Чеченцы

Лакав 152 - см.также Лаки /лакцы/

Лаки /лакцы/ 95,97,131,152,204,230

Лезгини 131,151,263

Лъиндилъи 130 - см.также Тиндалы

Лъагилъи 204 - см.также Кумыки

ЛъарагІал 75 - см.также Кумыки

ЛъарагІилъ 98 - см.также Кумыки

Лъъидилъи 203 - см.также Тиндалы

МагІарулав 130,152 - см.также Аварцы

МагІарулап 75 - см.также Аварцы

Монголы 38,119,262

Ногайцы 38

Персы 263

Русские 59

Табасаранцы 131,240

Терские казаки 8

Тиндалы /тиндийцы/ 26,75,98,130,149,152,154,163,166,203,215

Тиндерав 98 - см.также Тиндалы

Тиндирал 26 - см.также Тиндалы

Урбуганте 248 - см.также Кубачинцы

Хваршини 26,98,131,152,204

Хунзалол 26 - см.также Хунзалы

Хунзалы /хунзалис/ 26,97,216,226,227

Хунзах: 27 - см. также Аварцы

Хиндалади 153 - см. также Аварцы, Андийцы, Ботлихцы, Каратинцы

Хиндалол 26 - см. также Аварцы, Билалы

Хваршилъ /и/ 98, 130, 152, 204 - см. также Хваршинцы

Хваршинидирал 26 - см. также Хваршине

Цезы /дицойцы/ 26, 97, 131, 152, 204, 205, 216

Цуйлы 131 - см. также Цезы

Цунтинцы 26 - см. также Ахвахцы, Багулалы, Бехтинцы, Каратинцы,
Тиндалы, Хваршинцы, Хунзалы, Цезы, Чамалалы

ЦадахIаль 152 - см. также Даргинцы

ЦиIунадираI 26 - см. также Цунтинцы

Цумль 152 - см. также Цезы

ЦутIаль 204 - см. также Цезы

Чамалалы 26, 37, 98, 129, 130, 149, 152, 172, 203

Чеченаз 152 - см. также Чеченцы, Кыялавы

Чеченцы 23, 26, 28, 38, 63, 104, 132, 152

ЧIамацIолов 98 - см. также Чамалалы

ЧIамалаз 130, 152 - см. также Чамалалы

ЧIириль 152 - см. также Каратинцы

ЧIамалалъIе 203 - см. также Чамалалы

ЧIчIамалол 26 - см. также Чамалалы

ЭнзебI - см. Хунзалы

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис.1. Андийка в традиционном костюме // Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. XIX - начало XX в. М., 1981. Табл.24.
- Рис.2. Традиционные женские головные уборы /чухта/.
Вверху - андийский;
Внизу - тиндальско-багулальский. Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ.1953.Вып.28. С.24.
- Рис.3. Кубачи /с гравюры начала XIX в./ // Атлас к ученому путешествию академика Б.Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб.1895.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИЭА РАН	- Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, Москва
КСДЛЧ /СК/	- Краткое содержание докладов Лавровских чтений / среднеазиатско-кавказских/, Ленинград - Санкт-Петербург
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, Москва
КЭС	- Кавказский этнографический сборник, Москва
НЭАН	- Новое в этнографических и антропологических исследованиях, Москва
ПИИЭ	- Полевые исследования Института этнографии АН СССР, Москва
СМАЭ	- Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Ленинград - Санкт-Петербург
СЭ	- Советская этнография, Москва - Ленинград
ЦГА РГ	- Центральный государственный архив Российской Федерации, Москва
ЦМН	- Центральный музей народоведения, Москва

Российская
Академия
Наук

Институт
Этнологии
и Антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Координационно-
методический центр прикладной
этнографии

Центр русских
исследований
